

Городские исследования и практики

ТОМ 10, № 1, 2025

Локальности и гетеротопии

Urban Studies and Practices

Volume 10, issue 1, 2025

Localities and Heterotopias

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Городские исследования и практики

ТОМ 10, №1, 2025

Локальности и гетеротопии

Редактор-составитель

И. Н. Стась (ТюмГУ, Российская Федерация)

Главный редактор

В. В. Анашвили (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
Е. А. Ахмедова (СамГТУ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания))
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
С. Д. Митягин (НИИПГ, Российская Федерация)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАРХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (Русское географическое общество, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. С. Савоскул (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)
Е. С. Фидря (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке В. Савенков

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2025

Содержание

- 6 **Александр Замятин**
Двусмысленная партисипация: взгляд на соучастие
из политической теории
- ЛОКАЛЬНОСТИ
- 21 **Роман Бабейкин, Татьяна Гудзь, Наталья Самоловских**
Централизация муниципальных полномочий в сфере
градостроительной деятельности: к глобальной дискуссии
о роли локализма в управлении развитием территорий
- 38 **Иван Борисов, Иван Митин, Георгий Шаров**
Привлекательность городской периферии как пространственное
представление: теоретический синтез
- 50 **Николай Буланин**
Закономерности локальной активности населения: социологический
пересмотр городской пространственной структуры
- 68 **Софья Прокопова**
Адаптация или имитация: поиск комфортной среды
арктических городов .
- ГЕТЕРОТОПИИ
- 87 **Алиса Сторчак**
Атмосфера места: новый подход к исследованию кладбищ
(кейс Калитниковского кладбища)
- 99 **Игорь Пахомов**
Страх перед преступностью в городской среде: систематический
обзор актуальных исследований
- КРИТИКА
- 116 **Иван Тарасов**
Спиддейтинг с дисциплинами: рецензия на книгу The City:
An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT

Urban Studies and Practices

VOLUME 10, ISSUE 1, 2025

Localities and Heterotopias

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Guest Issue Editor

Igor Stas (UTMN, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (HSE University, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)

Ruslan Dokhov (HSE University, Russian Federation)

Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Elena Akhmedova (Samara Polytech, Russian Federation)

Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)

Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)

Eugene Asse (March, Russian Federation)

Andrei Belykh (RANEPa, Russian Federation)

Peter Bishop (UCL, UK)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Yefim Fidrya (HSE University, Russian Federation)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)

Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Mark Levin (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)

Sergey Mityagin (NIIPG, Russian Federation)

Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)

Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Maria Savoskul (MSU, Russian Federation)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)

Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo Vladislav Savenkov

© HSE University, 2025

Table of Contents

6	Alexander Zamyatin Ambiguous Participation: A View on Participatory Design from Political Theory
LOCALITIES	
21	Roman Babeykin, Tatiana Gudz', Natalia Samolovskikh Centralization of Municipal Powers in Urban Planning: Contributing to the Global Debate on the Role of Localism in Territorial Development Management
38	Ivan Mitin, Ivan Borisov, Georgy Sharov The Attractiveness of the Urban Periphery as a Spatial Representation: A Theoretical Synthesis
50	Nikolay Bulanin Patterns of Local Human Activity: The Sociological Revision of Urban Spatial Structure
68	Sofia Prokopova Adaptation or Imitation: The Search for a Comfortable Urban Environment in Arctic Cities
HETEROTOPIAS	
87	Alisa Storchak Place Atmosphere: A New Approach to Cemetery Research (A Case Study of Kalitnikovskoe Cemetery)
99	Igor Pakhomov Fear of Crime in Urban Environments: A Systematic Review of Current Research
CRITICISM	
116	Ivan Tarasov Speed Dating with Disciplines: A Review of "The City. An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies"

Двусмысленная партиципация: взгляд на соучастие из политической теории

Александр Замятин

Идея о вовлечении горожан в проекты развития городских пространств давно стала общим местом в урбанистике. Однако на практике «соучастие»¹ сопровождается повторением одних и тех же вызывающих замешательство вопросов: чем является и чем не является соучастие? как отличить его от манипуляции и имитации? что является его результатом и как оценивать его эффекты? [Верецагина, 2021, с. 8]. Но, пожалуй, самый сложный вопрос состоит в том, зачем вообще нужна партиципация, почему мы считаем, что нужно вовлекать горожан?

Этот вопрос до сих пор не получил обстоятельного ответа в русскоязычной урбанистике. Добродетели партиципации считаются очевидными и не заслуживающими критического рассмотрения. Тем временем у партиципации есть несколько существенно различных обоснований, которые конфликтуют между собой и предоставляют различные ответы на перечисленные трудные вопросы о смысле соучастия. Некритическое смешение этих обоснований порождает трудности в проектировании, реализации и оценке результатов соучастия.

Не претендуя на всеобъемлющее исследование партиципации во всех ее изводах и ограничиваясь эволюцией теории и практики партиципации в США и некоторых других западных странах во второй половине XX века, давайте обратимся к истокам партиципативных идей в городской политике и рассмотрим их генеалогию из перспективы политической теории.

Замятин Александр Андреевич, соведущий программы «Политическая философия», Московская высшая школа социально-экономических наук (МВШСЭН), Российская Федерация, 125009, г. Москва, Газетный пер., 3–5, стр. 1.
E-mail: mss2000110@universitas.ru

Чем обосновывается применение соучастия в городских проектах? В поисках нормативных оснований соучастия автор обращается к генеалогии партиципативных идей и практик в городском управлении и прослеживает их эволюцию – от зарождения в середине XX века на Западе до импорта в Россию в 2010-е годы. Автор выявляет две линии аргументации в пользу вовлечения горожан: демократическую и технократическую. Эти два способа обоснования партиципации, будучи по существу противоречащими друг другу, часто смешиваются в двусмысленном понятии соучастия, что порождает путаницу в современных теориях соучастия и трудности на практике, в том числе в вопросах об оценке результатов. В конце статьи автор предлагает выводы, которые должны помочь справиться с двусмысленностью соучастия как тем, кто работает с партиципативными проектами, так и вовлекаемым горожанам.

Ключевые слова: соучастие; партиципация; вовлечение; партиципативный поворот; демократия участия; городское планирование

Цитирование: Замятин А.А. (2025) Двусмысленная партиципация: взгляд на соучастие из политической теории // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp10120256-20>

1. Термин «соучастие» является устоявшимся переводом англоязычного *participation*, поэтому в дальнейшем я использую термины «соучастие» и «партиципация» как синонимы, предпочитая последний, но указывая первый там, где это необходимо для контекста.

Генеалогия партисипации

Партисипация пришла в русскоязычную урбанистику на позднем этапе своего становления уже со сложившейся совокупностью обоснований. В обосновании партисипации наряду с общими соображениями о демократии² обычно перечисляются ожидаемые ее положительные эффекты: согласование интересов всех участников, повышение доверия к власти, обретение участниками субъектности, «превращение горожан в граждан» [Верещагина, 2021, с. 13–15] и др. [Вовлечение..., 2023, с. 20–27]. Некоторые обоснования партисипации в российском контексте уже можно найти и в официальной риторике: «Соучаствующее проектирование – это <...> один из инструментов развития местного самоуправления, который способствует формированию чувства сопричастности к месту и повышению эффективности управленческих и планировочных решений» [Рекомендации..., 2017].

Если же взглянуть на историю становления партисипации в западных странах, откуда она была импортирована в Россию, то можно заметить, что между отдельными аргументами в ее пользу из приведенной выше синтетической совокупности ее обоснований наблюдаются противоречия. Так, на практике стремление к повышению эффективности решений часто противоречит демократическим соображениям, а обретение горожанами политической субъектности плохо сочетается с доверием к власти. Обратимся к генеалогии партисипации, чтобы выделить различные подходы к обоснованию партисипации и их общественно-политические истоки.

Партисипативный поворот в теории демократии

В 1950-х годах началась масштабная ревизия в теории демократии. Накопленные к этому моменту эмпирические данные об общественном мнении и поведении граждан показали, что даже в самых развитых демократических странах большинство людей слабо вовлечены в политический процесс и плохо информированы о нем³. Обнаруженный факт отчуждения большинства граждан этих стран от политического процесса поставил под вопрос общепринятую на тот момент концепцию народного правления в либеральных режимах. До этого считалось, что народовластие обеспечивается тем, что граждане выражают свои предпочтения на регулярных выборах и пользуются прочими гражданскими свободами для контроля своих представителей

во время между голосованиями. Оказалось, что на практике лишь малая часть общества действительно формулирует и выражает на выборах свои политические предпочтения так, как это представлялось политическим теоретикам, тогда как большинство граждан не имеют подобных мотивов для участия в голосованиях. При этом первая группа состоит из преимущественно привилегированных в социально-экономическом отношении лиц. Поэтому встал вопрос о том, кто действительно правит в «демократиях» и корректно ли их так называть, и политологам пришлось пересматривать само определение демократии⁴. В 1960-х годах обнаруженная исследователями недемократичность западных «демократий» достигла критического уровня и привела к появлению массовых протестных движений, объединенных требованием допуска к политическому участию: движение за гражданские права в США, феминистское движение и студенческие волнения по всему западному миру и т.п.

В связи с этим в западных странах, и прежде всего в США, начинается бурное развитие демократической теории в двух противоположных направлениях. На одном фланге появились консервативные авторы, которые стремились показать, что демократия может быть устойчивой и эффективной без активного участия граждан и, более того, что массовое участие угрожает демократии⁵. Для этого им понадобилось значительно пересмотреть само определение демократии и изъять из него идеалы народного участия как не соответствующие реалиям индустриального общества. Такие теории называют «минимальной» или «элитистской» демократией. На другом фланге появляются противоположные идеи о снятии барьеров для политического участия и вовлечении как можно большего числа граждан в самоуправление без представительства. Именно на этом фланге рождается теория демократии участия (*participatory democracy*). Ее авторы настаивали на том, что участие является неотъемлемой частью подлинной демократии, ссылаясь на широкий спектр классических теоретиков – от Жан-Жака Руссо до Джона Стюарта Милля.

Неологизм «демократия участия» был призван подчеркнуть принципиальное отличие от новых теорий «минимальной» демократии. Впервые в научной литературе он появляется в статье Арнольда Кауфмана «Человеческая природа и демократия участия» [Kaufman, 1960] и затем популяризируется в Порт-Гуронской декларации движения студентов за демократическое общество (SDS), принятой на их съезде в 1962 году⁶. К последующим знаковым работам,

2. «Общественное участие основывается на фундаментальном демократическом принципе, согласно которому граждане, на которых оказывает влияние то или иное решение, должны иметь возможность повлиять на него, тем самым становясь более ответственными» [Санофф, 2015, с. 7].

3. См., напр., пионерские работы в политической социологии [Berelson et al., 1954; Кац, Лазарсфельд, 2024], а также более позднюю классическую работу [Almond, Verba, 1963].

4. Классическую постановку этого вопроса см. в: [Даль, 1992].

5. См., напр.: [Kornhauser, 1959]. Обзор соответствующих работ см.: [Pateman, 1970, p. 1–21].

6. Подробнее об истоках партисипативных идей в SDS и влиянии Кауфмана см. в: [Gara, 2020].

развивающим идеи демократии участия, относятся: «Участие и демократическая теория» Кэрл Пейтман, «Жизнь и времена либеральной демократии» Кроуфорда Макферсона и «Сильная демократия» Бенджамина Барбера [Pateman, 1970; Macpherson, 1977; Barber, 1984]. Расцвет партисипативных идей и сопутствующих проектов их практической реализации получил в политической теории название «партисипативный поворот» [Bherer et al., 2018]. Его участники были объединены критикой системы электорального представительства и стремлением предложить более демократические способы организации власти.

Из этого предельно сжатого экскурса к истокам «демократии участия» в политической теории видно, что она появляется не как общепринятая и неотъемлемая часть демократии, а как радикально реформистский (и даже во многом революционный) проект демократизации представительных режимов, который полемизировал с консервативным течением. Как мы увидим, именно с этим связано одно из противоречий современной концепции соучастия.

Партисипация в городском планировании

Одной из самых первых сфер, куда внедрялась партисипация в западных странах, было городское планирование⁷. Первые доводы в пользу вовлечения горожан появляются в американском градостроительном законодательстве еще в 1920-х годах в связи с введением публичных слушаний (Standard City Planning Enabling Act, 1928)⁸. Слушания сами по себе сегодня уже не считаются полноценной формой участия как в западной, так и в российской урбанистике, но интересны исходные аргументы за их введение: «Один из них заключается в том, что те, кто недоволен планом, <...> получают возможность представить свои возражения и, таким образом, получают удовлетворение от того, что их возражения приведут к желаемым поправкам, или, по крайней мере, ощущение, что их возражения были внимательно выслушаны <...>. Другая большая ценность публичных слушаний заключается в их воспитательной силе (*educating force*). Они привлекают внимание общественности к плану, побуждают к его изучению и обсуждению» [A Standard City Planning..., 1928, p. 18]. Запомним эти аргументы.

Настоящий бум партисипации в американском городском планировании произошел в 1960-х годах в связи с появлением федеральных жилищных программ, в которых одним из критериев финанси-

рования было вовлечение горожан⁹. Эти программы во многом были ответом на неудачи в опыте масштабной программы городской реновации 1949–1962 годов. В законе о жилищном строительстве 1954 года уже присутствовало требование создавать совещательные органы с включением в них лидеров местных сообществ. Муниципальные власти использовали эти совещательные органы для легитимации уже принятых решений, подбирая удобных себе людей и манипулируя ими. Параллельно в городах росла низовая протестная активность самых угнетенных групп — расовых меньшинств и беднейших горожан, на которых и были нацелены эти программы. Федеральные власти стремились снять растущее социально-экономическое напряжение, а городское планирование считалось важным инструментом социальной политики [Rein, 1969; Zimmerman, 1972, p. 4–11].

В этом контексте команда президента Линдона Джонсона открывает «второй фронт войны с бедностью» и продвигает «Закон об экономических возможностях» (Economic Opportunity Act, ЕОА, 1964), в котором появляется формулировка о «максимально возможном участии местных жителей и обслуживаемых групп»¹⁰. Аналогичное требование «широкого участия горожан» (*widespread citizen participation*) появилось в программе «Образцовые города» (Model Cities, Demonstration Cities and Metropolitan Development Act, 1966). Федеральная власть учла сопротивление властей штатов и муниципалитетов и сделала ставку на активизацию низовых слоев местных жителей через непосредственное наделение их ресурсами для противостояния местным элитам и бюрократии.

Требование «максимально возможного участия» вызывало недоумение у многих местных чиновников. По признанию некоторых, они были уверены, что чернокожие и бедняки не смогут полноценно участвовать и сыграют чисто символическую роль в обсуждении [Rubin, 1969, p. 21–22]¹¹. Вопреки этим расовым и классовым предрассудкам, сами угнетенные группы восприняли законодательное требование обеспечения их участия как возможность бороться за свои интересы. Активные и нередко агрессивные выступления горожан на заседаниях, собраниях и слушаниях с требованиями допуска к распределению ресурсов приводили в ужас белых привилегированных чиновников из среднего класса, которые увидели в этом «власть толпы» и подстрека-тельство к городским бунтам [Day, 1997, p. 423–424]. Мэры городов потребовали от федеральной власти перестать «разжигать классовую борьбу» и дать им

7. В русскоязычном контексте обычно говорят о «проектировщиках» и «проектировании», но я буду пользоваться терминами «планировщик» и «планирование» как более широкими по смыслу.

8. Об укорененности партисипативных идей в американской политической традиции см.: [Langton, 1979]. О партисипации в Англии и Австралии начала XX в. см.: [Thorpe, 2017].

9. Число упоминаний партисипации в публикациях планировщиков резко возрастает в конце 1960-х гг. [Hulchanski, 1977].

10. «Maximum feasible participation of the residents of the areas and members of the groups served». Подробнее о происхождении формулировки см.: [Rubin, 1969; Strange, 1972].

11. Это мнение нашло некоторую поддержку и среди социологов. См.: [Spiegel, 1968, p. 9–10].

официальные рычаги влияния на органы, управляющие программой. В частности, Конференция мэров США добилась права вето на решения этих органов в обмен на закрепление квоты в треть мест для представителей обслуживаемых групп в них [Howard et al., 1994, p. 165]. Таким образом, вопросы о целях и методах партисипации в американском контексте изначально отражали острые социально-политические противоречия между разными социальными группами.

В первые годы федеральная власть не конкретизировала, что считается «максимально возможным» или «широким» участием — это был голый императив. Первый директор Управления по созданию экономических возможностей (учреждено в рамках ЕОА) Сарджент Шрайвер настаивал, что формы партисипации должны вызревать снизу эволюционным путем без строгих инструкций сверху [Zimmerman, 1972, p. 6]. Позже министерство жилищного строительства и городского развития (Department of Housing and Urban Development, HUD) пыталось разрабатывать рамочные формальные критерии партисипации для программы «Образцовые города» и городской реновации. Соответствующий запрос министерства к планировщикам и управленцам спровоцировал масштабную научную и публицистическую дискуссию об основаниях и целях партисипации. За их осмысление берутся не только планировщики, но и политологи с социологами, правоведы и представители других дисциплин [Spiegel, 1968]. Эта дискуссия наложилась на момент фундаментального переосмысления оснований профессии внутри сообщества городских планировщиков [Bolan, 1967; Rittel, Webber, 1973]. Такое сочетание запроса к планировщикам извне и их внутреннего профессионального кризиса привело к тому, что сами планировщики занялись «политической философией» партисипации и разработали много важных для нас аргументов и идей. Обратимся к некоторым из них.

Организатор соучастия из Бостона Эдмунд Бёрк в статье «Стратегии гражданского участия» [Burke, 1968] критикует расхожее обоснование партисипации через принцип, согласно которому граждане должны иметь возможность влиять на все решения, которые их касаются¹². Он показывает, что этот принцип несостоятелен, потому что на практике существуют такие сферы общественно-политической жизни, которые мы даже не пытаемся демократизировать, хотя они имеют большое влияние на всех граждан. Например, вопросы национальной безопасности. Препятствием для демократизации в подобных случаях выступает необходимость наличия специальных компетенций у тех, кто принимает решения. Согласно Бёрку, за общими словами о пар-

тисипации стоит непростой вопрос о том, какие решения в сфере городского управления входят в компетенцию горожан, а какие являются прерогативой специалистов. Проявленная здесь дилемма демократии и экспертизы лежит в основе еще одного противоречия в концепции партисипации, к которому мы вернемся ниже.

Бёрк выделяет пять практических подходов к партисипации, за которыми стоят разные ее обоснования. Недостатки и границы применимости каждого подхода заданы тем, что горожане могут войти во вкус и потребовать той глубины участия, на которую организующая сторона не готова. Организующая сторона всегда имеет в виду конкретные цели, для достижения которых та или иная форма партисипации подходит лучше или хуже. Получается, что партисипация не может обеспечить перераспределение самого права определять цели политики, поскольку эти цели заранее формулируются организаторами партисипации. Можно применить процедуры партисипации и к вопросам об этих целях, но тогда снова встанет вопрос, с какой целью нужна и как должна быть устроена такая партисипация. Таким образом, партисипация всегда предполагает дистанцию между вовлекающими и вовлекаемыми.

Через год в том же журнале Американского института планировщиков¹³ выходит знаменитая статья Шерри Арнштейн «Лестница гражданского участия», в которой она тоже начинает с того, что общих ссылок на демократические принципы недостаточно для обоснования партисипации: «Когда неимущие определяют участие как перераспределение власти, американский консенсус о фундаментальном принципе распадается на множество оттенков расовых, этнических, идеологических и политических противостояний» [Arnstein, 1969, p. 216]. Арнштейн определяет партисипацию как «перераспределение власти, которое позволяет неимущим горожанам, которые сейчас исключены из политического и экономического процессов, осознанно включиться в них в будущем» [Ibid.]. Согласно Арнштейн, партисипация без перераспределения власти превращается в пустой ритуал, фрустрирующий неимущих, что и происходит на практике в большинстве известных ей программ.

Градация уровней участия в метафоре лестницы Арнштейн выражает растущие требования к перераспределению власти со стороны участвующих, о чем писал и Бёрк. В современной урбанистике «лестницу» Арнштейн иногда используют как меру подлинности партисипации — чем выше ступень, достигнутая в данном проекте, тем ближе он к идеалу¹⁴. Однако сама Арнштейн сразу поясняет, что в метафору заложено противопоставление тех, у кого есть власть, тем, у кого ее нет. Она пишет,

12. Этот довод мы видим 40 лет спустя у Генри Саноффа [Санофф, 2015].

13. Тогда *Journal of the American Institute of Planners (AIP Journal)*, сейчас *Journal of the American Planning Association*.

14. Заметим, что метафора лестницы многократно подвергалась критике и принимается не всеми урбанистами. См., напр.: [Romariz et al., 2022].

что для достижения подлинной партисипации есть существенные препятствия, которые она не включает в свой анализ, а именно: предрассудки, патернализм и нежелание делиться властью, с одной стороны, и социально-экономическое положение неимущих, порождающее чувство бесперспективности, отчуждение и недоверие, — с другой. В отличие от некоторых своих последователей, Арнштейн не испытывала иллюзий относительно достижимости подлинного участия по воле самих властей: «В большинстве случаев, когда власть перераспределялась, это происходило потому, что ее брали сами горожане, а не потому, что городские власти ее отдавали» [Arnstein, 1969, p. 222]. Развивая эту мысль, некоторые авторы утверждали, что практикуемые форматы партисипации не просто не сокращают дистанцию между вовлекающими и вовлекаемыми, но могут даже увеличивать ее [Mulder, 1971].

Другая распространенная линия обоснования партисипации использует «воспитательный» (или «образовательный» — от *educational*) аргумент, который гласит, что участие помогает людям овладеть навыками гражданской жизни и тем самым делает их лучше¹⁵. Этот аргумент получил две противоположные интерпретации в спорах о партисипации в городском планировании. В одной версии, которую приводит Бёрк [Burke, 1968, p. 288], коллективный опыт решения общих проблем помогает жителям развить навыки демократического самоуправления, обрести уверенность в своих политических силах и чувство сообщества. Этот аргумент имеет особенное значение в теории развития местных сообществ, где партисипация сосредоточена на самих сообществах, а непосредственные цели планирования играют второстепенную роль [Ross, 1958].

Однако в экспертной среде чаще встречается другое представление о «воспитательной» функции партисипации: соучастие позволяет гражданам понять, что решения, предлагаемые планировщиками, хорошие и правильные. В этом случае партисипация должна помочь планировщикам убедить недовольных граждан в своей правоте. Как с иронией замечают британские исследователи Шон Дамер и Клифф Хейг в анализе доклада Скеффингтона¹⁶, он написан планировщиками и бюрократами, которые думают, что если эксперт добросовестно следует принципам объективности и рациональности, то общество может быть недовольно его проектами только в силу своего невежества, а преодолеть невежество и понять замысел планировщика люди могут в процессе участия [Damer, Hague, 1971, p. 223–224]. Отметим, что не все участвующие в этой дискуссии планировщики придерживаются такого взгляда, не-

которые оппонируют ему: «Когда люди отвергают идею планировщика, это происходит не потому, что они глупы или злы, а потому, что у них другие стили жизни и цели» [Gans, 1969, p. 41].

У дискуссии о способности простых горожан принимать решения экспертов было ответвление, которое развилось в США в целое движение адвокативного планирования. В его основе лежит идея о конкуренции градостроительных проектов. Альтернативным источником проектов должны стать сообщества местных жителей, которым для этого потребуются профессиональные компетенции планировщиков. В статье-манифесте «Адвокация и плюрализм в планировании» Пол Давидовф пишет: «Если процесс планирования призван стимулировать демократическое городское управление, то он должен функционировать таким образом, чтобы включать, а не исключать граждан из участия в процессе. “Включение” означает не только разрешение гражданам быть услышанными. Оно также означает, что они должны быть хорошо информированы о причинах, лежащих в основе предложений по планированию, и уметь отвечать на них на техническом языке профессиональных планировщиков» [Davidoff, 1965, p. 332]. Адвокативный планировщик помогает вовлекаемым горожанам оформить свои предпочтения и интересы в профессиональный проект и квалифицированно оппонировать городской администрации. Перед нами попытка совместить две версии воспитательного аргумента: горожане должны обрести субъектность в процессе городского планирования и вместе с тем повысить уровень своих предложений до принятого в профессиональной среде. Этот синтез требовал от планировщиков отказа от роли нейтральных консультантов и принятия идеологических установок, учитывающих общественное положение тех, кому они помогают [Акимов, 2015].

Первые результаты и первые разочарования

Если в 1960-е годы у демократически настроенных активистов и планировщиков в западных странах еще было достаточно романтических надежд на партисипативные трансформации, то 1970–1980-е стали для них годами отрезвления и подведения неутешительных промежуточных итогов. Административная и экономическая зависимость местных сообществ не позволила им добиться децентрализации власти и получить свое место в процессе управления городами. Независимые корпорации развития не смогли привлечь достаточного финансирования для успешной конкуренции с муниципальной бюрократией [Cahn, Cahn, 1971]. Городские власти со своей стороны стремились задержать

15. Это классический аргумент, восходящий к Алексису де Токвиллю. См.: [Mansbridge, 1995].

16. Первый официальный документ, посвященный развитию партисипации в английском градостроительстве, 1969 г. Публикация доклада открыла большую полемику о партисипации в профессиональном сообществе английских планировщиков и управленцев. См.: [Shapely, 2011].

процесс вовлечения на нижних ступенях «лестницы» Арнштейн, о чем та и предупреждала.

С приходом в Белый дом Ричарда Никсона в 1969 году у федеральной власти сменились приоритеты, и энтузиазм в развитии партисипации резко пошел на убыль. В частности, местное администрирование программы «Образцовые города» передали от агентств муниципалитетам, сократив роль горожан до совещательной и наблюдательной [Zimmerman, 1972, p. 10]. В следующей программе 1974 года (Housing and Community Development Act) вместо требований о «максимально возможном» или «широком» участии появились слова об «адекватных возможностях для участия»¹⁷. Смена формулировок символизировала переход федеральной власти от мобилизации нижних социальных слоев к стабилизации и возвращению контроля муниципалитетам — новый президент хотел не борьбы с бедностью и неравенством, а закона и порядка.

Энтузиасты партисипативного поворота в среде планировщиков и в местных сообществах постепенно приходили к осознанию того, что «со стороны правящих элит никогда не было никакого намерения допускать участие граждан в разработке эффективной стратегии перераспределения реальной власти» [Neuse, 1983, p. 305]. Ярким примером является книга планировщика Роберта Гудмана «После планировщиков» (1972), в которой он выступает с острой критикой движения адвокативного планирования, к которому он сам еще недавно имел отношение. Анализируя свой опыт и опыт всего движения, Гудман пишет, что альтернативные проекты почти нигде не смогли создать реальную конкуренцию проектам городских планировщиков, но не в силу слабого их качества, а в силу самого устройства системы власти, которая не заинтересована в конкуренции в градостроительстве. Досталось от Гудмана и партисипации: «Мы могли играть в гражданское участие, но только до тех пор, пока оно было ограничено косметическими улучшениями» [Goodman, 1971, p. 212–213]. Аналогичную критику партисипации высказывал и другой влиятельный адвокативный планировщик, глава департамента городского планирования Кливленда в 1969–1979 годы Норман Крумгольц: «Помощь общественным организациям не следует путать с “участием граждан”. Мы не стремились легитимировать наши планы, а, скорее, хотели помочь местным соседским организациям разработать и реализовать их собственные программы» [Krumholtz, 1986, p. 334]. В обоих случаях разочарование в партисипации связано с восприятием ее как манипулятивной практики легитимации нужных властям проектов.

В 1972 году на страницах спецвыпуска *Public Administration Review*, посвященного участию го-

рожан в градостроительных программах, появилась статья под заголовком «Максимально возможная манипуляция»¹⁸ [Arnstein, 1972], в которой представители одного из местных сообществ Филадельфии описали свой трехлетний опыт участия в программе «Образцовые города». В форме подробной хроники они показали, как власти раз за разом нарушали свои обещания, манипулировали ими и недобросовестно использовали свой эксклюзивный доступ к информации, официальным лицам и процессам принятия решений. Шаг за шагом первичный наивный энтузиазм местных активистов сменялся разочарованием и недоверием к властям. В конце они перечисляют уроки, которые вынесли из этого опыта: нельзя верить муниципалитету, министерству и президенту, партисипация «сверху» не соответствует заявленным целям, нужно рассчитывать только на силы самого сообщества и быть готовыми к настойчивому отстаиванию своих интересов перед чиновниками, которые будут пытаться «умерить наши умы, наш дух и наши амбиции» [Ibid., p. 390].

Сразу после этой статьи в журнале шел аналогичный хронологический очерк сотрудников муниципалитета Филадельфии с заголовком «Взгляд из городской ратуши» [The View..., 1972], в котором они изложили ту же историю со своего ракурса. Отвечая на претензии сообщества, они подчеркивали, что не имели злых намерений, но, напротив, обеспечивали самые передовые в стране практики партисипации. Они признали, что опыт соучастия в Филадельфии оказался во многом негативным, но винят в этом вышестоящую бюрократию, радикализм активистов и отсутствие опыта.

С двух ракурсов, представленных в этих материалах, партисипация видится существенно различным образом. Для местного сообщества она была инструментом в борьбе за свои социальные права, потенциал которого оно пересматривало по мере накопления опыта. Тогда как для городских чиновников она была делом управленческой техники, направленной против протестной активности сообщества. Представленные позиции задают два разных взгляда на партисипацию с разными ее определениями, целями и критериями эффективности.

Рутинизация партисипации

Некоторые исследователи характеризуют дальнейшую эволюцию партисипации в городской политике как рутинизацию [Howard et al., 1994]. Власти старались вывести партисипацию из революционного регистра путем ее регламентации и бюрократизации: чем больше появлялось инструкций и процедурных правил вовлечения горожан, тем более

17. Этому предшествовали соответствующие изменения формулировок в методических рекомендациях HUD в 1969 г. См.: [Howard et al., 1994, p. 169].

18. Статья была подготовлена при поддержке Шерри Арнштейн как сотрудницы консультационной службы.

управляемым оно становилось.¹⁹ По мере рутинизации партисипация превращается в общепринятый элемент городского управления: она закрепляется в образовательных программах, методических рекомендациях, городских законах и практиках планировщиков.

Кажется парадоксальным, что это происходило в эпоху стремительного роста неравенства и упадка гражданской активности, то есть, казалось бы, противоположных партисипации процессов [Крауч, 2010; Brown, 2015]. Однако есть простое объяснение: нормализация партисипации происходила за счет подмены ее содержания. Под влиянием неолиберализма и «нового государственного управления» партисипация переопределяется как способ выявления индивидуальных предпочтений «потребителей» города.²⁰ Уже к началу 1990-х годов из нее выхолащивается весь демократический потенциал — доводы о политических свободах и равенстве вытесняются соображениями эффективности и качества продукта²¹. В неолиберальной парадигме партисипация становится аполитичной коммуникативной техникой. Теперь совершенствование методов вовлечения направлено на купирование общественных противоречий и деполитизацию: чем менее конфликтным образом проходит процесс соучастия, тем лучше, поскольку постулируется, что к достижению общего интереса ведет диалог, а не конфликт²².

Общее несоответствие антиполитической идеологии планирования его политической сущности обсуждалось в профессиональной среде уже в 1970–1980-х годах [Kiernan, 1983]. По известному выражению Хорста Риттеля, планирование имеет дело с «коварными проблемами» [Rittel, Webber, 1973], которые нельзя даже корректно сформулировать в рамках антиполитических концепций единого общественного интереса (*unitary public interest model*) и всеобщей рациональности (*rational comprehensive paradigm*). Но, несмотря на развитие школ, признающих политический характер планирования, на практике включение партисипации в тот или иной подход каждый раз происходит ценой превращения ее в предмет экспертизы и бюрократии [Lane, 2005]. Огромное множество современных критических исследований партисипации посвящено тому, как распространение и усложнение ее методов обеспечивает вовлечение без реального распределения власти и способствует сохранению статус-кво в городской политике [Dore, 2023; Lee et al., 2015; Polletta, 2014; Swyngedouw, 2005].

Таким образом, партисипация пережила концептуальную трансформацию из метода демократизации снизу в сопровождение профессиональной экспертизы. К 2010-м годам она окончательно превратилась из радикально демократического лозунга «новых левых» в мейнстримный инструмент неолиберального менеджмента [Ganuza et al., 2016, p. 329]²³, в виде которого и была импортирована в Россию. Интерес к партисипации также снизился и в политической теории, где она стала чем-то старомодным уже в 1990-х годах [Hilmer, 2010, p. 49–51].

Двусмысленность партисипации и ее внутренние противоречия

На протяжении более чем полувековой практики соучастия мы видим, что разные акторы городской политики наполняют это понятие своим содержанием, поскольку имеют конфликтующие притязания на процесс принятия решений. В связи с этим Дайан Дэй называет партисипацию «существенно оспариваемой концепцией» [Day, 1997]: невозможно выбрать общее для всех определение партисипации, потому что само это определение тоже является предметом того же политического противостояния, внутри которого она осуществляется²⁴. В этой части я выделю три внутренних противоречия партисипации, выражающих ее неустраимую двусмысленность²⁵. Такого рода противоречия хорошо известны в политической теории, которую я применяю здесь к урбанистической проблематике.

Противоречие 1. Демократия vs технократия

Партисипация пытается совместить профессиональное планирование с демократическим самоуправлением. С одной стороны, она направлена на обеспечение равенства и самоуправления в городском планировании, то есть содержит демократический элемент. С другой стороны, соучастие неизбежно предполагает позицию компетентного профессионала в привилегированном положении в процессе принятия решений — это ее технократическая составляющая.

В партисипации всегда есть организующая сторона, которая не находится в равных условиях с участниками. Как замечает Амелия Торп: «Идея о том, что процесс вовлечения общественности может быть разработан и переработан, основана на том предположении, что партисипация, как и пла-

19. Негативные эффекты бюрократизации партисипации многократно обсуждались в академической литературе тех лет. См., напр.: [MacNair et al., 1983; Etzioni-Halevy, 1983; Fagence, 1977].

20. О попытках встроить партисипацию в различные неолиберальные теории государственного управления см.: [Strokosch, 2020].

21. Подробнее об этапах этого процесса см.: [Baicocchi, Ganuza, 2017]. См. также типичный пример методических рекомендаций того времени: [Jones, 1990].

22. Альтернативная точка зрения представлена в агонистическом подходе, см.: [Kühn, 2021].

23. Заметим, что аналогичная трансформация идеи партисипации параллельно происходила в других сферах вне урбанистики. См., напр.: [Cleaver, 1999; Hickey, 2004].

24. Более актуальный пример см., напр.: [Potter, 2013].

25. Наверняка можно назвать более трех таких противоречий, здесь я не претендую на полноту.

нирование вообще, — это процесс, который контролируется профессионалами» [Thorpe, 2017, p. 569]. Партиципация предполагает, что эксперты и чиновники помогают горожанам прийти к самоуправлению. А поскольку это ставит под угрозу политическое положение самих чиновников и экспертов, они склонны выхолащивать демократическое содержание из партиципации. Как показывает Франческа Поллетта, профессиональные нормы организующей стороны задают свое представление о партиципации, отличное от принятого на стороне вовлекаемых участников [Polletta, 2016].

Профессионалы ссылаются на границы компетенций граждан, за пределами которых сохраняют свою монополию на власть. Вопрос об определении этих границ рождает указанное противоречие: если они не являются предметом партиципации, то самоуправление всегда остается ограничено технократией, а если предметом партиципации становится всё, то она не может управляться сверху. Соответствующая дилемма демократии и экспертизы делает несостоятельным обоснования партиципации через принцип демократической автономии.

На практике это концептуальное противоречие проявляет себя в известных трудностях с определением целей партиципации и критериев их достижения. Например, считаем ли мы, что партиципация движется в верном направлении, когда участники пытаются перейти к вопросам, которые не выносились на обсуждение? Так бывает, когда вместо благоустройства очередного парка люди хотят обсуждать перенаправление средств на другие нужды города. Демократическая составляющая партиципации говорит, что это хорошее развитие событий, потому что люди повышают свою политическую субъектность. Технократическая составляющая возражает, что такой разговор выходит за установленные профессионалами границы²⁶.

Противоречие 2. Плюрализм vs истина планирования

Партиципация пытается совместить многообразие мнений и опыта горожан с поиском наилучшего (или «правильного») решения. С одной стороны, она призвана сделать видимыми и значимыми интересы и предпочтения всех заинтересованных в данном проекте сторон. С другой стороны, она подразумевает, что есть истина городского планирования, привилегированным доступом к которой обладают эксперты. Это противоречие непосредственно связано с предыдущим, но здесь акцент делается

не на принятии решений, а на их «правильности», которая одновременно подразумевается и проблематизируется в партиципации.

Можно возразить, что никакого противоречия здесь нет, потому что под правильным решением понимается то, которое наилучшим образом соответствует интересам всех сторон (стейкхолдеров), а роль профессионального организатора партиципации ограничена тем, чтобы корректно выявить эти интересы и найти их приемлемую комбинацию. Однако предположение о существовании сложившихся интересов сторон, которые нужно просто обнаружить, отвергается в теории демократии участия. Любой партиципатор знает, что недостаточно провести опрос и собрать механическую сумму индивидуальных предпочтений. Люди должны сформулировать свои коллективные предпочтения в процессе делиберации²⁷, на что ориентированы некоторые методики партиципации²⁸. В этом случае профессиональный партиципатор выступает уже не в роли измерительного прибора, а в роли фасилитатора делиберации. Однако на деле партиципация никогда не ограничивается и этим, за ней всегда стоят соображения целесообразности у принимающих решения политиков или менеджеров и нанятых ими экспертов. Они имеют свои представления о «хорошем проекте», «интересах города» и подобных истинах планирования, которые предшествуют предпочтениям горожан, формируемым в ходе партиципации. Без этих представлений их профессиональная роль теряет смысл. В этом и заключается противоречие: партиципация должна быть процессом свободного создания «правильного» решения всеми участниками, но само это решение должно согласовываться с уже существующими представлениями ее инициаторов.

Это противоречие выражается, в частности, в двух противоположных трактовках «воспитательного» аргумента. В демократической версии партиципация ценна как школа гражданской жизни, в которой люди учатся осознавать и формулировать свои интересы, признавать интересы других и коллективно вырабатывать общие решения. В технократической версии аргумента партиципация должна подтянуть уровень знаний и гражданских компетенций участников до той отметки, на которой они смогут понять и авторизовать решения профессионалов.

На практике это приводит к затруднению в оценке результатов партиципации. Одобрение проекта по итогам всех стадий соучастия может указывать на два различных результата: либо это решение

26. Такая же ситуация часто возникает при партиципаторном бюджетировании, см., напр., замечательный анализ примеров из Чикаго и Кордобы в: [Ganuza et al., 2016].

27. Под делиберацией здесь понимается свободная и рациональная дискуссия между людьми, которым нужно принять совместное решение о чем-либо. На этом понятии основана теория делиберативной демократии, которая определяет демократию через условия для такой дискуссии и постулирует ее главной целью достижение консенсуса между принимающими решения людьми.

28. Между партиципативной и делиберативной демократиями есть тонкие различия, которые мы здесь опускаем без ущерба для аргумента. См.: [Hilmer, 2010].

сложилось в результате согласования участниками их общих интересов, либо организаторам удалось провести устраивающее их решение с допустимыми отклонениями. Кажется, что во втором случае мы имеем некоторую манипуляцию с нижних ступеней «лестницы» Арнштейн, поэтому подлинного соучастия здесь нет. Однако если инициаторы и организаторы соучастия считают, что итоговый продукт соответствует их представлениям об «интересах города» или «комфортной среде», то полученное согласие участников можно трактовать как положительный эффект партисипации, ведь горожане стали лучше понимать общие интересы города и прогрессивные урбанистические идеи²⁹.

Противоречие 3. Альтернатива vs модификация представительной системы

Партисипация исторически сочетает в себе две стороны. С одной – это радикальная демократическая альтернатива представительной системе. Идеи вовлечения и участия появляются в рамках проекта нового общественного устройства, дарящего надежду на самоуправление отчужденным от политики группам. С другой – подобные же идеи образуют и своего рода костыль для этой системы, ее поддерживающую модификацию³⁰.

Как мы видели, власти быстро сумели переприсвоить партисипацию и сделать из нее инструмент умиротворения общественных конфликтов. Первый же опыт санкционированной властью партисипации проявил ее двоякую природу: «К концу 1960-х годов уже было очевидно напряжение между теми, кто рассматривал участие как способ повышения эффективности планирования местными органами власти, и теми, кто стремился изменить планирование более фундаментально»³¹. Одни видели в партисипации субверсивный потенциал, а другие – новый контур обратной связи и инструмент усиления подотчетности для повышения доверия к власти³².

Так, например, Шерри Арнштейн в своей хрестоматийной статье настаивает: «Участие без перераспределения власти – это пустой и разочаровывающий процесс для тех, у кого ее нет. Оно позволяет власти имущим утверждать, что были учтены все мнения, и при этом сохранить извлече-

ние выгод для немногих. Участие укрепляет статус-кво» [Arnstein, 1969, p. 216]. В этом ее мнение совпадает с мнением Кэрл Пейтман, которая формулировала эту же мысль вне урбанистического контекста в плоскости теории демократий [Pateman, 1970]. Тогда как для некоторых их современников, особенно из властных кругов, о перераспределении власти не могло быть и речи: мэры, члены советов, губернаторы и другие избранные лица не должны разделять свое право на принятие решений с кем-либо, поскольку это противоречило бы принципу представительства³³.

Две стороны партисипации задают два существенно различных и во многом противоречащих друг другу подхода к ее обоснованию – инструментальный и трансформационный³⁴. В инструментальном подходе партисипация рассматривается как средство, которое нужно прагматично применять или отклонять в зависимости от поставленных целей³⁵. В трансформационном подходе партисипация имеет самостоятельную ценность и подчиняет себе политику³⁶. На практике эти подходы часто тесно переплетались, так что сами действующие лица не всегда могли их различить³⁷. Более того, за трансформационными декларациями иногда скрывается сугубо инструментальная прагматика [Damer, Hague, 1971].

Общая тенденция заключается в растворении демократических доводов трансформационного характера в массу инструментальных соображений. В современных методиках соучастия на дюжину управленческих и экономических эффектов (интересующих чиновников, политиков и инвесторов) приходится один эффект, направленный на повышение политической субъектности местного сообщества³⁸. История развития партисипации демонстрирует, что успех в достижении эффектов второго типа ставит под угрозу эффективность первого, однако полного отказа от демократических деклараций в партисипативном мейнстриме пока не произошло ни в западной, ни в российской урбанистике.

Заключение

Несмотря на консенсус о необходимости вовлечения горожан в городское планирование, у нас

29. Например, «принцип наличия образовательной или просветительской составляющей» или «эффект профессионализации горожан» в пособии: [Вовлечение..., 2023, с. 16, 26].

30. Это относится и к другим сферам участия вне урбанистики. См.: [White, 1996; Pateman, 2012].

31. Эти слова написаны о Великобритании, но применимы также и к США и другим странам, внедряющим партисипацию в 1960-х гг. Цит. по: [Huxley, 2013, p. 1535].

32. См., напр.: [Rosener, 1982].

33. См., напр.: [Spiegel, 1968, p. 8; Rubin, 1969, p. 21–24]; а также рассуждения служащих муниципалитета Филадельфии в: [The View..., 1972].

34. Это различие я заимствую из [Cornwall, 2008].

35. См., напр.: [Glass, 1979].

36. См., ранние примеры в: [Burke, 1968, p. 288] и более современный пример: [Fung, 2009].

37. См., напр.: [Strange, 1972; Cornwall, 2008, p. 274]. Пример спора между этими позициями см.: [Buchy, 2000]. Характерный для урбанистики пример смешения идей представительства и участия для обоснования партисипации см.: [Санофф, 2015, с. 7–13].

38. См., напр.: [Вовлечение..., 2023, с. 24–28].

до сих пор нет непротиворечивого представления о целях вовлечения и, как следствие, о его методах и критериях эффективности. Времена активного поиска и согласования ответов на фундаментальные вопросы о партисипации давно прошли. Теперь планировщики сосредоточены на техническом совершенствовании методов соучастия и почти не обращаются к его нормативным основаниям [Innes, Booher, 2004, p. 420]. Им представляется, что перспективы партисипации находятся в зависимости только от компетенций организующей стороны и социальной стабильности в обществе.

Однако прогресс партисипации в практической плоскости также оказался гораздо скромнее, чем ожидалось несколько десятилетий назад. Власти по-прежнему редко допускают что-то, помимо публичных слушаний и консультаций с небольшими группами горожан, а частные заказчики редко готовы финансировать длительные проекты и работу с социальными группами, не представляющими для них коммерческий интерес. Есть образцовые примеры соучастия, которыми гордятся энтузиасты, но и они всегда имеют неоднозначные политические оценки. Возможно, пришло время признать, что развитие партисипации упирается в свой потолок и достигнутый уровень вовлечения не оправдывает ожиданий.

У такого положения дел есть глубинные причины нормативного характера. Урбанисты часто впадают в концептуальную путаницу и смешивают разнородные обоснования и цели партисипации, что не может не приводить к противоречивым результатам их работы. Эта концептуальная путаница по своей природе относится не столько к самой урбанистике, сколько к политике. С помощью политической теории я попытался прояснить внутренние противоречия партисипации и их влияние на трудности, с которыми сталкиваются организаторы и участники партисипативных проектов. К последним я и хочу обратить следующие выводы своего анализа.

Для начала следует иметь в виду, что единого определения и общепринятых целей партисипации нет и не может быть по обозначенным выше причинам. Несмотря на некоторую видимость согласия о сути партисипации, при ближайшем рассмотрении она всегда обнаруживает свою двусмысленность.

Далее нужно признать, что партисипация имеет политическую природу, а разные определения и обоснования партисипации выражают противоборствующие политические ставки разных общественных групп. Инвестор, муниципальный чиновник, проектировщик и случайный житель реновируемого квартала всегда вкладывают разный смысл в процесс соучастия, поскольку имеют разные политические интересы. Поэтому, читая о партисипации в материалах архитектурных бюро или официальных методических рекомендациях, имейте в виду, что не все будущие участники реального процесса будут рассматривать его именно так, как там указано.

Политическая природа партисипации наделяет ее состязательным характером. Чем больше людей

и социальных групп оказываются вовлечены, тем больше трений и разногласий обнаружится в процессе. Их искусственное замалчивание и вытеснение под лозунгами «конструктивного диалога» и «сотрудничества» является лишь формой подавления, а не способом разрешения противоречий, которые лежат за пределами соучастия.

Представленные выводы могут потребовать пересмотра некоторых профессиональных установок в работе с партисипативными проектами. В заключение предложу две нормативные установки, которые, на мой взгляд, позволяют последовательно учитывать эти выводы на практике.

Во-первых, в работе с партисипацией необходимо четко осознать свою политическую позицию и ее линии напряжения с позициями других участников. Вы не можете выйти в отстраненную метапозицию и объективно рассудить все стороны. Работая над этим текстом, я тоже занимал конкретную политическую позицию (на стороне демократии и против технократии), в чем отдаю себе полный отчет.

Во-вторых, двусмысленность партисипации не делает ее бессмысленной. Имея в виду предыдущие пункты, вы можете подходить к партисипации как к способу достижения своих целей и наполнять ее соответствующим содержанием. Так, политики, чиновники и девелоперы видят в партисипации определенный смысл — они научились использовать ее для легитимации своих проектов. Однако двусмысленность партисипации потенциально позволяет «изгибать» ее и в обратную сторону. При определенных условиях ей можно воспользоваться в том числе в демократических целях. Главное — внимательно подходить к оценке этих условий и своих возможностей, а также помнить о структурной асимметрии между разными социальными группами и их представлениями о партисипации.

Источники

- Акимов П. (2015) Искореня несправедливость в городе: история адвокативного планирования // Городские исследования и практики. № пилотный. С. 93–102.
- Верещагина Е. (2021) Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России // Городские исследования и практики. Т. 6. № 2. С. 7–25.
- Вовлечение горожан в развитие городской среды: итоги, технологии, перспективы: учебное пособие (2023) / Зеленцова Е. В., Рудой Р. О., Соснин Д. П. и др. Москва: Проектная группа 8.
- Даль Р. (1992) Введение в теорию демократии. М.: Наука, СП КВАДРАТ.
- Кац Э., Лазарсфельд П. (2024) Личное влияние. Роль людей в потоке массовой информации. М.: Издательство редких книг.
- Крауч К. (2010) Постдемократия. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Санофф Г. (2015) Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда: Проектная группа.
- Рекомендации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства город-

- ской среды Минстроя РФ (2017) // Минстрой России. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/13338/> (дата обращения: 05.04.2023).
- Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Arnstein S. (1969) A Ladder of Citizen Participation // *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 35. № 4. P. 216–224.
- Arnstein S. (1972) Maximum Feasible Manipulation // *Public Administration Review*. Special Issue: Citizens Action in Model Cities and CAP Programs. P. 377–390.
- Barber B. (1984) *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Oakland, CA: University of California Press.
- Berelson R., Lazarsfeld P., McPhee W. (1954) *Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bherer L., Dufour P., Montambeault F. (2018) *The Participatory Democracy Turn*. N.Y., L.: Routledge.
- Baiocchi G., Ganuza E. (2017) *Popular Democracy: The Paradox of Participation*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Bolan R. (1967) Emerging Views of Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 33. № 4. P. 233–245.
- Brown W. (2015) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Buchy M., Hoverman S. (2000) Understanding Public Participation in Forest Planning: A Review // *Forest policy and Economics*. Vol. 1. № 1. P. 15–25.
- Burke E. (1968) Citizen Participation Strategies // *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 34. № 5. P. 287–294.
- Cahn E., Cahn J. (1971) Maximum Feasible Participation: A General Overview // *Citizen Participation: Effecting Community Change* / E. Cahn, A. Passett (eds.). N.Y.: Praeger Publishers.
- Cleaver F. (1999) Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development // *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*. Vol. 11. № 4. P. 597–612.
- Cornwall A. (2008) Unpacking 'Participation': Models, Meanings and Practices // *Community Development Journal*. Vol. 43. № 3. P. 269–283.
- Damer S., Hague C. (1971) Public Participation in Planning: A Review // *The Town Planning Review*. Vol. 42. № 3. P. 217–232.
- Davidoff P. (1965) Advocacy and Pluralism in Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 31. № 4. P. 331–338.
- Day D. (1997) Citizen Participation in the Planning Process: An Essentially Contested Concept? // *Journal of Planning Literature*. Vol. 11. № 3. P. 421–434.
- Dore M. (2023) Governing Through Design: The Politics of Participation in Neoliberal Cities // *CoDesign*. Vol. 19. № 3. P. 253–268.
- Etzioni-Halevy E. (1983) *Bureaucracy and Democracy: A Political Dilemma*. Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Fagence M. (1977) *Citizen Participation in Planning*. Oxford: Pergamon.
- Fung A. (2009) *Empowered Participation: Reinventing Urban Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gans H. (1969) Planning for People, Not Buildings // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 1. № 1. P. 33–46.
- Ganuza E., Baiocchi G., Summers N. (2016) Conflicts and Paradoxes in the Rhetoric of Participation // *Journal of Civil Society*. Vol. 12. № 3. P. 328–343.
- Gara M. (2020) What Kind of Institutional Implementation for Participatory Democracy? Theories and Debate During the Long 1970s in the United States // *USAbroad – Journal of American History and Politics*. Vol. 3. № 1S. P. 69–79.
- Glass J. (1979) Citizen Participation in Planning: The Relationship Between Objectives and Techniques // *Journal of the American Planning Association*. Vol. 45. № 2. P. 180–189.
- Goodman R. (1971) *After the Planners*. N.Y.: Simon & Schuster.
- Hickey S. (2004) *Participation: From Tyranny to Transformation*. L.: Zed Books.
- Hilmer J. (2010) The State of Participatory Democratic Theory // *New Political Science*. Vol. 32. № 1. P. 43–63.
- Howard C., Lipsky M., Marshall D. (1994) *Citizen Participation in Urban Politics: Rise and Routinization* // *Big-city Politics, Governance, and Fiscal Constraints* / G. Peterson (ed.). Washington, DC: Urban Institute Press. P. 153–199.
- Hulchanski J. (1977) *Citizen Participation in Urban and Regional Planning: A Comprehensive Bibliography*. Toronto: Department of Urban and Regional Planning, University of Toronto.
- Huxley M. (2013) Historicizing Planning, Problematizing Participation // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 37. № 5. P. 1527–1541.
- Innes J., Booher D. (2004) Reframing Public Participation: Strategies for the 21st Century // *Planning theory & practice*. Vol. 5. № 4. P. 419–436.
- Jones B. (1990) *Neighborhood Planning: A Guide for Citizens and Planners*. Chicago: American Planning Association Planner's Press.
- Katz E., Lazarsfeld P. (1955) *Personal Influence*. New York: Free Press.
- Kaufman A. (1960) *Human Nature and Participatory Democracy* / Friedrich C. (ed.) Responsibility. New York: Liberal Arts Press, 1960. P. 266–289.
- Kiernan M. (1983) Ideology, Politics, and planning: Reflections on the Theory and Practice of Urban Planning // *Environment and Planning B: Planning and Design*. Vol. 10. № 1. P. 71–87.
- Krumholtz N. (1986) City pPlanning for Greater Equity // *Journal of Architectural and Planning Research*. Vol. 3. № 4. P. 327–337.
- Kornhauser W. (1959) *The Politics of Mass Society*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Kühn M. (2021) Agonistic Planning Theory Revisited: The Planner's Role in Dealing With Conflict // *Planning Theory*. Vol. 20. № 2. P. 143–156.
- Lane M. (2005) Public Participation in Planning: An Intellectual History // *Australian Geographer*. Vol. 36. № 3. P. 283–299.
- Langton S. (1979) American Citizen Participation: A Deep-rooted Tradition // *National Civic Review*. Vol. 68. № 8. P. 403–422.
- Lee C., Michael M., Walker E. (2015) *Democratizing Inequalities: Dilemmas of the New Public Participation*. N.Y.: NYU Press.
- MacNair R., Caldwell R., Pollan L. (1983) Citizen Participants in Public Bureaucracies: Foul-Weather Friends // *Administration & Society*. Vol. 14. № 4. P. 507–524.
- Macpherson C. (1977) *The Life and Times of Liberal Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Mansbridge J. (1995) Does Participation Make Better Citizens? // *The Good Society*. Vol. 5. № 2. P. 1–7.
- Mulder M. (1971) Power Equalization Through Participation? // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 16. № 1. P. 31–38.

- A Standard City Planning Enabling Act by the Advisory Committee on City Planning and Zoning Appointed by Secretary Hoover (1928)//GovInfo. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/app/details/GOVPUB-C13-955faaa3558a7c44c6a9edbbc01f5cd5> (дата обращения: 22.09.2023).
- Neuse S. (1983) From Grass Roots to Citizen Participation//Public Administration Quarterly. Vol. 7. № 3. P. 294-309.
- Pateman C. (1970) Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pateman C. (2012) Participatory Democracy Revisited//Perspectives on politics. Vol. 10. № 1. P. 7-19.
- Polletta F. (2014) Is Participation Without Power Good Enough?//The Sociological Quarterly. Vol. 55. № 3. P. 453-466.
- Polletta F. (2016) Participatory Enthusiasms: A Recent History of Citizen Engagement Initiatives//Journal of Civil Society. Vol. 12. № 3. P. 231-246.
- Potter G. (2013) Public Participation in Planning as Urban Citizenship: Contrasting Two Conceptualizations of Citizenship in Toronto's Ward 20//Faculty of Environmental Studies, York University. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10315/27733> (дата обращения: 22.09.2023).
- Rein M. (1969) Social Planning: The Search for Legitimacy//Journal of the American Institute of Planners. Vol. 35. № 4. P. 233-244.
- Rittel H.W. J., Webber M. (1973) M. Dilemmas in a General Theory of Planning//Policy Sciences. Vol. 4. № 2. P. 155-169.
- Romariz Peixoto L., Rectem L., Pouleur J. (2022) A. Citizen Participation in Architecture and Urban Planning Confronted with Arnstein's Ladder//Architecture. Vol. 2. № 1. P. 114-134.
- Rosener J. (1982) Making Bureaucrats Responsive: A Study of the Impact of Citizen Participation and Staff Recommendations on Regulatory Decision Making//Public Administration Review. Vol. 42. № 4. P. 339-345.
- Ross M. (1958) Case Histories in Community Organization. New York: Harper & Brothers.
- Rubin L. (1969) Maximum Feasible Participation: The Origins, Implications, and Present Status//The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 385. № 1. P. 14-29.
- Shapely P. (2011) Planning, Housing and Participation in Britain, 1968-1976//Planning Perspectives. Vol. 26. № 1. P. 75-90.
- Spiegel H. (1968) Citizen Participation in Urban Development. Center for Community Affairs, NTL Institute for Applied Behavioral Science.
- Strange J. (1972) The Impact of Citizen Participation on Public Administration//Public Administration Review. Vol. 32. P. 457-470.
- Strokosch K., Osborne S. (2020) Debate: If Citizen Participation Is So Important, Why Has It Not Been Achieved?//Public Money & Management. Vol. 40. № 1. P. 8-10.
- Swyngedouw E. (2005) Governance Innovation and the Citizen: The Janus Face of Governance-beyond-the-state//Urban Studies. Vol. 42. № 11. P. 1991-2006.
- The View from City Hall (1972)//Public Administration Review. Special Issue: Citizens Action in Model Cities and CAP Programs. P. 390-402.
- Thorpe A. (2017) Rethinking Participation, Rethinking Planning//Planning Theory & Practice. Vol. 18. № 4. P. 566-582.
- White S. (1996) Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation//Development in Practice. Vol. 6. № 1. P. 6-15.
- Zimmerman J. (1972) The Federated City: Community Control in Large Cities. N.Y.: St. Martin's Press.

AMBIGUOUS PARTICIPATION: A VIEW ON PARTICIPATORY DESIGN FROM POLITICAL THEORY

Alexander A. Zamyatin, co-director of the Political Philosophy Program, The Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), 3-5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russian Federation.
E-mail: mss2000110@universitas.ru

This article explores approaches to the justification of citizen participation in urbanism. In other words, the main question of the article is why we should use citizen participation in urban projects. In search of normative grounds for participation, the author turns to the genealogy of participatory ideas and practices in urban governance and traces their evolution from their origin in the mid-twentieth century in Western countries to their import to Russia in the 2010s. With the help of political theory, the author identifies two lines of argumentation in favor of citizen engagement, labeled here as democratic and technocratic. The author's main thesis is that these two ways of justifying public participation, being essentially contradictory, are often conflated in an ambiguous notion of participation in urbanism, which creates confusion in contemporary participatory theories and difficulties in practice, including questions about the evaluation of its results and effectiveness. The author offers conclusions that should help those working with participatory projects and citizens to deal with the ambiguity of participation.

Keywords: participation; engagement; participatory turn; participatory democracy; urban planning; Arnstein's ladder of citizen participation; essentially contested concept

Citation: Zamyatin A.A. (2025) Ambiguous Participation: A View On Participatory Design From Political Theory. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp10120256-20> (in Russian)

References

- Akimov P. (2015) Iskorennyaya ne-spravedlivost' v gorode: istoriya advokativnogo planirovaniya [Rooting out Injustice in the City: A History of Advocacy Planning]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no Pilotnyj, pp. 93-102. (in Russian)
- Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Arnstein S. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 35, no 4, pp. 216-224.
- Arnstein S. (1972) Maximum Feasible Manipulation. Public Administration Review. Special Issue: *Citizens Action in Model Cities and CAP Programs*, pp. 377-390.
- Barber B. (1984) *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Oakland, CA: University of California Press.
- Berelson R., Lazarsfeld P., McPhee W. (1954) *Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Bherer L., Dufour P., Montambeault F. (2018). *The Participatory Democracy Turn*. New York, London: Routledge.
- Baiocchi G., Ganuza E. (2017) *Popular Democracy: The Paradox of Participation*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Bolan R. (1967) Emerging Views of Planning. *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 33, no 4, pp. 233-245.
- Brown W. (2015) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Buchy M., Hoverman S. (2000) Understanding Public Participation in Forest Planning: A Review. *Forest Policy and Economics*, vol. 1, no 1, pp. 15-25.
- Burke E. (1968) Citizen Participation Strategies. *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 34, no 5, pp. 287-294.
- Cahn E., Cahn J. (1971) Maximum Feasible Participation: A General Overview. *Citizen Participation: Effecting Community Change*/ E. Cahn, A. Passett (eds.). New York: Praeger Publishers.
- Cleaver F. (1999) Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development. *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*, vol. 11, no 4, pp. 597-612.
- Cornwall A. (2008) Unpacking 'Participation': Models, Meanings and Practices. *Community Development Journal*, vol. 43, no 3, pp. 269-283.
- Crouch K. (2010) *Postdemokratiya* [Post Democracy]. M.: Izdatel'skij dom VSHE. (in Russian)
- Dahl R. (1992) *Vvedenie v teoriiyu demokratii* [Introduction to Democratic Theory]. Moscow: Nauka, SP KVADRAT. (in Russian)
- Damer S., Hague C. (1971) Public Participation in Planning: A Review. *The Town Planning Review*, vol. 42, no 3, pp. 217-232.
- Davidoff P. (1965) Advocacy and Pluralism in Planning. *Journal of the American Institute of planners*, vol. 31, no 4, pp. 331-338.
- Day D. (1997) Citizen Participation in the Planning Process: An Essentially Contested Concept? *Journal of Planning Literature*, vol. 11, no 3, pp. 421-434.
- Dore M. (2023) Governing Through Design: The Politics of Participation in Neoliberal Cities. *CoDesign*, vol. 19, no 3, pp. 253-268.
- Etzioni-Halevy E. (1983) *Bureaucracy and Democracy: A Political Dilemma*. Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Fagence M. (1977) *Citizen Participation in Planning*. Oxford: Pergamon.
- Fung A. (2009) *Empowered Participation: Reinventing Urban Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gans H. (1969) Planning for People, Not Buildings. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 1, no 1, pp. 33-46.
- Ganuza E., Baiocchi G., Summers N. (2016) Conflicts and Paradoxes in the Rhetoric of Participation. *Journal of Civil Society*, vol. 12, no 3, pp. 328-343.
- Gara M. (2020) What Kind of Institutional Implementation for Participatory Democracy? Theories and Debate During the Long 1970s in the United States. *USAbroad – Journal of American History and Politics*, vol. 3, no 1S, pp. 69-79.
- Glass J. (1979) Citizen Participation in Planning: The Relationship Between Objectives and Techniques. *Journal of the American Planning Association*, vol. 45, no 2, pp. 180-189.
- Goodman R. (1971) *After the Planners*. New York: Simon & Schuster.
- Greer S. *Urban Renewal and American Cities: The Dilemma of Democratic Intervention*. New York: Bobbs-Merrill Company, Inc., 1965.
- Hickey S. (2004) *Participation: From Tyranny to Transformation*. Zed books.

- Hilmer J. (2010) The State of Participatory Democratic Theory. *New Political Science*, vol. 32, no 1, pp. 43–63.
- Howard C., Lipsky M., Marshall D. (1994) Citizen Participation in Urban Politics: Rise and Routinization. *Big-city Politics, Governance, and Fiscal Constraints*/G. Peterson (ed.). Washington, DC: Urban Institute Press, pp. 153–199.
- Hulchanski J. (1977) Citizen Participation in Urban and Regional Planning: A Comprehensive Bibliography. Toronto: Department of Urban and Regional Planning, University of Toronto.
- Huxley M. (2013) Historicizing Planning, Problematising Participation. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 37, no 5, pp. 1527–1541.
- Innes J., Booher D. (2004) Reframing Public Participation: Strategies for the 21st Century. *Planning theory & practice*, vol. 5, no 4, pp. 419–436.
- Jones B. (1990) Neighborhood Planning: A Guide for Citizens and Planners. Chicago, IL: American Planning Association Planner's Press.
- Katz E., Lazarsfeld P. (1955) Personal Influence. New York: Free Press.
- Kaufman A. (1960) Human Nature and Participatory Democracy. *Responsibility*/C. Friedrich (ed.). New York: Liberal Arts Press, 1960, pp. 266–289.
- Kiernan M. (1983) Ideology, Politics, and planning: Reflections on the Theory and Practice of Urban Planning. *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 10, no 1, pp. 71–87.
- Krumholtz N. (1986) City pPlanning for Greater Equity. *Journal of Architectural and Planning Research*, vol. 3, no 4, pp. 327–337.
- Kornhauser W. (1959) The Politics of Mass Society. Glencoe, IL: The Free Press.
- Kühn M. (2021) Agonistic Planning Theory Revisited: The Planner's Role in Dealing With Conflict. *Planning Theory*, vol. 20, no 2, pp. 143–156.
- Lane M. (2005) Public Participation in Planning: An Intellectual History. *Australian Geographer*, vol. 36, no 3, pp. 283–299.
- Langton S. (1979) American Citizen Participation: A Deep-rooted Tradition. *National Civic Review*, vol. 68, no 8, pp. 403–422.
- Lee C., Michael M., Walker E. (2015) Democratizing Inequalities: Dilemmas of the New Public Participation. New York: NYU Press.
- MacNair R., Caldwell R., Pollane L. (1983) Citizen Participants in Public Bureaucracies: Foul-Weather Friends. *Administration & Society*, vol. 14, no 4, pp. 507–524.
- Macpherson C. (1977) The Life and Times of Liberal Democracy. Oxford: Oxford University Press.
- Mansbridge J. (1995) Does Participation Make Better Citizens? *The Good Society*, vol. 5, no 2, pp. 1–7.
- Mulder M. (1971) Power Equalization Through Participation? *Administrative Science Quarterly*, vol. 16, no 1, pp. 31–38.
- A Standard City Planning Enabling Act by the Advisory Committee on City Planning and Zoning Appointed by Secretary Hoover (1928). *GovInfo*. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/GOVPUB-C13-955faaa3558a7c44c6a9edb bc01f5cd5> (accessed: 22 September 2023).
- Neuse S. (1983) From Grass Roots to Citizen Participation. *Public Administration Quarterly*, vol. 7, no 3, pp. 294–309.
- Pateman C. (1970) Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pateman C. (2012) Participatory Democracy Revisited. *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 1, pp. 7–19.
- Polletta F. (2014) Is Participation Without Power Good Enough? *The Sociological Quarterly*, vol. 55, no 3, pp. 453–466.
- Polletta F. (2016) Participatory Enthusiasms: A Recent History of Citizen Engagement Initiatives. *Journal of Civil Society*, vol. 12, no 3, pp. 231–246.
- Potter G. (2013) Public Participation in Planning as Urban Citizenship: Contrasting Two Conceptualizations of Citizenship in Toronto's Ward 20. *Faculty of Environmental Studies, York University*. Available at: <http://hdl.handle.net/10315/27733> (accessed: 22.09.2023).
- Rein M. (1969) Social Planning: The Search for Legitimacy. *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 35, no 4, pp. 233–244.
- Рекомендации по организации общественого участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды Минстроя РФ [Recommendations on the organization of public participation in the implementation of projects for the integrated improvement of the urban environment of the Ministry of Construction of the Russian Federation] (2017). Available at: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/13338/> (accessed: 05.04.2023). (in Russian)
- Rittel H.W. J., Webber M. (1973) Dilemmas in a General Theory of Planning. *Policy Sciences*, vol. 4, no 2, pp. 155–169.
- Romáriz Peixoto L., Rectem L., Pouleur J. (2022) A. Citizen Participation in Architecture and Urban Planning Confronted With Arnstein's Ladder. *Architecture*, vol. 2, no 1, pp. 114–134.
- Rosener J. (1982) Making Bureaucrats Responsive: A Study of the Impact of Citizen Participation and Staff Recommendations on Regulatory Decision Making. *Public Administration Review*, vol. 42, no 4, p. 339–345.
- Ross M. (1958) Case Histories in Community Organization. New York: Harper & Brothers.
- Rubin L. (1969) Maximum Feasible Participation: The Origins, Implications, and Present Status. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 385, no 1, pp. 14–29.
- Sanoff G. (2015) Souchastvuyushchee proektirovaniye. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovaniy sredy bol'shih i malyh gorodov [Democratic Design. Participation Case Studies in Urban and Small Town Environments]. Vologda: Proektnaya gruppa 8. (in Russian)
- Shapely P. (2011) Planning, Housing and Participation in Britain, 1968–1976. *Planning Perspectives*, vol. 26, no 1, pp. 75–90.
- Spiegel H. (1968) Citizen Participation in Urban Development. Washington, DC: NTL Institute for Applied Behavioral Science.
- Strange J. (1972) The Impact of Citizen Participation on Public Administration. *Public Administration Review*, vol. 32, pp. 457–470.
- Strokosch K., Osborne S. (2020) Debate: If Citizen Participation Is So Important, Why Has It Not Been Achieved? *Public Money & Management*, vol. 40, no 1, pp. 8–10.
- Swyngedouw E. (2005) Governance Innovation and the Citizen: The Janus Face of Governance-beyond-the-state. *Urban Studies*, vol. 42, no 11, pp. 1991–2006.

- The View from City Hall (1972) Public Administration Review. Special Issue: *Citizens Action in Model Cities and CAP Programs*, pp. 390-402.
- Thorpe A. (2017) Rethinking Participation, Rethinking Planning. *Planning Theory & Practice*, vol. 18, no 4, pp. 566-582.
- Vereshchagina E. (2021) Souchastvuyushchee proektirovanie: osobennosti podhoda v Rossii [Participatory Planning: The Features of the Approach in Russia]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 6, no 2, pp. 7-25. (in Russian)
- Vovlechenie gorozhan v razvitie gorodskoi sredy: itogi, tekhnologii, perspektivy: uchebnoe posobie [Involvement of citizens in the development of the urban environment: results, technologies, prospects: training manual] (2023) / E.V. Zelencova, R.O. Rudoi, D.P. Sosnin et al. (eds.). Moscow: Proektnaya gruppa 8. (in Russian)
- White S. (1996) Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation. *Development in Practice*, vol. 6, no 1, pp. 6-15.
- Zimmerman J. (1972) *The Federated City: Community Control in Large Cities*. New York: St. Martin's Press.

Централизация муниципальных полномочий в сфере градостроительной деятельности: к глобальной дискуссии о роли локализма в управлении развитием территорий¹

Роман Бабейкин
Татьяна Гудзь
Наталья Самоловских

Бабейкин Роман Валерьевич, эксперт, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: rbabeikin@hse.ru

Гудзь Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, приглашенный преподаватель, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: gudz.tv@hotmail.com

Самоловских Наталья Владимировна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (УрГЮУ); Российская Федерация, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
E-mail: nvssamolovskikh@gmail.com

Поиск баланса между централизацией и децентрализацией управления развитием территорий (территориальное планирование и регулирование землепользования и застройки) остается актуальным для многих стран мира. Россия сегодня выступает ярким случаем централизации муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности на региональном уровне, в результате которой муниципалитеты отстранены от непосредственного участия в развитии территории. При этом в субъектах РФ складывается различная практика централизации: в разных регионах полномочия перераспределяются на различный срок и в различном объеме. Авторы выдвигают гипотезу, согласно которой, несмотря на схожие предпосылки для реформирования системы управления в указанной сфере, реализуемый в России механизм не имеет аналогов в зарубежных странах. Авторами проведено сравнительное исследование четырех стран (США, Франция, Великобритания и Россия) с целью выявления специфики процесса централизации полномочий в сфере градостроительства в России и его соотношения с глобальным контекстом эволюции систем управления развитием территорий. Полученные результаты свидетельствуют о схожести причин и предпосылок для изменения подхода к организации систем управления. Однако этот процесс в России обла-

¹ В данной статье использованы результаты проекта ТЗ-155 «Методология мониторинга нормотворческой и правоприменительной практики в сфере градостроительной деятельности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Характер реализации реформы системы управления развитием территорий, согласно которой с 2014 года субъектам РФ было предоставлено право перераспределять муниципальные полномочия в свою пользу, остается в настоящее время дискуссионным вопросом. В разных регионах страны за десять лет уже сложилась определенная практика централизации полномочий, которая остается, однако, малоизученной. Предполагается, что субъекты РФ могут качественнее обеспечивать подготовку документов территориального планирования и градостроительного зонирования, поскольку они могут позволить себе использовать для этого больше ресурсов и владеют большим объемом полномочий по вменению правовых норм. Однако на данный момент нет никаких доказательств того, что это действительно так, поскольку системы мониторинга эффективности реализации полномочий в сфере регулирования землепользования и застройки в России еще не сформировано.

Авторы предлагают взглянуть на указанную проблематику через призму дискуссии о централизации и децентрализации управления в градостроительной сфере в контексте опыта зарубежных стран. В научной литературе еще с 1980-х годов считается, что децентрализация управления решает многие проблемы традиционного «вертикального» подхода к государственному управлению, включая общую негибкость системы, высокие управленческие расходы и отсутствие у бюрократов мотивации к эффективной работе [Miller, Bunnell, 2013; Faguet, 2021]. Все это создает запрос на децентрализацию регулирования, которая выражается в перемещении ряда ресурсов и полномочий с верхнего уровня власти на более низкие [Bolleyer, Thorlakson, 2012]; процесс проявляется как в правовой, так и в финансовой децентрализации. Если первое связано скорее с распределением полномочий, то второе — с аллокацией ресурсов для успешного осуществления этих полномочий [Bolleyer, Thorlakson, 2012; Dardanelli, 2019]. Реформы по децентрализации управления реализуются по-разному, наиболее радикальной является деволюция полномочий, когда те полностью передаются на нижний уровень власти с целью развития локальной демократии и повышения эффективности управления [Mudalige, 2019].

Дискуссия о децентрализации управления особенно остра в сфере управления развитием территорий, где обычно в качестве основного принципа регулирования выделяется локализм. Под локализмом, как правило, понимается принцип организации системы управления, согласно которому наибольший спектр полномочий получает местная власть [Briffault, 1990]. Традиционно выделяются разные подходы к реализации этого принципа, среди которых, в частности, универсальный и функциональный [Davidson, 2019].

Сторонниками всеобщего локализма, согласно которому необходима децентрализация максимального пула полномочий, являются в основном американские исследователи, которые, как правило, утверждают, что местные сообщества должны иметь полный иммунитет от вторжения государства в их сферу компетенций, а потому круг полномочий муниципалитетов должен только расти, но не сокращаться [Schrager, 2001; Davidson, 2007]. В то же время в последние десятилетия в науке набирает популярность точка зрения, из которой следует, что не всегда наделение нижних уровней власти широким кругом полномочий может положительно влиять на эффективность исполнения последних. Согласно функциональному пониманию локализма, рациональной кажется фиксация за местным самоуправлением только тех полномочий, которые исполняются там наиболее результативно [Davidson, 2019]. В такой логике, например, недостаток компетенций и ресурсов на нижних уровнях власти может быть стимулом к передаче полномочий «наверх» [Stepan, 2000], что может рассматриваться как позитивный шаг, если его результатом становится повышение эффективности реализации полномочий.

дает собственной спецификой и требует продолжения дискуссии относительно места регионов в вопросах управления территориальным развитием.

Ключевые слова: централизация управления; теория децентрализации; локализм; градостроительная деятельность; перераспределение полномочий; деволюция полномочий; изъятие полномочий

Цитирование: Бабейкин Р.В., Гудзь Т.В., Самоловских Н.В. (2025) Централизация муниципальных полномочий в сфере градостроительной деятельности: к глобальной дискуссии о роли локализма в управлении развитием территорий // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202521-37>

О том же свидетельствуют и современные исследования, изучающие результаты децентрализации управления в разных странах мира. Наличие территориальных диспропорций в распределении ресурсов между разными локальными юрисдикциями [Hernes, 2021], сравнительно более высокая эффективность крупных центров компетенций за счет экономии на масштабе [Bikker, van der Linde, 2016], а также непринятие локальными элитами принципов, положенных в основу норм обновленного законодательства [Neudorfer; 2014], выступают ограничениями процесса децентрализации на практике.

При этом в литературе не представлено достаточного числа сравнительных исследований относительно причин и способов изменения подходов к организации самих систем управления развитием территорий в разных странах. Поэтому основной задачей данной статьи становится рассмотреть, как отечественные градостроительные политики соотносятся с имеющимся мировым опытом, какие риски вызывает изменение этой политики и как органы публичной власти могут реагировать на возникающие проблемы. Авторы выдвигают следующую гипотезу: несмотря на наличие в РФ схожих с зарубежными странами предпосылок для реформирования существующих систем управления развитием территорий, инициаторами которого выступают схожие субъекты, преследующие схожие цели, федеральным законодателем для регионов России предоставлено решение, аналогов которого не существует в опыте рассматриваемых стран. Нас интересует, какими факторами в выбранных для изучения странах было обусловлено изменение системы управления развитием территорий, каким образом оно было закреплено в нормативных правовых актах и как, за счет чего реализовалась передача полномочий. Ответы на эти вопросы позволят выявить как правовые, так и материальные стороны децентрализации и связать их друг с другом.

Несколько слов о соотношении понятий в отечественной и зарубежной практике управления развитием территорий

Сравнительные исследования в области права и госуправления зачастую сталкиваются с проблемой расхождения в значении созвучных на первый взгляд понятий. В России территориальное планирование и градостроительное зонирование являются отдельными видами градостроительной деятельности. При этом территориальное планирование относится к сфере ответственности органов публичной власти, а установление правового режима использования территории является результатом градостроительного зонирования территорий. Однако в зарубежном контексте территориальное планирование (*territorial planning*) можно понимать как более широкую совокупность инструментов, что позволяет его охарактеризовать как пространственное планирование в целом (*urban planning, spatial*

planning, comprehensive planning). Она обычно включает в себя различные формы регулирования землепользования и застройки (в том числе *land use zoning, legal zoning*).

Соответственно, здесь при рассмотрении зарубежного опыта термин «территориальное планирование» употребляется в соответствии с определением ООН-Хабитат [International Recommendations on Urban and Territorial Planning, 2015] и используется наравне с другими понятиями – «городское планирование», «мастер-планирование», «стратегическое планирование», «пространственное планирование» и т.п. Однако в той части работы, которая посвящена исследованию российского опыта, под понятием территориального планирования понимается деятельность, связанная с определением общей стратегии долгосрочного пространственного развития и размещения объектов общественной инфраструктуры, формирующей обязательства публичной власти, что соответствует определению этого термина в Градостроительном кодексе РФ.

Применяемое в статье понятие комплексного развития территорий также требует пояснения. Для развития городских территорий, включая проекты реновации, общепринятым в мировой практике является применение принципа комплексного представления о развитии территорий. Такое представление является результатом целостного подхода, охватывающего различные аспекты планирования, проектирования и управления городами или городскими территориями с целью создания устойчивой, инклюзивной и пригодной для жизни среды. Этот подход предполагает координацию и сотрудничество различных секторов – таких, как транспорт, жилищное строительство, инфраструктура, окружающая среда, социальные услуги и экономическое развитие – для достижения гармоничной и сбалансированной городской экосистемы (*integrated development of urban areas, comprehensive urban planning*). В российском же контексте принцип комплексного и устойчивого развития территорий [Дубровская, Гудзь, 2018] со временем приобрел черты специального института, определяющего отношения заинтересованных сторон по поводу преобразования городской застройки. Соответственно, данный термин в отношении России в тексте применяется в узком значении и соотносится с используемыми за рубежом понятиями, связанными с преобразованием городских территорий (*redevelopment of degraded urban areas, revitalization*).

Зарубежный опыт реформирования систем управления развитием территорий

Прежде чем приступить к анализу ситуации в России, следует рассмотреть сравнительно более изученный опыт реформирования систем управления развитием территорий за рубежом. В целях комплексного охвата проблематики релевантным видит-

ся рассмотрение исследуемых вопросов в ряде кейсов [Levi, 2008; Dumez, 2015].

Мы сосредоточили наше внимание на опыте реформирования в США, Франции и Великобритании. Такой выбор обоснован тем, что системы государственного управления указанных стран серьезно различаются: американская характеризуется высокой степенью децентрализации, британская весьма централизована, тогда как французская испытывала заметные волны централизации и децентрализации; именно поэтому их сравнение может быть крайне показательным. Также эти системы характеризуются наличием многоуровневой системы управления развитием территорий и имеют большой опыт реформирования, то есть возможно проследить динамику их трансформации. Необходимо только зафиксировать, насколько система была централизована до начала реформ и как изменилось распределение полномочий по управлению развитием территорий в результате преобразований.

США

Отличительной чертой американской системы всегда было отсутствие непосредственного участия региональных и федеральных властей в управлении развитием территорий, что приводило к широкой независимости местных органов власти в данном вопросе. Такая ситуация характерна для страны начиная с 1924 года, когда был принят Standard Zoning Enabling Act, который закрепил все полномочия по регулированию землепользования и застройки за муниципалитетами. Хотя вскоре благодаря Standard City Planning Enabling Act (1927) штатам было разрешено учреждать свои комиссии по планированию, в компетенции которых было бы создание единого мастер-плана развития территории штата. Однако только почти через полвека после принятия указанных законов появился интерес к реальной централизации регулирования [Hager, 2012]. Urban Growth and New Communities Development Act (1970) был принят в качестве первой попытки установить федеральный контроль над местными инициативами в области управления развитием территорий. Однако в итоге он превратился лишь в совокупность норм, регулирующих программы надбавок к квартплате и жилищным субсидиям, большинство из которых впоследствии потерпели неудачу из-за отсутствия поддержки со стороны ключевых участников рынка [Smookler, 1975]. В последующие несколько лет были также предприняты некоторые федеральные инициативы по установлению единообразного общенационального контроля над местным нормотворчеством в сфере управления развитием территорий, которые также проваливались вплоть до так называемой «тихой революции» [Dowall, 1989].

«Тихую революцию» можно представить в качестве первой реальной попытки централизации управления развитием территорий в США. Приня-

тие в 1969 году National Environmental Policy Act обычно рассматривается как превентивная мера по усилению государственного контроля в этой области [Dowall, 1989]. Этот правовой акт ввел несколько ограничений преимущественно экологического характера, которые планировщики должны учитывать при разработке местной политики землепользования; эти ограничения затем стали частью Model Land Development Code, предложенного Американским институтом права в 1975 году. Подобному сдвигу в регулировании есть несколько объяснений. Евклидовое зонирование, принятое большинством американских городов к концу 1960-х годов, существенно ограничило освоение земель [Fischel, 2004], что привело к росту цен на жилье и значительным колебаниям экономического роста в 1970-х [Dowall, 2005]. Неустойчивое экономическое развитие страны оказалось чревато серьезным спадом, поскольку послевоенный рост к концу 1960-х годов себя полностью исчерпал, а нефтяной кризис 1973 года и вовсе создал серьезную угрозу благосостоянию американцев. Подобное повлияло в том числе и на требования провести реформы регулирования [Бабейкин, 2022]. Проблема обострялась в связи с тем, что возможности по развитию инфраструктуры на местном уровне были в существенной степени ограничены; в то же время непрерывное разрастание американских городов сделало очень дорогостоящим содержание уже существующих дорог и сетей [Green, 1998]. Эти вопросы сформировали интерес к установлению федерального и регионального контроля над местной политикой по развитию территорий, а также к реализации новых государственных программ, целью которых было финансирование строительства и обслуживание инфраструктуры. Считалось, что снижение затрат на содержание инфраструктуры и увеличение скорости и объемов строительства поспособствуют росту экономики городов и стабилизации цен на жилье [Harvard Law Review, 1978].

Примечательно, что эти изменения в управлении были предложены учеными и институциональными экспертами [Babcock, 1966; Popper, 1981] и только затем приняты органами государственной власти. Оставляя в стороне экономические мотивы, многие исследователи предлагали усилить государственный контроль над землепользованием и застройкой, чтобы предотвратить деградацию городских ландшафтов и способствовать созданию парков и других социальных пространств [Hanke, 1965], а также с целью защитить сельскохозяйственные угодья [Dowall, 2005]. Хотя позиция институциональных экспертов была понятной, можно высказать некоторый скептицизм по поводу того, насколько влиятельной она действительно оказалась: считается, что строительные компании стали основным лоббистом расширения полномочий государства в сфере управления развитием территорий и их мотивы были чисто экономическими. Эти застройщики ратовали за распро-

странение механизма спланированного развития территории (*Planned Unit Development*), который позволял властям выделять большие земельные участки для строительства районов смешанного использования, внося изменения в местное зонирование [Walker et. al., 1981]. Таким образом, контроль государства над системой управления развитием территорий мог бы расширить освоение земель, помогая застройщикам преодолевать экономические проблемы [Boyer, 1981].

Однако, как выяснилось спустя годы, «тихая революция» не привела к полной централизации. Так, единой системы управления развитием территорий на федеральном уровне до сих пор не существует: разные органы федеральной власти накладывают определенные ограничения на землепользование, но эти ограничения почти никак не связаны между собой. Более того, даже через 20 лет после «тихой революции» некоторые специалисты утверждали, что местные власти могли легко пренебрегать указанными ограничениями, поскольку правовые институты зонирования все еще находились полностью под контролем муниципалитетов [Green, 1998]. Власти штатов также накладывали ограничения на муниципальные инициативы очень выборочно; в основном они касались сохранения озелененных территорий и природных пространств.

Как считается, эффект «тихой революции» свели на нет местные сообщества домовладельцев и примат частной собственности. Более 60% земли в США находится в частной собственности, и большая часть этой земли по-прежнему распределяется между мелкими землевладельцами, в основном частными лицами [Kayden, 2000]. Это препятствует установлению контроля над землепользованием на федеральном уровне или на уровне штатов, поскольку сильные сообщества, состоящие из ряда мелких землевладельцев, голосуют против всякого государственного вмешательства в местную систему управления развитием территорий [Arnold, 2007]. Еще в конце 1970-х годов движения против развития (*no-growth movements*) захватили новостную повестку; они выступали против инициатив штатов в сфере регулирования землепользования, поскольку новые многоэтажные районы казались им менее социально и экологически безопасными, чем старая малоэтажная застройка [Walker et. al., 1981]. Так что результатом «тихой революции» стала не столько революция, сколько некоторое смещение акцентов. Региональные органы власти не стали непосредственно забирать полномочия местной власти по управлению пространственным развитием, а должны были теперь обеспечивать сотрудничество между муниципалитетами и создавать механизмы оценки эффективности исполнения ими своих полномочий. Например, в некоторых штатах региональные власти получили полномочия налагать ограничения на то, может ли территория развиваться или нет, тогда как вектор развития, темпы и объе-

мы деvelopeмента по-прежнему определяются местными властями [Nolon, 2006].

Однако говорить о завершении дискуссий по поводу централизации управления развитием территорий в США рано. Так, некоторые эксперты отмечают влияние политических циклов на данный процесс: например, исторически децентрализация управления скорее поддерживается республиканцами, а централизация — демократами [Friedmann, Bloch, 2009], хотя эта связь и не является определяющей. Также пока не решен вопрос с неформальной ролью руководства штатов в процессе управления развитием территорий. Часто можно встретить утверждения, что неформальное посредничество региональных бюрократов в решении конфликтов между властями отдельных муниципалитетов зачастую играет большую роль в гармонизации регулирования, чем наложение прямых ограничений на освоение территории [Herzog, 2009]. С этим также связан вопрос о развитии межмуниципального сотрудничества, которое потенциально может выступать альтернативой частичной централизации управления на региональном уровне [Nolon, 2006], так как такая централизация, в представлениях американских экспертов, по своей природе не является демократичной [Pincetl, 1994].

Американская система управления развитием территорий возникла как существенно децентрализованная, в которой все полномочия по регулированию землепользования были переданы местным властям. За последние полвека положение сместилось в сторону наделения полномочиями федеральных и региональных органов власти, в результате чего система превратилась в смешанную, с большим упором на местные инициативы по контролю над землепользованием. Важнейшими проблемами, которые привели к появлению тенденций к централизации американской системы, были снижение темпов развития экономики и постоянное разрастание городов, что, в свою очередь, стало причиной роста цен на жилье и серьезного экономического спада в мегаполисах. Основными сторонниками реформ были строительные компании, которым противостояли мелкие землевладельцы и политические активисты, составлявшие разнообразные местные сообщества.

Франция

Французская система оставалась всегда относительно централизованной, когда речь шла об управлении развитием территорий. Однако в послевоенный период Франция столкнулась с первым серьезным требованием реформ в данной сфере. До 1950-х годов политика управления развитием территорий была довольно хаотичной, и государство не проявляло особого интереса к установлению эффективных правил землепользования и застройки. Вторая мировая война изменила это отношение: многие французские города были полностью разрушены,

и нехватка жилья стала острой проблемой [Aveline-Dubach, 1997]. Это привело к созданию приоритетных зон развития (*Zones à Urbaniser en Priorité*) – государственного механизма, целью которого было ускорение строительства жилья и инфраструктуры за счет развития как застроенных территорий, так и свободных земель. При этом механизмы непосредственного вмешательства государства в управление развитием территорий сопровождались принятием местных отраслевых нормативных правовых актов.

Хотя активное участие государственных чиновников в управлении развитием территорий сначала было успешным, вскоре стало ясно, что такое устройство системы имеет и негативные стороны. Институт зонирования, сформировавшийся во Франции в 1950-е годы, способствовал разрастанию городов, которое к 1980-м годам превратилось в огромную проблему: как и в США, после кризиса 1973 года содержание пригородов стало дорогостоящим, а центры городов пришли в упадок [Fremond, 1993]. Это послужило основой для начала новой реформы системы управления развитием территорий, отдельные требования начать которую звучали уже в 1960-е годы. Хотя принятый в 1967 году *Loi d'Orientation Foncière* формализовал правила планирования на местном уровне, разрешив муниципалитетам разрабатывать так называемые местные планы землепользования (*Plans d'Occupation des Sols*), процесс полноценной децентрализации управления землепользованием был запущен только в 1982 году. Через расширение возможностей муниципалитетов по территориальному планированию за счет принятия мастер-планов (*Schémas Directeurs*) городам было предоставлено больше полномочий для определения использования земли, однако государство сохранило за собой право блокировать местные инициативы. Так, выдачу разрешения на строительство должен был сначала одобрить префект провинции [Punter, 1988]; впрочем, со временем роль исполнительной власти на региональном уровне была сокращена в пользу законодательной, что сделало процесс более демократичным.

Реформа 1980-х годов вызвала бурную дискуссию среди специалистов. Помимо критики самого факта сохранения за провинциями полномочий по согласованию, рядом исследователей высказывались опасения, что деволюция полномочий ограничилась лишь крупными городами [Flockton, 1983; Punter, 1988]. Основной причиной подобного стало то, что попытка деволюции происходила в отсутствие расширения муниципальных бюджетов, ввиду чего исполнение новых полномочий оказалось для некрупных городов невозможным без получения трансфертов со стороны вышестоящих инстанций

[Flockton, 1984]. Это также было связано со спецификой территориальной организации местной власти во Франции: большое число коммун означало, что каждый муниципалитет контролировал довольно небольшую территорию, а значит, не мог разработать полноценный мастер-план ее развития, который был бы интегрирован с планами соседей [Booth, 1998].

Половинчатый эффект реформы привел к дискуссиям относительно необходимости ее переформатирования и перезапуска. Исследователями было показано, что управление развитием территорий на региональном уровне приводило ко все большей стандартизации документов пространственного развития [Kropf, 1996], а некоторые муниципалитеты, поначалу позитивно воспринявшие реформу, постепенно начали отказываться от разработки локальных планов развития [Aveline-Dubach, 1997]. Это привело к инициализации очередной реформы в 1990-х, которая должна была способствовать формированию межмуниципальных объединений, получавших, согласно обновленному законодательству, больше полномочий по управлению развитием территорий. Полномочия этим объединениям должны были передать как муниципалитеты, так и провинции; при этом образование этих ассоциаций было добровольным. Сосредоточение на развитии межмуниципального сотрудничества было выбрано во многом потому, что только оно могло помочь сбалансировать конфликтующие интересы муниципалитетов, гармонизировав локальные документы планирования, а также объединить их бюджетные ресурсы с целью установления более качественного регулирования [Green, Booth, 1996].

Результаты перезапуска реформы остаются предметом активного обсуждения уже почти 20 лет. Во-первых, остается проблемой определение границ действия межмуниципальных ассоциаций. Так, нередко в границах одной конурбации сосуществует несколько таких ассоциаций, каждая из которых разрабатывает свои документы пространственного развития; ситуация усугубляется тем, что состав ассоциаций постоянно меняется [Booth, 2009]. То есть при сохранении неделимости полномочий между различными уровнями власти этот объем полномочий ложится всегда на разную территорию. Во-вторых, хотя финансовая база ассоциаций значительно превосходит бюджетный потенциал отдельных коммун, качество локальных планов развития зачастую остается на низком уровне, что периодически приводит к возникновению запросов на финансовую децентрализацию [Jégouzo, 2015]. Наконец, ряд исследователей выделяют факт формирования крайне сложной системы документации по регулированию развития территорий¹ по результатам реформ [Prevost et. al., 2012], реализация

1. Помимо упомянутых выше нормативных правовых актов, во Франции в разные годы были введены такие инструменты, как потолок разрешенной плотности (*Plafond Légal de Densité*), зона вмешательства (*Zones d'Intervention Foncière*), зона ограничения развития (*Zone à Défendre*) и др., часть из которых уже утратили свою актуальность.

которых еще более затрудняется сложными отношениями региональных и местных чиновников [Alterman et. al., 2001].

Что касается заинтересованных в проведении ряда реформ сторон, то здесь можно констатировать следующее. В рамках первой реформы активной стороной, поддерживающей внесение изменений в регулирование, было лобби домовладельцев, которые надеялись получить больше возможностей по управлению развитием территории своего проживания. Кроме того, в отличие от США, стремления домовладельцев здесь совпали с потребностями застройщиков, которые также поддерживали реформу. Если во время экономического подъема 1950–1960-х годов последние выигрывали в результате установления государством зон опережающего развития (поскольку кредиты были дешевыми, а цены на землю — низкими), то к 1980-м годам контекст резко изменился [Kropf, 1996]. Спрос на дешевое жилье снизился, а земля стала дорогой вследствие активного разрастания городов в предыдущие 20 лет, и теперь, чтобы свести к минимуму риски, строительным компаниям понадобилось установить жесткие ограничения на освоение земли, дабы сохранить стоимость уже имеющихся в их распоряжении активов [Aveline-Dubach, 1997]. Описанный выше запрос рынка совпал с тенденциями во французской политической жизни в целом. В результате протестов 1968 года политическую власть обрели левые движения, и процесс деволюции полномочий в сфере управления развитием территорий удачно вписался в общую стратегию действий новых правительств².

Французская система управления развитием территорий формировалась на принципах централизации, однако с 1980-х положение сместилось в сторону деволюции полномочий в пользу муниципальных органов власти и последовательного наделения все большим объемом полномочий законодателей. Важнейшими проблемами, которые привели к децентрализации французской системы, были неконтролируемое разрастание городов и необходимость переходить к развитию застроенных территорий в противовес освоению вакантных земель. В определенный момент сложилась ситуация, когда и частные землевладельцы, и крупные застройщики, равно как и республиканские политики, оказались заинтересованы в децентрализации системы управления развитием территорий, что и привело к проведению ряда реформ.

Великобритания

Особняком от описанных выше стоит британская система управления развитием территорий, наиболее решительные преобразования в которой продолжаются и сегодня.

Практика правового регулирования землепользования и застройки в Великобритании уходит корнями еще в середину XIX века, но фактически современное регулирование произошло от Public Health Act 1875 года. Он позволил перейти от точечного регулирования — централизованной выдачи разрешений через так называемые локальные акты парламента (*Local Acts of Parliament*) — к управлению застройкой через подготавливаемые инициаторами строительных изменений и согласовываемые муниципалитетами городские планы (*urban plans*). Уже к началу XX столетия система стала активно подвергаться критике со стороны промышленников и строительного лобби — регулирование стимулировало создание лишь низкоплотного жилья, способствуя разрастанию городов [Booth, 1999].

Критика сложившейся системы привела к принятию парламентом в 1947 году Town & Country Planning Act, который ставил в приоритет эстетическое регулирование [Punter, 1986]. Согласно этому закону, планы развития территории (*development plans*) — до введения которых также существовали неформализованные структурные планы (*structure plans*) — создавались местными властями [Garner, 1975], но их утверждение было прерогативой национального министра городского планирования. Кроме того, органы региональной власти раньше имели право определять некоторые территории как точки роста, что могло со временем привести к изменению планов их развития [Arendt, 1987]. В тот период система оставалась еще весьма централизованной, поскольку все местные решения по управлению развитием территорий должны были согласовываться с правительством. Хотя система и претерпела некоторую формализацию в течение четырех десятилетий между 1940-ми и 1980-ми годами, но изменилась не сильно.

Нужда в полноценной реформе возникла только где-то между 1980-ми и 1990-ми годами. Ее причины на первый взгляд казались схожими с причинами американской реформы — цены на жилье стремительно росли, а рынок недвижимости стагнировал [Pearce, 1992], — но, по сути, они существенно отличались. Если в США инициативам строительных компаний по либерализации регулирования землепользования и застройки препятствовало лобби домовладельцев и активистов, то в Великобритании именно политика самого национального правительства тормозила развитие [Corkindale, 1999]. Хотя изначально именно промышленники и строительное лобби выступали сторонниками принятия Town & Country Planning Act, тот факт, что местные планы развития должны были сначала утверждаться правительством, к концу XX века привел к фактической национализации прав на застройку земли в стране. Таким образом, государственные ограничения на застройку земель создавали проблему чрезмер-

2. Так же и реформа по децентрализации управления развитием территорий началась через год после парламентских выборов 1981 г., когда Социалистическая партия завоевала рекордное большинство.

ного освоения тех земельных участков, где застройка уже была когда-то разрешена, и неосвоению прочих, что приводило к планомерному росту цен на первые.

The Planning and Compulsory Purchase Act от 2004 года должен был решить проблему путем наделения регионов новыми полномочиями за счет введения так называемых региональных стратегий пространственного развития (*Regional Spatial Strategies*), создаваемых при участии региональных ассамблей (*Regional Assemblies*). Эти ассамблеи были призваны стать новыми представительными органами, которые бы расширили возможности застройщиков по изменению сложившегося регулирования землепользования и застройки [Taylor, 2010]. Однако довольно скоро они были упразднены принятием The Localism Act 2011 года, который ввел новый уровень системы управления развитием территорий — так называемые объединенные органы власти (*Combined Authorities*) [Lee, Abbot, 2022]. Как позднее зафиксировал The Local Democracy, Economic Development and Construction Act 2009 года, эти органы были созданы для координации местных инициатив по внесению изменений в регулирование.

В данный момент реформирование системы все еще продолжается, и в повестке дня стоят планы по превращению ее в более похожую на американскую через внедрение института правового зонирования [Lee, Abbot, 2022]. С одной стороны, подобное должно вызвать новое расширение объема полномочий муниципалитетов. В то же время это потребует усиления и государственного управления, которое должно будет гармонизировать местное регулирование [Gallent et. al., 2021]. Также продолжают высказываться опасения, что излишняя децентрализация регулирования приведет к дисбалансу на рынке недвижимости, а потому реформа должна проводиться планомерно и с опорой на эмпирические данные [Bramley, Watkins, 2014].

Таким образом, изменения системы управления развитием территорий в Великобритании сложно квалифицировать как однозначную централизацию или децентрализацию управления землепользованием. С одной стороны, принятие Public Health Act привело к существенному расширению объема дискреционных полномочий муниципалитетов по управлению развитием территорий³. С другой стороны, возможности муниципалитетов по регулированию застройки были существенно урезаны в пользу национального правительства уже в 1947 году. Аналогичная история произошла с появлением региональных ассамблей. Само по себе оно было результатом желания делегировать полномочия. Передачу же полномочий межмуниципальному уровню управления в виде объединенных орга-

нов власти и вовсе можно считать прямой децентрализацией управления. Но если ассамблеи избирались на референдуме, то новые объединенные органы власти стали управляться специальным руководителем, назначение которого, согласно Cities and Local Government Devolution Act от 2016 года, перешло в компетенцию государственного секретаря (*Secretary of State*). Более того, положение такого руководителя в значительной степени стало зависеть от особенностей местных договоренностей с правительством, которое может делегировать управленцам различных объединенных органов разные полномочия [Sandford, 2023].

Похожая ситуация сложилась и с планами на введение в законодательство понятия правового зонирования. Расширение полномочий муниципальной власти потенциально можно рассматривать в качестве децентрализации регулирования, однако сосредоточение на регуляторной функции взамен дискреции позволяет предполагать также определенное сужение окна для проведения переговоров между властями объединенных органов власти и правительством. Все это представляет историю реформ в Великобритании крайне противоречивой — на протяжении полутора столетий в стране происходили как волны централизации, так и волны децентрализации управления развитием территорий.

Хотя ситуация может измениться в будущем, можно сказать, что траекторию реформы британской системы управления развитием территорий можно рассматривать как деволюцию полномочий, постепенно переходящую в ограниченную децентрализацию управления. Из имеющейся литературы следует, что в модификации системы были заинтересованы как застройщики, так и граждане, но неизвестно, кто именно реально выступал за реформу. Можно предположить, что реформаторское лобби отличалось от региона к региону, и для того, чтобы сделать конкретные выводы, необходимо более глубокое изучение ситуации в каждом из них.

Отечественный опыт реформирования системы управления развитием территорий

Исторические коллизии наложили свой отпечаток на особенности системы управления развитием территорий в России. Традиция правового регулирования градостроительной деятельности на основе локальных актов — городских и строительных уставов — была прервана в связи со сменой государственно-политического строя в 1917 году. Переход от административно-командной системы, существовавшей в стране вплоть до 1991 года, к рыночной экономике обусловил изменения систе-

3. Подобной позиции, в частности, придерживается [Booth, 1999].

мы и потребовал трансформации нормативного правового регулирования. Законодательный опыт⁴, научно-теоретические исследования и экспериментальные разработки привели к необходимости подготовки и принятия нового Градостроительного кодекса.

Отличительной чертой концепции нового Градостроительного кодекса являлась его разработка в составе пакета более двух десятков законов по вопросу формирования рынка доступного жилья, а самому Градостроительному кодексу отводилась ключевая роль в увеличении предложения земельных участков для жилищного строительства. Также для реализации новой политики предусматривалось принятие более сотни подзаконных актов, что должно было обеспечить выверенную согласованную работу нормативного и методологического характера. Концепцией преследовались цели создать оптимальные условия для инвестирования в жилищное строительство и стимулировать участие в этой сфере как органов публичной власти, так и физических и юридических лиц [Трутнев, Бандорин, 2016].

Итогом стало принятие в 2004 году Градостроительного кодекса РФ, предметом регулирования которого явились отношения, возникающие между органами публичной власти, физическими и юридическими лицами при территориальном планировании, установлении посредством зонирования разрешенного использования территорий, земельных участков, иных объектов недвижимости, формирования, создании новых и изменении существующих земельных участков и иных объектов недвижимости.

Новый Градостроительный кодекс вобрал в себя черты как североамериканской модели, так и практик регулирования родом из западноевропейских стран: большой объем полномочий у органов местного самоуправления и при этом обязательное координирование планов развития территорий с другими уровнями органов публичной власти [Трутнев, Бандорин, 2016]. Впоследствии за 20 лет в него были внесены многочисленные изменения, часто коренным образом влияющие на подход к управлению развитием территорий.

Одним из таких изменений является внедрение и преобразование институтов для комплексного освоения застроенных и незастроенных территорий. Так, институт развития застроенных территорий и институт комплексного освоения территории впоследствии были заменены на институт комплексного развития территории, обладающий привилегированным положением по отношению к общему регулированию посредством правил землепользования и застройки. Такие изменения, по замыслу законодателя, должны способствовать увеличению темпов жилищного строительства и сокращению продолжительности инвестиционно-строительного цикла,

но ставят под сомнение гармонизацию территорий для комплексного развития с общим замыслом, планируемым для всей территории муниципалитета.

Одновременно с содержательными изменениями в градостроительном регулировании происходят изменения в управленческой плоскости. Так, законодатель подверг значительному пересмотру вопрос места и роли органов местного самоуправления при осуществлении градостроительной деятельности. По первоначальной концепции Градостроительного кодекса от 2004 года наиболее широким спектром полномочий предполагалось наделять органы местного самоуправления как наиболее приближенные к территории и локальному сообществу. Субъектам РФ отводилась скорее координирующая роль, что в целом напоминает структуру управления, сложившуюся в других рассмотренных странах по итогам реформ. Такой подход просуществовал 10 лет до принятия федеральных законов, позволивших субъектам РФ перераспределять муниципальные полномочия в сфере градостроительной деятельности в свою пользу. Главной особенностью такого регулирования является широта дискреционных полномочий, которая предоставлена по данному вопросу субъектам РФ федеральным законодателем, что проявляется в отсутствии критериев и ограничений при выборе градостроительных полномочий к перераспределению; в возможности сосредоточить перераспределяемые полномочия в органах исполнительной власти субъектов РФ; в возможности выбора любых муниципальных образований в любом количестве для перераспределения их полномочий; в отсутствии установленных максимальных сроков, на которые могут перераспределяться полномочия.

Первые акты о перераспределении полномочий вступили в силу в январе 2015 года. В настоящее время более 40 регионов приняли акты о перераспределении полномочий [Гудзь и др., 2024], что подтверждает наличие подобного тренда в региональной политике. Предоставленные субъектам РФ почти неограниченные возможности в решении указанного вопроса приводят к выстраиванию в каждом субъекте РФ собственных перспектив осуществления муниципальных полномочий и их перераспределения на региональный уровень.

Исследования свидетельствуют о наличии у субъектов РФ избирательности как полномочий для перераспределения, так и муниципальных образований, в отношении которых осуществляется такое перераспределение. В первом случае это приводит к раздробленности процедуры инициирования, разработки и утверждения градостроительных документов, к раздробленности в регулировании тематических вопросов, а также к раздробленности по объектам капитального

4. К этому опыту можно отнести, прежде всего, такие нормативно-правовые акты, как Закон РФ «Об основах градостроительства в Российской Федерации» от 14.07.1992 №3295-1, «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 07.05.1998 №73-ФЗ и «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 №136-ФЗ.

строительства. При этом рутинные функции, например проведение публичных слушаний, субъекты РФ предпочитают оставлять на уровне муниципалитета. Во втором случае избирательность может выступить показателем истинных мотивов для перераспределения. Так, больше всего вопросов вызывает перераспределение на уровень региона полномочий его административного центра, чем дотационных муниципальных образований. При этом наиболее вероятным значимым мотивом для принятия решения о перераспределении могут быть показатели по объемам жилищного строительства в соответствующем субъекте РФ. В качестве общей черты всех субъектов РФ, которые приняли акты о перераспределении полномочий, выступает усиление исполнительной власти, так как во всех случаях перераспределения осуществление муниципальных полномочий закреплялось за органами исполнительной власти субъектов РФ.

Одновременно с этим наблюдается и тенденция на децентрализацию регулирования. Это подтверждается передачей на уровень субъектов РФ некоторых федеральных полномочий [Гудзь и др., 2024]. Кроме этого, происходит расширение компетенций органов государственной власти субъектов РФ за счет приращения полномочий в связи с появлением в законодательстве новых институтов или изменением существующего регулирования. Например, введение института комплексного развития территории определило необходимость участия субъектов РФ посредством издания дополнительных нормативных правовых актов, а изменения в Градостроительном кодексе РФ в 2020 году позволили устанавливать на уровне субъекта РФ норму о возможности утверждения правил землепользования и застройки исполнительным (местной администрацией), а не представительным (законодательным) органом власти.

Всё вышеперечисленное происходит на фоне унификации регулирования, которая проявляется в следующем. Принятие нового Градостроительного кодекса при отсутствии поддерживающих реформу методического сопровождения и обучения создало правовой вакуум, в котором оказались муниципалитеты с широким кругом полномочий, но без четкого

представления о методах их реализации и с обязательствами по принятию документов территориального планирования и градостроительного зонирования в установленные сроки, которые неоднократно продлевались⁵. Тем не менее оперативно созданная для реализации национального проекта⁶ инфраструктура, содействующая развитию жилищного строительства, обеспечивала вовлечение земельных участков в строительные процессы и часто игнорировала реальные потребности муниципалитетов, перенаправляя инвестиции в развитие периферийных территорий в рамках процедур комплексного освоения территорий, свободных от прав третьих лиц.

В течение чуть более десяти лет после принятия нового Градостроительного кодекса была завершена подготовка генеральных планов и правил землепользования и застройки. Однако по завершении данного этапа не были сделаны оценки в отношении качества утвержденных документов и применяемой методологии. Консенсус сформировался только по поводу создаваемых ими административных барьеров, что подталкивало публичные органы власти к размышлениям о необходимости упрощения системы, которая еще находилась в стадии становления. Таким образом, фокус деятельности правительства РФ и профильных федеральных органов исполнительной власти сместился в сторону сокращения сроков инвестиционно-строительного цикла, что также подтверждается появлением перечня, устанавливающего исчерпывающий список процедур, и постоянной дискуссии по поводу его содержания и возможности сокращения и упрощения этих процедур⁷.

На фоне подобной практики перераспределение полномочий, установление срока приведения видов разрешенного использования введенному классификатору (к 2021 г.⁸), принятие подзаконных актов с едиными требованиями к документам территориального планирования⁹, накопленная судебная практика [Гудзь и др., 2023], ожидание результатов национальных проектов¹⁰, с одной стороны, стимулировали унификацию документов градостроительного проектирования¹¹, принимаемых органами публичной власти, и закрепление на уровне

5. См. Федеральный закон от 29.12.2004 №191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации».

6. См. приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» (утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов (протокол №2 от 21 декабря 2005 г.)).

7. См. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16).

8. См. ч. 12 ст. 34 Федерального закона от 23.06.2014 №171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

9. См. Приказ Минэкономразвития России от 09.01.2018 №10 «Об утверждении Требований к описанию и отображению в документах территориального планирования объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 7 декабря 2016 г. №793».

10. См. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16).

11. Так, в поручении Президента РФ Пр-1483ГС, п.1а. 1. Правительству Российской Федерации указано, что «в целях упрощения процедуры внесения изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования, а также исключения дублирования таких документов предусмотреть возможность использования единого документа».

федерального законодательства через введение единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования. Однако с другой — закрепили в документах такие темпы строительства, которые отвечали бы целевым показателям национального проекта. Это, в свою очередь, поддержало использование методологии проектирования генеральных планов, характерных для плановой экономики советского периода, что обесмысливает наличие правил землепользования и застройки, поскольку градостроительное зонирование превращает планируемые перспективные показатели в правовую действительность. Таким образом, попытки введения нового института оказались практически сведены к возвращению уже знакомой для российского правопорядка системе, в которой господствуют территориальное планирование и процедуры согласований по отдельным объектам.

Указанные тенденции спровоцировали новую волну разработки градостроительных документов, в которых еще больше просматриваются условия к разрастанию и несбалансированному развитию городов [Головин и др., 2021]. Но если первый опыт — это сочетание прогресса муниципального нормотворчества и рудиментов градостроительного проектирования предшествующего периода, то вторая волна — это модифицированная и осовремененная методология подготовки генеральных планов, ориентированная на обеспечение условий для строительства значимых объемов жилья. В этом контексте важно упомянуть, что разработка таких документов только ряду городов-миллионников совокупно обошлась более чем в 500 млн руб.¹²

Жилищное строительство занимает центральное место в текущих градостроительных процессах. Закрепление в качестве критериев оценки деятельности руководителей регионов целевых показателей объемов ввода жилья влияет на градостроительные политики и является значимым мотивом для перераспределения муниципальных полномочий по управлению развитием территорий на региональный уровень [Гудзь и др., 2024].

Картина, которая складывается на фоне вышеперечисленных решений, демонстрирует общность регионального запроса на введение в систему управления развитием территорий индивидуальных решений и механизмов изъятия из общих правил регулирования (требования к архитектурно-градостроительному облику, кодификация комплексного развития застроенных территорий). Именно через особое регулирование в виде исключений из общего правила могут, по мнению заинтересованных сторон, в короткое время достигаться показатели объема ввода жилья. Таким образом, регуляторы обеспечивают возможность достижения показате-

лей, вводя альтернативное регулирование, а регионы выбирают такие способы, которые позволяют фактически достичь установленных показателей национального проекта, по которым они отчитываются.

Лобби комплексного развития территории и разработчики генеральных планов действуют в синергии: фиксирование в документах территориального планирования неадекватных показателей вместе с установлением огромных жилых и смешанных зон на периферии создает ощущение ожидания роста города, которое используется девелопментом для продвижения своих проектов. Комплексное развитие территории и территориальное планирование взаимообусловлены, и в России это ставит в уязвимое положение пользователей-собственников, так как, в отличие от США, в России при сильном лобби комплексного развития территории правообладатель — слабый. При этом в спорных ситуациях неустойчивость отраслевых нормативных правовых актов приводит к трансляции позиций из решений судов.

К вопросу о роли принципа локализма в управлении развитием территорий

Изучение зарубежного опыта показало, что толчком к изменению существующей системы управления развитием территорий служит прежде всего разрастание городов, которое приводит к росту издержек на содержание инфраструктуры и требует изменения политики в сфере жилищного строительства. Во всех случаях крупные застройщики отмечают как одни из инициаторов реформ. При этом роль государства, так же как и граждан и локальных сообществ, проявляется по-разному в зависимости от конкретной страны. На особенности регулирования в отдельно взятой стране влияют и такие факторы, как государственное устройство и правовая система. Так, неудивительно, что в США с ее федеративным устройством более детальное регулирование в рамках общих границ, установленных федеральным актом, осуществляется на уровне штатов, а во Франции — стране континентальной системы права — вопросы управления развитием территорий содержатся в кодифицированном акте, принятом на государственном уровне. Однако общим является регулирование вопросов компетенции посредством установления определенных рамок и/или распределения конкретных полномочий между органами публичной власти различного уровня.

Анализ опыта нормативно-правового регулирования в зарубежных странах демонстрирует также значение научно-теоретических и практических раз-

12. К таким городам относятся Челябинск (см. Муниципальный контракт №7/22 от 19 апреля 2022 г.), Казань (см. Муниципальный контракт №10-21/2014 от 25 ноября 2014 г.), Омск (см. Муниципальный контракт №54 от 10 октября 2019 г.), Уфа (см. Муниципальный контракт №03011300247619000163 от 22 апреля 2019 г.), Волгоград (см. Муниципальный контракт №1 от 03 июля 2023 г.) и Краснодар (контракт заключен в рамках закрытого аукциона) и др.

работок и исследований при принятии принципиальных решений для изменения градостроительной политики. Важной чертой реформ исследуемых зарубежных стран, в частности, является дискуссия о разграничении полномочий между различными уровнями публичной власти. Иными словами, при проведении реформ речь шла о закреплении тех или иных полномочий за конкретными субъектами градостроительных отношений. Реализация реформ не предполагала перетекание полномочий от одного субъекта к другому, на повестку выносился вопрос, на каком уровне эффективнее осуществлять полномочия в сфере управления развитием территорий и почему. Так, например, среди дискуссий о децентрализации во всех странах прослеживается идея о межмуниципальном сотрудничестве как об одном из способов решения проблемы дефицита муниципальных ресурсов. Все это соответствует развитию систем регулирования в логике функционального локализма.

Однако при схожести многих факторов и предпосылок для реформирования в рассмотренных странах не существует единой тенденции к централизации или децентрализации систем управления развитием территорий. Для существенно децентрализованных систем, где большая часть полномочий по управлению развитием территорий осуществляется муниципалитетами, наблюдается тенденция к расширению полномочий государства. Наиболее очевидным примером здесь являются Соединенные Штаты, где региональные органы власти, не имевшие ранее возможности контролировать разрастание городов, получили право участвовать в управлении землепользованием. Для централизованных систем сдвиг совершенно иной: в той же Франции в некоторые периоды происходила и деволюция полномочий. Однако реформа как в централизованных, так и в децентрализованных системах в рассмотренных странах всегда проходила весьма ограниченно: функции перераспределялись исходя из представления, что требуется сохранять основной пул полномочий за муниципалитетами, но также невозможно обойти стороной координирующую роль вышестоящих уровней власти.

Таким образом, схожесть предпосылок и в некоторой степени инициаторов реформ по-разному влияла на процессы централизации и децентрализации полномочий. Во многом это обусловлено традициями управления развитием территорий в каждой стране, эффективность которых была поставлена под сомнение текущими процессами. При этом реформирование шло через ответ на вопрос, какие полномочия и на каком уровне разумнее и эффективнее осуществлять, законодательно закрепляя конкретные сферы влияния за разными уровнями публичной власти.

Применяя все вышеизложенное к России, можно констатировать наличие схожих предпосылок к реформированию системы: разрастание городов и увеличение издержек на содержание городской инфраструктуры, унификация градостроительных документов, выраженное финансово-строительное лобби. Но в отличие от зарубежных стран, градостроительные и регулятивные процессы в России происходили в очень сжатый период и после принятия Градостроительного кодекса РФ в 2004 году часто без опоры на имеющиеся научно-теоретические и практические наработки и без проведения каких бы то ни было серьезных исследований [Трунев, 2019]. И хотя сроки введения зонирования в городах сопоставимы с ходом развития североамериканской модели регулирования застройки¹³, следует обратить внимание на разницу в методологии и возможности использовать уже отрефлексированный опыт планирования и проектирования в различные исторические периоды. Общей чертой вне зависимости от страны и времени выступает продолжительное отсутствие гайдов и методологических разработок, проявляющееся сейчас и в России.

Отечественное законодательство в сфере градостроительства серьезно менялось. За прошедшие 30 с небольшим лет произошел стремительный переход от функционального локализма к неограниченной централизации муниципальных полномочий на уровне субъекта РФ. При этом происходящий процесс в сфере управления развитием территорий можно охарактеризовать как гибридную форму – иными словами, одновременный процесс децентрализации федеральных полномочий и централизации муниципальных полномочий на уровне регионов.

Соответственно, отличительной особенностью российской практики является институт перераспределения муниципальных полномочий, который предоставляет неограниченный выбор субъектам РФ самим решать предметные и количественные характеристики аккумулируемых на своем уровне муниципальных полномочий. Последствия такой практики в долгосрочной перспективе до конца не ясны, поскольку сомнение вызывает объективность причин, которые привели к принятию решения о перемещении конкретного круга муниципальных полномочий на региональный уровень, а также отсутствие методики оценки эффективности исполнения регионом таких «изъятых» полномочий.

Таким образом, субъект РФ за счет концентрации на своем уровне полномочий – как переданных с федерального уровня, так и перераспределенных от муниципалитетов – становится ключевой фигурой в формировании и осуществлении градостроительных политик, с возможностью их детализации по своему представлению до уровня конкретных муниципальных образований, но эффективность (результативность) таких политик подчинена целевой

13. Так, за первые 15 лет с момента введения правового зонирования в США институт был внедрен только в 1100 муниципалитетов [Shertzer et. al., 2022], что позволяет говорить о том, что внедрение института не форсировалось.

федеральной установке по вводу определенного объема жилья. Это существенно отличает отечественный опыт от прочих рассмотренных, так как за рубежом либо регионы были наделены координирующей ролью, либо основной контроль над развитием территорий был делегирован межмуниципальным объединениям.

Заключение

Исходя из опыта зарубежных стран и России, можно утверждать, что важны не столько дискуссии о централизации либо децентрализации регулирования, сколько вопрос о разграничении полномочий. Он должен решаться с позиции поиска наиболее эффективного уровня публичной власти для реализации конкретных градостроительных полномочий в логике функционального локализма. Например, в США наделение штатов новыми полномочиями не ухудшило положение муниципалитетов, так как регуляторная функция, возложенная на штат, почти не затронула оную у муниципалитетов. Во Франции все текущие дискуссии сводятся к контролирующей роли префектов. В Великобритании дискуссии и во все ведутся по линии «регуляторика – дискреция», так как потенциально серьезной проблемой для городов является не столько недостаток формальных полномочий, сколько снижение возможностей вести неформальные переговоры с министерством.

В России же проблема состоит не в разграничении, а в перераспределении (по сути, изъятии) муниципальных полномочий. Переход полномочий с одного на другой уровень публичной власти должен быть обоснован и отвечать признаку наиболее их эффективной реализации. Ключевыми вопросами в этой связи могут выступать следующие: в какой степени должно присутствовать жесткое формализованное регулирование, а в какой – усмотрение (дискреция) и как это должно влиять на разграничение полномочий между различными уровнями публичной власти. Полученные ответы покажут, в каких областях должно быть больше формально зарегулированных полномочий, а где допустимо усмотрение и у кого именно должно быть больше возможностей оперативно реагировать на изменения и корректировать правоприменительную практику. С момента принятия Градостроительного кодекса РФ в 2004 году произошли существенные изменения в подходах к управлению развитием территорий, и эти изменения не были развернуты с позиций децентрализации и функционального локализма. Выстроенная изначально система градостроительных полномочий по уровням публичной власти также быстро изменилась.

В настоящее время роль, отведенная субъектам РФ в управлении развитием территорий, характеризуется смешением тенденций к централизации (от муниципалитетов к регионам) и к децентрализации в связке «федерация – субъект РФ». При этом до конца не ясно, на какие установки опирается те-

кущий в России процесс и что служит основанием для усиления компетенций публичной власти именно на уровне субъекта РФ. Это наталкивает на необходимость продолжения дискуссии о разграничении полномочий в России с позиций функционального локализма, что потребует от законодателей как федерального, так и регионального уровня более определенных и формализованных решений с возможностью возврата на местный уровень тех полномочий, которые будут там реализованы наиболее эффективно.

Источники

- Бабейкин Р. (2022) Правовое зонирование. Обзор американского опыта в контексте трансформации российской системы градорегулирования // Городские исследования и практики. Т. 7. № 3. С. 91–115.
- Головин А., Гудзь Т., Витков Г. и др. (2021) Планирование разрастания. Пространственная политика городов России: аналит. докл. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.
- Гудзь Т., Солдатова Л., Самоловских Н. (2023) Принципы градостроительного зонирования в судебной практике // Правоприменение. Т. 7. № 3. С. 105–115.
- Гудзь Т., Бабейкин Р., Самоловских Н. (2024) Тенденции в перераспределении муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности // Закон. № 2. С. 184–195.
- Дубровская Н., Гудзь Т. (2018) Эволюция содержания принципа устойчивого развития в градостроительной деятельности // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. Т. 1. С. 444–450.
- Трутнев Э., Бандорин Л. (2016) Комментарии к Градостроительному кодексу Российской Федерации: научное издание. 5-е издание, перераб. и доп. М.: Проспект.
- Трутнев Э. (2019) Градорегулирование. Правовое обеспечение градостроительной деятельности: альтернативные модели законодательства и программа исправления его ошибок. М.: Институт экономики города.
- Alterman R. et. al. (2001) National-Level Planning in Democratic Countries: A Comparative Perspective. L.: Liverpool University Press.
- Arendt R. (1987) Land-Use Planning In Britain and New England // Monadnock Perspectives. Vol. 8. № 2. P. 1–5.
- Arnold C.A. (2007) The Structure of the Land Use Regulatory System in the United States // Journal of Land Use & Environmental Law. Vol. 22. № 2. P. 441–523.
- Aveline or Aveline-Dubach, N. (1997) Urban Land Market and Land Policy in France // Comprehensive Urban Studies. Vol. 62. P. 139–152.
- Babcock R.F. (1966) The Zoning Game: Municipal Practices and Policies. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Bikker J., van der Linde D. (2016): Scale Economies in Local Public Administration. Local Government Studies. Vol. 42. № 3. P. 441–463.
- Booth P. (1998) Decentralisation and Land-Use Planning in France: a 15 Year Review // Policy & Politics. Vol. 26. № 1. P. 89–105.
- Booth P. (1999) From Regulation to Discretion: The Evolution of Development Control in the British Planning System 1909–1947 // Planning Perspectives, Vol. 14. № 3. P. 277–289.
- Booth P. (2009) Planning and the Culture of Governance: Local Institutions and Reform in France // European Planning Studies. Vol. 17. № 5. P. 677–695.

- Boyer M.C. (1981) National Land Use Policy: Instrument and Product of the Economic Cycle//The Land Use Policy Debate in the United States. N.Y.: Plenum Press.
- Bolleyer N., Thorlakson L. (2012) Beyond Decentralization – The Comparative Study of Interdependence in Federal Systems//Publius: The Journal of Federalism, Vol. 42. № 4. P. 566–591.
- Bramley G., Watkins D. (2014) 'Measure Twice, Cut Once' – Revisiting the Strength and Impact of Local Planning Regulation of Housing Development in England//Environment and Planning B: Planning and Design. Vol. 41. P. 863–884.
- Briffault R. (1990) Our Localism: Part I – The Structure of Local Government Law//Columbia Law Review. Vol. 90. № 1. P. 1–115.
- Corkindale J. (1999) Land Development in the United Kingdom: Private Property Rights and Public Policy Objectives//Environment and Planning A. Vol. 31. P. 2053–2070.
- Dardanelli P. (2019) Conceptualizing, Measuring, and Theorizing Dynamic De/Centralization in Federations//Publius: The Journal of Federalism. Vol. 49. № 1. P. 1–29.
- Davidson N.M. (2007) Cooperative Localism: Federal-Local Collaboration in an Era of State Sovereignty//Virginia Law Review. Vol. 93. № 4. P. 959–1034.
- Davidson N.M. (2019) The Dilemma of Localism in an Era of Polarization//The Yale Law Journal. Vol. 128. № 4. P. 954–1000.
- Harvard Law Review (1978) Developments in the Law: Zoning//Harvard Law Review. Vol. 91. № 7. P. 1427–1708.
- Dowall D.E. (2005) An Examination of Population-Growth-Managing Communities//Policy Studies Journal. Vol. 9. № 3. P. 414–427.
- Dowall D.E. (1989) The Land Use Policy Debate in the United States. London: Butterworth & Co Ltd.
- Dumez H. (2015) What Is a Case, and What Is a Case Study?//Bulletin de Methodologie Sociologique. Vol. 127. P. 43–57.
- Faguet J.-P. (2021) Understanding Decentralization Theory, Evidence and Method, with a Focus on Least-developed Countries//Working Paper Series. Vol. 21. № 203. P. 1–27.
- Fischel W.A. (2004) An Economic History of Zoning and a Cure for its Exclusionary Effects//Urban Studies. Vol. 41. № 2. P. 317–340.
- Flockton C.H. (1984) France: Ambitious Gaullist Designs and Constrained Socialist Plans//Built Environment. Vol. 10. № 2. P. 132–144.
- Flockton C.H. (1983) French Local Government Reform and Urban Planning//Local Government Studies. Vol. 9. № 5. P. 65–77.
- Fremond A. (1993) Regional Planning in France: Theory and Practice//L'Espace géographique. P. 33–46.
- Friedmann, J., Bloch, R. (2009) American Exceptionalism in Regional Planning, 1933–2000//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 14. № 4. P. 576–601.
- Gallent N., de Magalhaes C., Freire Trigo S. (2021) Is Zoning the Solution to the UK Housing Crisis?//Planning Practice & Research. Vol. 36. № 1. P. 1–19.
- Garner J.F. (1975) The Law of Land Use Planning in England Today//Natural Resources Journal. Vol. 15. № 3. P. 491–510.
- Gibbert M., Ruigrok W., Wicki B. (2008) What Passes as a Rigorous Case Study?//Strategic Management Journal. Vol. 29. № 13. P. 1465–1474.
- Green S.D. (1998) The Search for a National Land Use Policy: For the Cities' Sake//Fordham Urban Law Journal. Vol. 26. P. 69–120.
- Green S.D., Booth P. (1996) Urban Policy, Local Administration and Land Use Planning in Lille: Implementing the Contrat de Ville//European Urban and Regional Studies. Vol. 3. № 1. P. 19–31.
- Hager C. (2012) Revisiting the Ungovernability Debate: Regional Governance and Sprawl in the USA and UK//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 36. № 4. P. 817–830.
- Hanke B.R. (1965) Planned Unit Development and Land Use Intensity//University of Pennsylvania Law Review. Vol. 114. № 1. P. 15–46.
- Hernes V. (2021) The Case for Increased Centralization in Integration Governance: the Neglected Perspective//Comparative Migration Studies. Vol. 9. № 32. P. 1–15.
- Herzog L.A. (2009) Politics and the Role of the State in Land Use Change: A Report from San Diego, California//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 7. № 1. P. 93–113.
- International Recommendations on Urban and Territorial Planning (2015) *UN Habitat*. Режим доступа: https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/IG-UTP_English.pdf (дата обращения: 23.08.2024).
- Jégouzo Y. (2015) Les Compétences «Aménagement du Territoire et Urbanisme»: Quelle Décentralisation? *Revue Française d'Administration Publique*. Vol. 156. P. 1049–1054.
- Kayden J.S. (2000) National Land-Use Planning in America: Something Whose Time Has Never Come//Washington University Journal of Law & Policy. Vol. 3. P. 445–472.
- Kropf K.S. (1996) An Alternative Approach to Zoning in France: Typology, Historical Character and Development Control//European Planning Studies. Vol. 4. № 6. P. 717–737.
- Lee M., Abbot C. (2022) Chapter Title: English Planning Law: An Outline, Taking English Planning Law Scholarship Seriously. L.: UCL Press.
- Levy J.S. (2008) Case Studies: Types, Designs, and Logics of Inference//Conflict Management and Peace Science. Vol. 25. № 1. P. 1–18.
- Miller M.A., Bunnell T. (2013) Introduction: Problematizing the Interplay between Decentralized Governance and the Urban in Asia//Pacific Affairs. Vol. 86. № 4. P. 715–729.
- Mudalige P.W. (2019) The Discussion of Theory and Practice on Decentralization and Service Delivery//European Scientific Journal ESJ. Vol. 15. P. 115–135.
- Nolon J.R. (2006) Historical Overview of the American Land Use System: A Diagnostic Approach to Evaluating Governmental Land Use Control//Pace Environmental Law Review. Vol. 23. № 3. P. 821–853.
- Pearce B.J. (1992) The Effectiveness of the British Land Use Planning System//The Town Planning Review. Vol. 63. № 1. P. 13–28.
- Pincetl S. (1994) The Regional Management of Growth in California: A History of Failure//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 18. № 2. P. 256–274.
- Popper F.J. (1988) Understanding American Land Use Regulation Since 1970: A Revisionist Interpretation//Journal of the American Planning Association. Vol. 54. № 3. P. 291–301.
- Prevost A., Molines N., Dehan P., Bandet J. (2012) The Urban Planning of French Cities and the Challenge of

Sustainable Town Planning: Improvement and Limits. Ankara: METU.

Punter J.V. (1986) A History of Aesthetic Control, Part I//Town Planning Review. Vol. 57. № 4. P. 351-381.

Punter J.V. (1988) Planning Control in France//The Town Planning Review. Vol. 59. № 2. P. 159-181.

Sandford M. (2023) Devolution to Local Government in England. Research Briefing. L.: House of Commons Library.

Schragger R.C. (2001) The Limits of Localism//Michigan Law Review. Vol. 100. № 2. P. 371-472.

Shertzer A., Twinam T., Walsh R.P. (2022) Zoning and Segregation in Urban Economic History//Regional Science and Urban Economics. Vol. 94. P. 1-8.

Smookler H.V. (1975) Administration Hara-Kiri: Implementation of the Urban Growth and New Community Development Act//The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 422. P. 129-140.

Stepan A. (2000) Brazil's Decentralized Federalism: Bringing Government Closer to the Citizens?//Daedalus. Vol. 129. № 2. P. 145-169.

Taylor N. (2010) What is This Thing Called Spatial Planning? An Analysis of the British Government's View//The Town Planning Review. Vol. 81. № 2. P. 193-208.

Walker R.A., Heiman M.K. (1981) Quiet Revolution for Whom?//Annals of the Association of American Geographers. Vol. 71. № 1. P. 67-83.

CENTRALIZATION OF MUNICIPAL POWERS IN URBAN PLANNING: CONTRIBUTING TO THE GLOBAL DEBATE ON THE ROLE OF LOCALISM IN TERRITORIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT¹⁴

Roman V. Babeykin, expert, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitckaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: rbabeikin@hse.ru

Tatiana V. Gudz', Candidate of Economic Sciences, visiting lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitckaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: tgudz@hse.ru

Natalia V. Samolovskikh, applicant for the academic degree of Candidate of Legal Sciences, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (UrFU); 21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.
E-mail: nvsamolovskikh@gmail.com

The problem of finding a balance between centralization and decentralization of urban planning (territorial planning and land use regulation) remains relevant for many countries in the world. Russia today is a striking case of centralization of municipal powers in the field of urban planning at the regional level, as a result of which municipalities lose the ability to control the development of their territory. At the same time, different centralization practices are developing in Russian regions: in different parts of the country, powers are redistributed for different periods and in different volumes. The authors hypothesize that despite similar prerequisites for reforming the regulatory system in this area, the mechanism implemented in Russia has no analogues in foreign countries. The authors conduct a comparative study of four countries (the United States of America, France, Great Britain, and Russia) in order to identify the specifics of the process of centralization of powers in the field of urban planning in Russia and its relationship with the global context of the evolution of foreign systems. The results obtained indicate the similarity of the reasons and prerequisites for changing the approach to organizing regulatory systems in countries considered. However, the process in Russia has its own specifics and necessitates continuing the debate regarding the role of regions in matters of managing the spatial development of municipalities.

Keywords: centralization of governance; decentralization theory; localism; urban planning; redistribution of powers; devolution of powers; revocation of powers

Citation: Babeykin R.V., Gudz' T.V., Samolovskikh N.V. (2025) Centralization of Municipal Powers in Urban Planning: Contributing to the Global Debate on the Role of Localism in Territorial Development Management. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 21-37. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202521-37> (in Russian)

References

Babeykin R.V. (2022) Pravovoe zonirovaniye. Obzor amerikanskogo opyta v kontekste transformatsii rossijskoj sistemy gradoregulirovaniya [Legal Zoning: A Review of

14. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023.

- The US Experience in the Context of the Transformation of the Russian System of Urban Regulation]. *Gorodskie issledovaniya I praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 7, no 3, pp. 91–115.
- Planirovanie razrastaniya. Prostranstvennaya politika gorodov Rossii [Planning of Growth. Spatial Policy of Russian Cities]: P68 research paper (2021)/ A.V. Golovin, T.V. Gudzh', G.V. Vitkov, I.V. Karasel'nikova, N.A. Kosolapov; priuchastii R.V. Goncharova, E.A. Kotova, V.A. Molodcovoj, Yu. V. Kul'chickogo, R.V. Babekina, D.D. Duzhik, D.V. Parfyonovoj; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» [HSE]. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki [Editorial House of the Higher School of Economics].
- Gudzh' T.V., Soldatova L.V., Samolovskih N.V. (2023) Principy gradostroitel'nogo zonirovaniya v sudebnoj praktike [Principles of Legal Zoning in Judicial Practice]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement], vol. 7, no 3, pp. 105–115.
- Gudzh' T.V., Babekina R.V., Samolovskih N.V. (2024) Tendencii v pereraspredelenii municipal'nyh polnomochij v oblasti gradostroitel'noj deyatel'nosti [Trends in the Redistribution of Municipal Powers in the Field of Urban Planning]. *Zakon* [Law], vol. 2, pp. 184–195.
- Dubrovskaya N.V., Gudzh' T.V. (2018) Evolyuciya soderzhaniya principa ustojchivogo razvitiya v gradostroitel'noj deyatel'nosti [Evolution of the Content of the Principle of Sustainable Development in Urban Planning]. *Sovremennye tekhnologii v stroitel'stve. Teoriya I praktika* [Modern Technologies in Construction. Theory and Practice], vol. 1, pp. 444–450.
- Shugrina E.S. (2016) Kto osushchestvlyaet polnomochiya po resheniyu voprosov mestnogo znacheniya, ili Opyat' o pereraspredelenii polnomochij [Who Exercises Powers to Resolve Issues of Local Importance, or Again on the Redistribution of Powers]. *Konstitucionnoe I municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], vol. 11, pp. 71–75.
- Trutnev E.K., Bendorin L.E. (2016) *Kommentarii k Gradostroitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii: nauchnoe izdanie* [Comments on the Town Planning Code of the Russian Federation: Scientific Publication]. M.: Prospekt [Prospectus].
- Trutnev E.K. (2019) *Gradoregulirovanie. Pravovoe obespechenie gradostroitel'noj deyatel'nosti: al'ternativnye modeli zakonodatel'stva I programma ispravleniya ego oshibok* [Urban Regulation. Legal Support for Urban Planning Activities: Alternative Models of Legislation and a Program for Correcting Its Errors]. M.: Institut ekonomiki goroda [Institute of Urban Economics].
- Alterman R. et. al. (2001) National-Level Planning in Democratic Countries: A Comparative Perspective. London: Liverpool University Press.
- Arendt R. (1987) Land-Use Planning in Britain and New England. *Monadnock Perspectives*, vol. 8, no 2, pp. 1–5.
- Arnold C.A. (2007) The Structure of the Land Use Regulatory System in the United States. *Journal of Land Use & Environmental Law*, vol. 22, no 2, pp. 441–523.
- Aveline or Aveline-Dubach N. (1997) Urban Land Market and Land Policy in France. *Comprehensive Urban Studies*, vol. 62, pp. 139–152.
- Babcock R.F. (1966) *The Zoning Game: Municipal Practices and Policies*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Bikker J., van der Linde D. (2016): Scale Economies in Local Public Administration. *Local Government Studies*, vol. 42, no 3, pp. 441–463.
- Booth P. (1998) Decentralisation and Land-Use Planning in France: a 15 Year Review. *Policy & Politics*, vol. 26, no 1, pp. 89–105.
- Booth P. (1999) From Regulation to Discretion: The Evolution of Development Control in the British Planning System 1909–1947. *Planning Perspectives*, vol. 14, no 3, pp. 277–289.
- Booth P. (2009) Planning and the Culture of Governance: Local Institutions and Reform in France. *European Planning Studies*, vol. 17, no 5, pp. 677–695.
- Boyer M.C. (1981) National Land Use Policy: Instrument and Product of the Economic Cycle. *The Land Use Policy Debate in the United States*. N.Y.: Plenum Press.
- Bolleyer N., Thorlakson L. (2012) Beyond Decentralization – The Comparative Study of Interdependence in Federal Systems. *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 42, no 4, pp. 566–591.
- Bramley G., Watkins D. (2014) 'Measure Twice, Cut Once' – Revisiting the Strength and Impact of Local Planning Regulation of Housing Development in England. *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 41, pp. 863–884.
- Briffault R. (1990) Our Localism: Part I – The Structure of Local Government Law. *Columbia Law Review*, vol. 90, no 1, pp. 1–115.
- Corkindale J. (1999) Land Development in the United Kingdom: Private Property Rights and Public Policy Objectives. *Environment and Planning A*, vol. 31, pp. 2053–2070.
- Dardanelli P. (2019) Conceptualizing, Measuring, and Theorizing Dynamic De/Centralization in Federations. *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 49, no 1, pp. 1–29.
- Davidson N.M. (2007) Cooperative Localism: Federal-Local Collaboration in an Era of State Sovereignty. *Virginia Law Review*, vol. 93, no 4, pp. 959–1034.
- Davidson N.M. (2019) The Dilemma of Localism in an Era of Polarization. *The Yale Law Journal*, vol. 128, no 4, pp. 954–1000.
- Harvard Law Review (1978) Developments in the Law: Zoning. *Harvard Law Review*, vol. 91, no 7, pp. 1427–1708.
- Hernes V. (2021) The Case for Increased Centralization in Integration Governance: The Neglected Perspective. *Comparative Migration Studies*, vol. 9, no 32, pp. 1–15.
- Dowall D.E. (2005) An Examination of Population-Growth-Managing Communities. *Policy Studies Journal*, vol. 9, no 3, pp. 414–427.
- Dowall D.E. (1989) *The Land Use Policy Debate in the United States*. London: Butterworth & Co Ltd.
- Dumez H. (2015) What Is a Case, and What Is a Case Study? *Bulletin de Methodologie Sociologique*, vol. 127, pp. 43–57.
- Faguet J.-P. (2021) Understanding Decentralization Theory, Evidence and Method, with a Focus on Least-developed Countries. *Working Paper Series*, vol. 21 (203), pp. 1–27.
- Fischel W.A. (2004) An Economic History of Zoning and a Cure for its Exclusionary Effects. *Urban Studies*, vol. 41, no 2, pp. 317–340.
- Flockton C.H. (1984) France: Ambitious Gaullist Designs and

- Constrained Socialist Plans. *Built Environment*, vol. 10, no 2, pp. 132-144.
- Flockton C.H. (1983) French Local Government Reform and Urban Planning. *Local Government Studies*, vol. 9, no 5, pp. 65-77.
- Fremond A. (1993) Regional Planning in France: Theory and Practice, *L'Espace géographique* (Espaces, modes d'emploi, Special issue in English), pp. 33-46.
- Friedmann J., Bloch R. (2009) American Exceptionalism in Regional Planning, 1933-2000. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 14, no 4, pp. 576-601.
- Gallent N., de Magalhaes C., Trigo S.F. (2021) Is Zoning the Solution to the UK Housing Crisis? *Planning Practice & Research*, vol. 36, no 1, pp. 1-19.
- Garner J.F. (1975) Law of Land Use Planning in England Today, *The Natural Resources Journal*, vol. 15, no 3, pp. 491-510.
- Gibbert M., Ruigrok W., Wicki B. (2008) What Passes as a Rigorous Case Study? *Strategic Management Journal*, vol. 29, no 13, pp. 1465-1474.
- Green S.D. (1998) The Search for a National Land Use Policy: For the Cities' Sake. *Fordham Urban Law Journal*, vol. 26, pp. 69-120.
- Green S.D., Booth P. (1996) Urban Policy, Local Administration and Land Use Planning in Lille: Implementing the Contrat de Ville. *European Urban and Regional Studies*, vol. 3, no 1, pp. 19-31.
- Hager C. (2012) Revisiting the Ungovernability Debate: Regional Governance and Sprawl in the USA and UK. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 36, no 4, pp. 817-830.
- Hanke B.R. (1965) Planned Unit Development and Land Use Intensity. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 114, no 1, pp. 15-46.
- Herzog L.A. (2009) Politics and the Role of the State in Land Use Change: A Report from San Diego, California. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 7, no 1, pp. 93-113.
- International Recommendations on Urban and Territorial Planning. *UN Habitat*. Available at: https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/IG-UTP_English.pdf (accessed: 23.08.2024).
- Jégouzo Y. (2015) Les Compétences "Aménagement du Territoire et Urbanisme: Quelle Décentralisation?" *Revue Française d'Administration Publique*, vol. 156, pp. 1049-1054.
- Kayden J.S. (2000) National Land-Use Planning in America: Something Whose Time Has Never Come. *Washington University Journal of Law & Policy*, vol. 3, pp. 445-472.
- Kropf K.S. (1996) An Alternative Approach to Zoning in France: Typology, Historical Character and Development Control. *European Planning Studies*, vol. 4, no 6, pp. 717-737.
- Lee M., Abbot C. (2022) Chapter Title: English Planning Law: An Outline, *Taking English Planning Law Scholarship Seriously*. London: UCL Press.
- Levy J.S. (2008) Case Studies: Types, Designs, and Logics of Inference. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 25, no 1, pp. 1-18.
- Miller M.A., Bunnell T. (2013) Introduction: Problematizing the Interplay between Decentralized Governance and the Urban in Asia. *Pacific Affairs*, vol. 86, no 4, pp. 715-729.
- Mudalige P.W. (2019) The Discussion of Theory and Practice on Decentralization and Service Delivery. *European Scientific Journal ESJ*, vol. 15, pp. 115-135.
- Nolon J.R. (2006) Historical Overview of the American Land Use System: A Diagnostic Approach to Evaluating Governmental Land Use Control. *Pace Environmental Law Review*, vol. 23, no 3, pp. 821-853.
- Pearce B.J. (1992) The Effectiveness of the British Land Use Planning System. *The Town Planning Review*, vol. 63, no 1, pp. 13-28.
- Pincetl S. (1994) The Regional Management of Growth in California: A History of Failure. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 18 (2), pp. 256-274.
- Popper F.J. (1988) Understanding American Land Use Regulation Since 1970: A Revisionist Interpretation. *Journal of the American Planning Association*, vol. 54, no 3, pp. 291-301.
- Prevost A., Molines N., Dehan P., Bandet, J. (2012) The Urban Planning of French Cities and the Challenge of Sustainable Town Planning: Improvement and Limits. AESOP 26th Annual Congress, Ankara: METU.
- Punter J.V. (1986) A History of Aesthetic Control, Part I. *Town Planning Review*, vol. 57, no 4, pp. 351-81.
- Punter J.V. (1988) Planning Control in France. *The Town Planning Review*, vol. 59 (2), pp. 159-181.
- Sandford M. (2023) *Devolution to Local Government in England. Research Briefing*. London: House of Commons Library.
- Schragger R.C. (2001) The Limits of Localism. *Michigan Law Review*, vol. 100, no 2, pp. 371-472.
- Shertzer A., Twinam T., Walsh R.P. (2022) Zoning and Segregation in Urban Economic History. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 94, pp. 1-8.
- Smookler H.V. (1975) Administration Hara-Kiri: Implementation of the Urban Growth and New Community Development Act. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 422, pp. 129-140.
- Stepan A. (2000) Brazil's Decentralized Federalism: Bringing Government Closer to the Citizens? *Daedalus*, vol. 129, no 2, pp. 145-169.
- Taylor N. (2010) What is This Thing Called Spatial Planning? An Analysis of the British Government's View. *The Town Planning Review*, vol. 81, no 2, pp. 193-208.
- Walker R.A., Heiman M.K. (1981) Quiet Revolution for Whom? *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 71, no 1, pp. 67-83.

Привлекательность городской периферии как пространственное представление: теоретический синтез

Иван Борисов
Иван Митин
Георгий Шаров

Городское пространство дифференцируется по его символическому капиталу [Mitin, 2019; Аларушкина и др., 2019], то есть по наличию и значимости локальных знаковых мест, мифов и символов, историй и нарративов. Символический капитал распределен неравномерно по территории города, что позволяет выделять центр (представляющий собой сосредоточение накопленного символического капитала) и периферию как городское пространство, лишенное значимых символических образов. Считается, что именно это и делает периферию непривлекательной для горожан и туристов.

Локальная идентичность, образы места и территориальные бренды достаточно хорошо исследованы для территорий, наделенных значительным символическим капиталом, «сформировавшимся главным образом в центральных исторических кварталах городов [Relph, 1976; Ter-Ghazaryan, 2013; Федотова, 2017; Млечко, 2015], однако при этом не столь “ресурсные” районы значительно реже оказываются объектом изучения» [Аларушкина и др., 2019].

В настоящей статье мы задались целью *определить понятие привлекательности места*, опираясь при этом на городскую – и прежде всего, московскую – периферию как городское пространство, крайне дефицитное именно в отношении привлекательности и ресурсов, которые могли бы обеспечивать таковую. Мы видим подобный теоретиче-

Борисов Иван Андреевич, аспирант, Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4.
E-mail: borisovia@my.msu.ru

Митин Иван Игоревич, кандидат географических наук, доцент, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: imitin@hse.ru

Шаров Георгий Денисович, аспирант, Аспирантская школа по социологическим наукам, Факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: gdsharov@hse.ru

Периферия как противоположность центру характеризуется недостатком символического капитала, поэтому она лишена привлекательности среди горожан и туристов. В этой связи локальная идентичность, образы места и территориальные бренды хорошо репрезентируются и подробно изучены в центральных районах, где много символического капитала, но недостаточно выражены в периферийных районах. Определение понятия привлекательности призвано стать первым шагом на пути к преодолению сложившейся непривлекательности периферии и к выявлению практических механизмов формирования привлекательности места.

Анализ зарубежных и российских источников, посвященных проблеме привлекательности места, показывает, что привлекательность сводят к ряду объектов и признаков, которые в совокупности направлены на удовлетворение потребностей индивида. Обобщенное определение привлекательности места – это воспринимаемая способность удовлетворять потребности индивида, соответствовать его ожиданиям. При этом «привлекательность места» как понятие в академической литературе недостаточно сформировано.

Внимание к воспринимаемым атрибутам и символическому капиталу места указывает на близость понятия привлекательности категориям пространственных представлений, прежде всего локальной идентичности, географическим образам, а также, собственно, понятию места как осмысленного и означенного

ский синтез в качестве первого шага на пути к преодолению сложившейся непривлекательности периферии и к выявлению методических механизмов формирования привлекательности места.

Периферия и (не)привлекательность

Алексей Гутнов в работе «Эволюция градостроительства» так интерпретирует центропериферийную дифференциацию в городском развитии: «<...> политика децентрализации <...> эффективна лишь тогда, когда резервы развития системы за счет централизации каркаса близки к исчерпанию, т. е. в самом конце очередной фазы активного роста» [Гутнов, 1984]. Эту идею можно интерпретировать как своеобразное эволюционное «отставание» скорости развития периферийных районов, в отличие от центральных.

В. А. Парамонова отмечает, что «отдаленность от центра понижает возможности индивида пользоваться символическим капиталом, расположенным в центре» [Парамонова, 2009], приводя пример вузов, музеев и театров Волгограда, расположенных в центре города. Затруднения доступа жителей периферии к символическому капиталу связаны с возникновением границ между центром и периферией, которые разграничивают на «своих» и «чужих». Таким образом, городскую периферию можно определить как часть города, *не обладающую собственным символическим капиталом*, что делает ее неавтономной, «зависимой» от центра.

Периферизация понимается как территориальный процесс, формирующий и укрепляющий отношения *господства и зависимости*. Процесс периферизации приводит к утрате или отсутствию доступа к рабочим местам, инфраструктуре, определенным объектам, местам встреч и общественным пространствам [Kockelkorn et al., 2023]. Этот процесс неразрывно связан также со стигматизацией, маргинализацией, отчуждением, а также часто ассоциируется с процессами сокращения территории.

Выделяют три формы периферизации: логистическую, ежедневную (повседневную) и социально-экономическую [Kockelkorn et al., 2023]. Логистическая периферизация связана с физическим и социальным отчуждением периферийных районов от центральных городских территорий – в первую очередь, по причине отсутствия городского общественного транспорта. Повседневная периферизация схожа с логистической, однако включает в себя более широкое понятие: она ограничивает потенциал жителей создавать собственные формы повседневной жизни. Для социально-экономической периферизации характерны обнищание населения, социальное отчуждение, стигматизация, а также ситуации, в которых люди не могут позволить себе доступ к базовым товарам и услугам, даже если они имеются в наличии. Отмечается, что социально-экономическая периферизация неразрывно связана с процессами повседневной периферизации.

Периферия в Москве воспринимается как противоположность городскому центру: периферийные районы понимаются как нецентральные. Представление о периферии при этом *стигматизировано*: периферия незначима, незаметна, неважна:

Как говорят некоторые мои знакомые, за Третьим кольцом уже не Москва. Отчасти, может быть, они и правы, потому что зачастую сами местные жители не понимают, где они живут, и относятся к этому району как к спальному, и все, или к месту работы. Вот это, наверное, и есть один из критериев периферии, что люди не ценят то место, в котором они живут (интервью ЭЗ – журналист, москвовед, житель ЦАО).

Центр служит выразителем и репрезентатором значений *всего* города, всей Москвы. Главные достопримечательности, главные «точки роста»

участка пространства. Важным свойством привлекательного места выступает его способность к конструированию привязанности людей к месту и формированию уникальных положительных образов места.

Предлагается рассматривать привлекательность не как свойство места, а как категорию пространственных представлений. Таким образом, привлекательность места – это пространственное представление о способности места удовлетворять потребности индивида, соответствовать его ожиданиям, формировать его привязанность к месту и положительные образы места; или, короче говоря, это сформированное положительное представление о месте.

Ключевые слова: привлекательность места; городская периферия; символический капитал; локальная идентичность; географический образ; пространственное представление

Цитирование: Борисов И.А., Митин И.А., Шаров Г.Д. (2025) Привлекательность городской периферии как пространственное представление: теоретический синтез // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202538-49>

и точки притяжения как для внешних аудиторий (туристы), так и для самих москвичей находятся в центре. Как только такие территории начинают выходить за рамки привычного центра, они начинают восприниматься как часть расширяющегося нового центра. Центро-периферийные отношения служат для фиксации указанной дихотомии, и поэтому они принципиально иерархичны.

Туристская индустрия работает в центре, вокруг известных достопримечательностей, и историки-краеведы, в общем-то, тоже описывают в основном центральный район (интервью Э6 – москвовед, правозащитник).

В настоящем исследовании мы определили границу центра и периферии как внешнюю границу районов, которые в свою очередь граничат с Центральным административным округом (ЦАО) г. Москвы. Несмотря на условность этой границы и ее привязку к административным границам, она подтвердила свою состоятельность. Районы полупериферии за пределами ЦАО выступают переходными и тяготеют к центральным, демонстрируя чуть меньшие показатели упоминаемости, значимости, востребованности, нежели районы ЦАО и тем более территория внутри Садового кольца:

Можно условно периферию Москвы поделить до Третьего кольца, за Третьим кольцом. Раньше делили по Садовому кольцу, но сейчас эти времена уже давно ушли, все-таки сейчас скорее Третье кольцо» (интервью Э4 – начальник управления в одном из департаментов г. Москвы).

Новая Москва (Троицкий и Новомосковский административные округа, ТиНАО) и Зеленоград, которые также могут восприниматься как периферия Москвы, исключены из настоящего исследования как обладающие принципиально отличающейся структурой уровней территориальной идентичности: они не только периферия Москвы, но и не-Москва. Здесь актуализируется отмежевание от Москвы (от «старой Москвы»): быть троичанином или зеленоградцем может значить не быть москвичом. Таким образом, периферия Москвы неоднородна, однако ярких градиентов, позволяющих разграничить внутри нее «пояса» или типы периферии, выделить невозможно. Четырехчленная схема структуры куль-

турного ландшафта В. Л. Каганского («центр – провинция – периферия – граница» [Каганский, 2001]) для Москвы выглядит слишком далекой от реальности: в отсутствие четких границ между поясами скорее можно говорить о едином центростремительном векторе, в котором все не-центральные районы маркируются как периферийные.

Представление о «спальных» районах, удаленных частях Москвы синонимично периферии. Эти определения также маркируют нецентральность как в географическом положении, так и в статусе территории:

Я позитивно отношусь к просветительским проектам для периферии, поскольку это на самом деле непаханое поле, что называется. Нам очень интересно, а ведь эти места... мы их традиционно привыкли считать какими-то безликими спальными районами (интервью Э6 – москвовед, правозащитник).

Выделяется разве что представление о Замкадье, но это уже не квинтэссенция периферии, как можно было бы ожидать, а, подобно Новой Москве, альтернатива Москве, не-Москва.

Таким образом, выделенная нами в настоящем исследовании периферия принципиально маркируется не как Замкадье, а именно как особая часть Москвы: незначимая, неосмысляемая и непривлекательная в целом. Непривлекательность периферии представляется, таким образом, не только общественно-экономической проблемой, но и одним из определений городской периферии как таковой. Это актуализирует предпринятую в настоящем исследовании попытку (пере)определить привлекательность как понятие.

Зарубежные подходы к привлекательности места

Тема привлекательности места начала разрабатываться в академической среде в последней трети XX века [Манина и др., 2023], а само понятие привлекательности на сегодняшний день имеет множество различных научных трактовок, что подчеркивает сложность и неоднозначность указанного термина. Так, в рамках одного из первых исследований, посвященных проблеме привлекательности, авторы не дают точной формулировки понятия, а предлагают рассматривать его через

призму семнадцати (!!!) критериев для оценки туристской привлекательности, которые объединили в пять факторов: естественные/природные, социокультурные, культурно-исторические, рекреационные и инфраструктурные [Gearing et al., 1974]. В научный оборот понятие привлекательности было введено Эдвардом Майо и Лансом Джарвисом в 1981 году как «отношение между субъективными потребностями определенного индивида и возможностью их удовлетворения в определенном месте» [Mayo, Jarvis, 1981]. По Янчжоу Ху и Джону Раймонду Бренту Ричи, существуют определенные факторы, способные влиять на эту возможность: как пространственные (места притяжения (*attractions*), городская инфраструктура), так и непространственные (сферы услуг, языковой барьер) [Hu, Ritchie, 1993]. При этом туристы, местные жители или представители других групп могут по-разному взаимодействовать с пространством и, соответственно, дифференцированно оценивать привлекательность. Это мнение подтверждается в работе Сонсопа (Сэма) Кима и Чунки Ли [Kim, Lee, 2002], где утверждается, что в отсутствие вышеперечисленных факторов привлекательность места уменьшается. Несмотря на это, многие туристские дестинации – такие, как отдаленные курортные острова, не обладающие набором таких факторов, – продолжают пользоваться высоким спросом.

Для объяснения этого факта Джон Раймонд Брент Ричи и Джеффри Ян Крауч [Ritchie, Crouch, 2003] выделяют понятие *конкурентоспособности* места, которое необходимо отличать от привлекательности. Так, если привлекательность места зависит, прежде всего, от спроса на него со стороны туристов, его конкурентоспособность заключается в предложении ресурсов, которыми оно обладает, а также в эффективном распоряжении ими в долгосрочной перспективе для удовлетворения потребностей туристов. В то же время предложение ресурсов часто не совпадает с субъективными потребностями определенного индивида или социальной группы, предпочтения которых значительно отличаются между собой. В таком случае становится невозможным удовлетворение потребностей всех социальных групп в одном месте, однако при эффективном управлении факторами привлекательности возможно максимизировать удовлетворение потребностей максимального количества социальных групп [Formica, Uysal, 2006].

По Виктору Миддлтоу [Middleton et al., 2009], основными факторами привлекательности туристской дестинации выступают удобства размещения, транспортная инфраструктура и цены на услуги. Уильям Гартнер также рассматривает такие факторы, как исторические и культурные достопримечательности, ночная жизнь, живая природа и привлекательные пейзажи, а также гостеприимство местных жителей [Gartner, 1989]. Хон Бом Ким, рассматривая туристские дестинации в Корее, выделяет доступность и безопасность, а также позитивную репутацию в качестве важных факторов привлекательности [Kim, 1998]. Таким образом, в зависимости от значения каждого из этих факторов для индивида или социальной группы выявляется субъективная привлекательность места [Gartner, 1989].

В то же время в работах этих авторов часто происходит подмена понятий места (*place*) и дестинации, привлекательности как таковой (*attractiveness*) и непосредственно привлекательного компонента дестинации (*attraction*). Основной проблемой анализа привлекательности тех или иных территорий в зарубежной практике служит отсутствие исследований, направленных на выявление общих критериев привлекательности определенного объекта [Vengesai et al., 2009]. Работы, концентрирующиеся на привлекательности туристской дестинации, имеют сугубо прикладной характер и создаются маркетологами по заказу крупных компаний либо государственных служб с целью популяризации определенной туристской дестинации, из-за чего не могут быть использованы для выявления универсальных взаимосвязей между привлекательностью места и привлекательностью дестинации в целом.

Кроме этого, в научной парадигме уделяется недостаточно внимания проблеме *других* форм привлекательности, включая привлекательность городской среды для местных жителей и трудовых мигрантов. С ускорением процессов урбанизации и притоком населения в крупные кластеры и городские агломерации возникает необходимость классификации факторов привлекательности урбанизированных пространств в качестве миграционных направлений. Так, несмотря на ухудшение экологической обстановки в крупнейших урбанизированных центрах, эти направления остаются наиболее популярными для трудовых мигрантов, которые ставят потенциал карьерного роста и улучшение

собственного материального положения выше потенциальных негативных эффектов, влияющих на здоровье [Trifković et al., 2021]. В отличие от туристских дестинаций, где предложение факторов привлекательности часто превышает спрос на них, для направлений трудовой миграции характерна обратная зависимость: из-за высокого спроса на инфраструктурные и карьерные преимущества урбанистических центров конкуренция происходит не среди поставщиков услуг, а среди мигрантов, из-за чего последние вынуждены идти на компромисс, жертвуя удовлетворением одних потребностей (в указанном случае качеством окружающей среды) для удовлетворения других [Trifković et al., 2021].

Ричард Флорида в книге «Города и креативный класс» (Cities and the Creative Class) [Florida, 2005] ссылается на то, что креативный класс отвечает за локальный экономический рост, что кадры служат одним из важнейших условий для стимулирования развития. Отмечается, что небольшие города долгое время процветали благодаря близкому соседству людей творческих профессий, в особенности на ранних стадиях их становления [Clark, Ferguson, 1983].

Социолог Терри Кларк в ряде своих работ выводит целый перечень факторов, которые влияют и на привлекательность мест, и на их развитие. В книге «Городские деньги» (City Money) [Clark, Ferguson, 1983] он утверждает, что людей привлекают сообщества, соответствующие их гражданским предпочтениям. В небольших городах чувство общности позволяет жителям сохранять свою идентичность не только в рамках локальных традиций и уклада жизни, но и в рамках местного самоуправления. Это, в свою очередь, способствует гражданской активности, которая может привлечь других людей со схожими политическими взглядами и интересами. В конечном итоге это позитивно сказывается на взаимодействии местной администрации с населением и усиливает связь местных политиков с обществом, тем самым способствуя политическим изменениям и локальному развитию. Эта идея имеет сходство с концепцией национального бренда Саймона Анхольта, с помощью которой оценивается привлекательность как на общенациональном уровне, так и на менее масштабном — городском [Anholt, 2003]. Важной частью взглядов Кларка выступает синтез *удобств* (*amenities*) и привлекательности (*attractions*). Здесь важно отметить, что

в первом случае Кларк имеет в виду достаточно широкий спектр факторов, от неконтролируемой человеком погоды до уличного благоустройства и ощущения безопасности, которые в совокупности и становятся тем самым привлекательным благом, выступающим одной из основ комфортной жизнедеятельности человека [Clark et al., 2002]. Развлечения служат основным катализатором привлечения людей, а удобства играют одну из ключевых ролей в желании переехать. Кларк утверждает, что удобства в значительной степени способствуют формированию социальной сплоченности. Будучи важным фактором притяжения людей, удобства также формируют их образ жизни, в том числе посредством моделей потребления. Этот выбор, в свою очередь, влияет на самовосприятие и идентичность. Согласно Кларку, в постиндустриальном обществе повышенное внимание уделяется образованию, личным отношениям, а удобства служат важным компонентом социальной динамики и защиты прав личности. Из этого он делает вывод, что удобства влияют на динамику повседневной жизни и ценности сообществ, а также привлекают человеческий капитал, который воспринимает эти особенности как улучшение качества своей жизни. Кларк также связывает удобства с «креативным классом». Креативный класс отдает предпочтение городам с разнообразными удобствами и благоприятной средой с интересным, разнообразным населением. Кластер удобств определяется как *сцена*, которая также привлекает потребителей аналогичным образом [Silver, Clark, 2016]. Сцена — это место, которое считается уникальным в связи с его культурными характеристиками. Сцена не ограничена физическим пространством; скорее, она охватывает различные типы сообществ, от групп по интересам до политических организаций, что перекликается с идеей Роберта Парка о «городе как мозаике миров» [Park, 1915]. По сути, *сцена* представляет собой совокупность *удобств*, которые имеют большее значение в постиндустриальных, более выразительных и неформальных обществах, где преобладают связанные с потреблением и досугом желания и нормы поведения человека, в центре которых оказывается он сам. Сцена воплощает понятие децентрализованного общества, которое позволяет своим членам преследовать свои индивидуальные интересы вне зависимости от институциональных рамок. Тем не менее указанные концепции обладают опре-

деленными недостатками: во-первых, они в значительной мере адаптированы к структуре городов США, а во-вторых, чрезмерно децентрализуют городское пространство, игнорируя тонкости городской социально-пространственной структуры.

Однако существуют исследования, направленные на устранение этого ограничения. Например, в одной из работ [Alhazzani et al., 2021] выделяются различные типы городских центров, варьирующихся по факторам привлекательности. Так, на основе анализа транспортных потоков Эр-Рияда авторами были выявлены три основные зоны привлекательности в городе. Центральная (*global*) содержит преимущественно туристские и культурные места притяжения (*attractions*). В деловой (*downtown*) зоне сконцентрирована предпринимательская деятельность и расположено производство. Спальная (*residential*) зона соответствует части города, где проживает большая часть трудоспособного городского населения. Эти зоны отличаются не только по факторам привлекательности у различных социальных групп, но также и организацией пространства, инфраструктурой и видами деятельности, разворачивающимися на их территории. В центральной зоне современного крупного города, где сконцентрирован пласт рекреационных объектов, также часто располагаются основные транспортные узлы, такие как автобусные и железнодорожные вокзалы, исторически появившиеся там еще до экспансии городского центра. В отличие от деловых и спальных районов города, центральная зона содержит наибольшее количество уникальных и специфических для конкретного города объектов и достопримечательностей, которые служат одним из основных факторов привлекательности городского центра как для туристов, так и для мигрантов. Другой фактор привлекательности локализован в деловых зонах, где локальная и региональная специфика предпринимательства и производства привлекает определенные социальные группы мигрантов в город. Prestиж и имидж урбанистической зоны как перспективного направления трудовой миграции зависит от специфики индустрий, расположенных в деловой зоне. Наконец, привлекательность спальных зон, которые, как и деловые, интересуют лишь трудовых мигрантов и местных жителей, но не туристов, зависит от условий и качества жизни, возможных в этой зоне. Такие факторы, как безопасность, развитая транспортная и со-

циальная инфраструктура, экология и другие, влияют на популярность и престиж той или иной спальной зоны и определяют состав ее населения. Одними из сравнительно новых факторов привлекательности спальной зоны выступают наличие пешеходных зон, ориентированность территории на пешеходов и пешая доступность ключевых социальных и транспортных учреждений, на которую мигранты обращают все больше и больше внимания при выборе предпочтительного района проживания [Liang et al., 2022].

Исследователи привлекательности спальных районов отмечают формирование *привязанности к месту* (*place attachment*) как важного показателя успеха территорий и, как следствие, привлекательности городского спального района [Cheng et al., 2013]. Они выявляют *тройственную взаимозависимость привлекательности* миграционного направления, *ответственного поведения* граждан на территории и *привязанности* к конкретному месту. Там, где жители относятся ответственно к городской территории, которую сами обустривают, к экологии и общественным пространствам, у них формируется привязанность к «своему» месту. Эта привязанность, в свою очередь, ведет к привлечению новых жильцов на эту территорию, которые разделяют формирующиеся ценности и следуют нормам поведения, принятым на такой городской территории. Все это создает благоприятную среду для жизни и повышает привлекательность места.

Отечественные подходы к привлекательности места

В сравнении с описанной выше историей становления представлений о привлекательности и, в частности, городских периферийных районов в зарубежной академической среде, в российской научной литературе анализируемая тема только начинает разрабатываться.

В работе Елены Заборовой и Алии Исламовой «Город как социальное пространство» привлекательность определяется через роль города в реализации потребностей человека [Заборова, Исламова, 2013]. При этом значение города в данной работе уступает личным усилиям человека, социальным связям и семье.

Софья Лычко и Наталья Мосиенко связывают привлекательность с миграционным потенциалом территории, который зависит от уровня удовлетворенности при-

езжающих в город людей. Изучая опыт новосибирских студентов, авторы отмечают существенные различия в миграционных установках и личном опыте, что в конечном итоге влияет на выбор ими места проживания [Лычко, Мосиенко, 2014].

На основе социологических исследований, проведенных в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге и других городах, исследователи [Абрамова и др., 2014; Антонова, 2019] определяют перспективы и выводят черты потенциального города будущего, в котором хотели бы жить респонденты. Как и в вышеупомянутом исследовании Эр-Рияда [Alhazzani et al., 2021], общественная жизнь в современном городе сдвигается из периферии в центр, где с развитием постиндустриального общества концентрируются развлекательные общественные пространства, привлекающие молодое поколение в город. Кроме этого, важным фактором для миграции населения в российский город выступает сочетание культурных пространств с зелеными зонами, высокий уровень инфраструктурного развития и карьерные перспективы. В целом город, как место притяжения молодежи в России, предстает в виде совокупности статусных, экономических и культурных характеристик.

Формирование пространственных представлений и привлекательность места

Приведенный выше анализ зарубежных и отечественных подходов к привлекательности места указывает на нечеткость и размытость соответствующих определений и, значит, на *недостаточную точность понятия привлекательности* в академической литературе. Обобщая, можно констатировать, что привлекательность места в академическом дискурсе определяется как *воспринимаемая способность удовлетворять потребности индивида* [Mayo, Jarvis, 1981], *соответствовать его ожиданиям* [Vengesa et al., 2009].

Однако выделяемые различными авторами факторы и составляющие привлекательности отличаются мозаичностью и разнонаправленностью. Речь идет о наличии и качестве различных свойств и характеристик места, которые воспринимаются человеком. При этом комбинируются целые *совокупности удобств*, которые по Терри Кларку операционализируются как *сцены* [Silver, Clark, 2016]. Добавляя к этому территориальную локализацию, мы получим

смысловую взаимосвязь с понятием *места* как осмысленного и означенного участка пространства [Tuan, 2002; Mitin, 2018; Митин, 2022]. Это, в свою очередь, позволяет *уточнить* определение привлекательности через указание на те конкретные ожидания, о формировании которых идет речь. При разговоре о привлекательности места мы должны опираться на способность этого места формировать у человека *привязанность* к себе за счет конструирования положительных образов места.

Подобное — даже уточненное — определение следует тем не менее охарактеризовать как сложно операционализируемое: оценка привлекательности зависима от самих потребностей индивида, осознанности и разнообразия его ожиданий, степени привязанности к месту и т.п. Получается, что привлекательность места выступает скорее мерой формирования различных пространственных представлений в массовом сознании, нежели самостоятельным и операционализируемым признаком (свойством) места.

Это роднит привлекательность места с понятием *локальной идентичности* [Бабурина и др., 2024]. Она определяется одновременно и как способ отождествления себя с местом [Strelnikova, 2018], чувство принадлежности, формирующее привязанность к нему [Ваньке, Полухина, 2018], и как конструируемые уникальные значения этого места, отличающие его от других в глазах жителей [Relph, 1976; Аларушкина и др., 2019]. *Укорененность* при этом служит мерой формирования локальной идентичности.

Таким образом, и говоря о привлекательности места, и рассуждая о локальной идентичности, мы ведем речь о том, как, например, жители района *воспринимают, оценивают и интерпретируют* свои эмоциональные и символические взаимосвязи с местом проживания и способность последнего выступать для них домом, комфортной и привлекательной средой обитания. Значит, привлекательность места отражает, прежде всего, не конкретные *объекты* («удобства»), а их *воспринимаемые* атрибуты, их *символическое* значение. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что привлекательность места — так же, как и локальная идентичность — это одна из категорий *пространственных представлений*.

Географические образы выступают еще одной категорией пространственных представлений и служат основаниями (идентификаторами) для формирования локальной

идентичности, поэтому *оформление образов района в сознании людей* — это важный фактор привлекательности места. Важно при этом, чтобы эти образы не были типовыми, стандартными, повторяющимися от места к месту — без уникальности и аутентичности образа едва ли можно говорить о формировании локальной идентичности. Для формирования устойчивых локальных идентичностей важны именно отличительные черты места (района): то, что позволит индивиду идентифицировать себя с конкретным местом, отличить себя и членов своего сообщества от других.

Системы уникальных образов района, сложившиеся локальные идентичности формируют уникальные городские *геокультуры* [Замятин, 2020], которые выступают «фундаментом» устойчивой привлекательности отдельных районов.

* * *

Итак, привлекательность следует переопределить *не как свойство места, а как категорию пространственных представлений* — наряду с образом места, локальной идентичностью, пространственными мифами, стереотипами, туристскими имиджами и брендами и др.

Привлекательность места — это пространственное представление о способности места удовлетворять потребности индивида, соответствовать его ожиданиям, формировать его привязанность к месту и положительные образы места. Короче говоря, привлекательность — это сформированное положительное представление о месте.

Привлекательность (*attractivity*) в этом контексте оказывается синонимичной аттракции (*attraction*) как атрибуту, принято-му в туристских исследованиях для характеристики основного содержательного компонента туристского предложения туристской дестинации (наряду с сервисами и инфраструктурой):

Мы вот сейчас много с коллегами ездим по стране, наблюдаем за успехами коллег, за тем, как отстраиваются разные регионы друг от друга, чтобы себя самоидентифицировать. Понимаем, что действительно у туристов — я сейчас говорю в большей степени про внутренний туризм — огромное количество вариантов и предложений, куда поехать с разными целями: культурно-познавательными, рекреационными, об-

разовательными и так далее (интервью Э7 — сотрудник проектного офиса по развитию туризма и гостеприимства Москвы).

Сформированность пространственных представлений служит индикатором само-рефлексии, самоосмысления и потому глубокой укорененности местного населения, его привязанности к району. Это значит, на наш взгляд, что районы со сложившимися развитыми системами взаимосвязанных пространственных представлений (образов) можно считать *самодостаточными*. Самодостаточность как свойство территории противостоит зависимости и безмезью, свойственным *периферии* как таковой. Учет самодостаточности районов позволит в будущем уйти от биполярности центрo-периферийных отношений и перейти от двучастного деления Москвы на центральные и нецентральные (периферийные) районы к полноценным типам нецентральных районов. Самодостаточность соответствует представлению Владимира Каганского о провинции как самодостаточной и символически богатой альтернативе центру [Каганский, 2001]. Представляется, что в этой трактовке именно *провинция соответствует привлекательной периферии*.

Привлекательность места как пространственное представление *конструируема*: она формируется в сознании людей, и она подвержена воздействию мер городских политик, прежде всего культурной политики и территориального брендинга.

Однако первый, базовый фактор привлекательности места, своего рода «минимальное условие» для выявления всех последующих факторов — это сформированность пространственных представлений, то есть известность, *узнаваемость* места. Только если сформировались какие бы то ни было представления о районе, можно начинать оценку того, насколько эти сформировавшиеся представления позитивны, насколько они привлекают людей. При этом выявление всех последующих факторов привлекательности осложнено требованием *уникальности* образов конкретного места: в конце концов, не может быть абсолютных, «универсальных» свойств (признаков) района, повторяющихся во многих районах и одновременно служащих факторами привлекательности, так как таковые, очевидно, никогда не будут выступать именно отличительными чертами своих районов, их уникальными образами.

Благодарности

Исследование проведено в рамках НИР «Повышение привлекательности периферийных районов Москвы», выполненной коллективом сотрудников и студентов факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ, факультета социальных наук НИУ ВШЭ под руководством И. И. Митина в интересах Градостроительного комплекса г. Москвы. В работе группы, помимо авторов статьи, принимали участие А. В. Стрельникова, А. С. Сувалко (соруководители этапов НИР), а также Д. Н. Замятин; А. Д. Старовойтенко, Т. Е. Щеглова, К. С. Никогосян, Д. Р. Ахметова, А. О. Аяпбергенов, Е. А. Бабурина, Е. Р. Деккушева, И. И. Докучаев, М. А. Егорова, М. Р. Залиева, Д. Р. Захаров, К. Н. Коломина, Д. А. Кузнецова, С. Н. Лозовская, Н. А. Мажуга, А. Д. Мягких, Г. А. Риехакайнен, А. А. Скорина, Н. В. Тырышкина, А. В. Фандуберина, Е. Г. Цветная.

Источники

- Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., Пименова О. И. (2019). Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // *Образование и наука*. Т. 21. № 1. С. 97–123.
- Аларушкина С. А., Борисов А. А., Воронина А. А., Гладун П. И., Гришунов Е. Л., Зиятдинова С. Г., Квеладзе М. Г., Кирюхин Д. Н., Митин И. И., Михайлов А. А., Молодцова В. А., Фатехова А. Х. (2019). Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*. Т. 11. № 20. С. 133–163.
- Антонова Н. Л. (2019). Образ будущего: привлекательность города в оценках молодежи // *Теория и практика общественного развития*. № 11. С. 13–16.
- Бабурина Е. А., Митин И. И., Михайлов А. А., Хазиахметова Д. Д. (2024). В поисках локальной идентичности Басманного района Москвы: от неуловимого к множественному // *Городские исследования и практики*. Т. 9. № 1. С. 34–54.
- Ваньке А., Полухина Е. (2018) Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. Т. 10. № 3. С. 4–34.
- Гутнов А. Э. (1984) Эволюция градостроительства: учебник для вузов. М.: Стройиздат.
- Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. (2013) Город как социальное пространство // *Социологические исследования*. № 2. С. 97–100.
- Замятин Д. Н. (2020) Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб.: Алетейя.

- Каганский В. Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО.
- Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. (2014) Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // *Мир экономики и управления*. Т. 14. № 1. С. 160–169.
- Манина А. В., Решетникова К. В., Предводителева М. Д. (2023) Туристская привлекательность российского региона: кейс Казани // *Псковский регионологический журнал*. Т. 19. № 4. С. 116–131.
- Митин И. И. (2022) Место и безместье в ментальной картографии: На пути к гуманистическим ГИС? // *Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре* / Под общ. ред. Д. Н. Замятина, И. Г. Коноваловой. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 107–113.
- Млечко Л. Е. (2015) «Символический капитал» города Волгограда в анализе территориальной идентичности // *Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки*. № 2. С. 51–60.
- Парамонова В. А. (2009) «Центр периферия» как символическая дихотомия городского пространства // *Logos et Praxis*. № 1. С. 126–130.
- Федотова Н. Г., Васильева Н. Ю. (2017) Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа // *Знак: Проблемное поле медиаобразования*. № 2. С. 119–127.
- Alhazzani M., Alhasoun F., Alawwad Z., González M. C. (2021) Urban Attractors: Discovering Patterns in Regions of Attraction in Cities // *Plos one*. Vol. 16. No. 4. e0250204.
- Anholt S. (2003) *Brand New Justice: The Upside of Global Branding*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Cheng T. M., Wu H. C., Huang L.-M. (2013) The Influence of Place Attachment on the Relationship Between Destination Attractiveness and Environmentally Responsible Behavior for Island Tourism in Penghu, Taiwan // *Journal of Sustainable Tourism*. Vol. 21. № 8. P. 1166–1187.
- Clark T. N., Ferguson L. C. (1983) *City Money. Political Processes, Fiscal Strain, and Retrenchment*. N.Y.: Columbia University Press.
- Clark T. N., Lloyd R. R., Wong K. K., Jain P. (2002). Amenities Drive Urban Growth // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 24. № 5. P. 493–515.
- Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class*. N.Y.; L.: Routledge.
- Formica S., Uysal M. (2006) Destination Attractiveness Based on Supply and Demand Evaluations: An Analytical Framework // *Journal of Travel Research*. Vol. 44. No. 4. P. 418–430.
- Gartner W. C. (1989) *Tourism Image: Attribute Measurement of State Tourism Products Using Multidimensional Scaling Techniques* // *Journal of Travel Research*. Vol. 28. No. 2. P. 16–20.
- Gearing C. E., Swart W. W., Var T. (1974) Establishing a Measure of Touristic Attractiveness // *Journal of Travel Research*. Vol. 12. No. 4. P. 1–8.
- Hu Y., Ritchie J. R. B. (1993) *Measuring Destination Attractiveness: A Contextual*

- Approach//Journal of Travel Research. Vol. 32. No. 2. P. 25-34.
- Kim H.B. (1998). Perceived Attractiveness of Korean Destinations. *Annals of Tourism Research*. No. 25(2). P. 340-361.
- Kim S.S., Lee C.K. (2002). Push and Pull Relationships//*Annals of Tourism Research*. Vol. 29. No. 1. P. 257-260.
- Kockelkorn A., Schmid C., Streule M., Wong K.P. (2023) Peripheralization through mass housing urbanization in Hong Kong, Mexico City, and Paris//*Planning Perspectives*. Vol. 38. No. 3. P. 603-641.
- Liang Y., D'Uva D., Scandiffio A., Rolando A. (2022) The More Walkable, the More Livable? Can Urban Attractiveness Improve Urban Vitality?//*Transportation Research Procedia*. Vol. 60. P. 322-329.
- Mayo E., Jarvis L.P. (1981) *The Psychology of Leisure Travel. Effective Marketing and Selling of Travel Services*. Boston, MA: CBI Publishing Company, Inc.
- Middleton V.T.C., Fyall A., Morgan M., Ranchhodet A. (2009) *Marketing in Travel and Tourism*. N.Y., L.: Routledge.
- Mitin I. (2018) Constructing Urban Cultural Landscapes & Living in the Palimpsests: A Case of Moscow City (Russia) Distant Residential Areas//*BELGEO. Revue belge de géographie*. No. 4. P. 1-14.
- Mitin I. (2019) Producing Differences, Connecting People: Symbolic Construction of Post Urban Places in Distant Residential Areas of Moscow, Russia//6th Corfu Symposium on Managing & Marketing Places: Proceedings. Manchester: Institute of Place Management, Manchester Metropolitan University.
- Park R.E. (1915) *The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment*//*American Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 5. P. 577-612.
- Relph E. (1976) *Place and Placelessness*. London: Pion.
- Ritchie J.R.B., Crouch G.I. (2003) *The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Silver D.A., Clark T.N. (2016) *Scenescapes: How Qualities of Place Shape Social Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. HSE Working papers WP BRP 84/SOC/2018, National Research University Higher School of Economics.
- Ter-Ghazaryan D.K. (2013) "Civilizing the City Center": Symbolic Spaces and Narratives of the Nation in Yerevan's Post-soviet Landscape//*Nationalities Papers*. Vol. 41. No. 4. P. 570-589.
- Trifković M., Kuburić M., Nestorović Ž., Jovanović G., Kekanović M. (2021). The Attractiveness of Urban Complexes: Economic Aspect and Risks of Environmental Pollution//*Sustainability*. Vol. 13. No. 14: 8098.
- Tuan Y.-F. (2002) *Space and Place. The Perspective of Experience*. 9th ed. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Vengesai S., Mavondo F.T., Reisinger Y. (2009) *Tourism Destination Attractiveness: Attractions, Facilities, and People as Predictors*//*Tourism Analysis*. Vol. 14. No. 5. P. 621-636.

THE ATTRACTIVENESS OF THE URBAN PERIPHERY AS A SPATIAL REPRESENTATION: A THEORETICAL SYNTHESIS

Ivan I. Mitin, Candidate in Geography, Associate Professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: imitin@hse.ru

Ivan A. Borisov, postgraduate, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation.
E-mail: borisovia@my.msu.ru

Georgy D. Sharov, postgraduate, Postgraduate School of Social Sciences, Faculty of Social Sciences, HSE University, 20, Myasnitskaya str., Moscow, 10100, Russian Federation.
E-mail: gdsharov@hse.ru

The urban periphery, as opposed to the center, is characterized by a lack of symbolic capital, making it less attractive to residents and tourists. In this context, local identity, place images, and territorial brands are well represented and thoroughly studied in central districts with abundant symbolic capital but are lacking in peripheral areas. Defining the concept of attractiveness is the first step towards overcoming the existing unattractiveness of the periphery and identifying practical mechanisms for improving place attractiveness. The analysis of foreign and Russian sources addressing the issue of place attractiveness shows that attractiveness is often reduced to a set of objects and characteristics that collectively aim to satisfy individual needs. The generalized definition of place attractiveness is the perceived ability to meet individual needs and match their expectations. However, the concept of place attractiveness is insufficiently developed in the academic literature. Attention to the perceived attributes and symbolic capital of a place indicates the proximity of the concept of attractiveness to categories of spatial representations—primarily local identity, geographical images, and the concept of place itself as a meaningful and signified portion of space. An important prop-

erty of an attractive place is its ability to construct people's attachment to the place and form unique positive place images. Attractiveness is considered not as a property of place but as a category of spatial representations. Thus, place attractiveness is a spatial representation of a place's ability to satisfy individual needs, meet their expectations, form an attachment to the place, and create positive place images; or, in short, it is a formed positive representation of place

Keywords: place attractiveness; urban periphery; symbolic capital; local identity; geographical image; spatial representation

Citation: Mitin I.I., Borisov I.A., Sharov G.D. (2025) The Attractiveness of the Urban Periphery as a Spatial Representation: A Theoretical Synthesis. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202538-49> (in Russian)

References

- Abramova S., Antonova N., Pimenova O. (2019) Privlekatel'nost' goroda kak faktor territorial'noj mobil'nosti v ocenkah studentov (na primere goroda Ekaterinburga) [Attractiveness of the City as a Factor of Territorial Mobility in Students' Assessments (The Case of Yekaterinburg)]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], vol. 21, no. 1, pp. 97–123. (in Russian)
- Alarushkina S., Borisov A., Voronina A., Gladun P., Grishunov E., Ziatdinova S., Kveladze M., Kiryuhin D., Mitin I., Mihajlov A., Molodcova V., Fatekhova A. (2019) Uvidet' nevidimoe: v poiskah lokal'noj identichnosti rajona Yasenevo v Moskve [To see the invisible: In search of local identity of Yasenevo area in Moscow]. *INTERakciya. INTERv'yu. INTERpretaciya* [INTERaction. INTERview. INTERpretation], vol. 11, no 20, pp. 133–163. (in Russian)
- Alhazzani M., Alhasoun F., Alawwad Z., González M.C. (2021) Urban Attractors: Discovering Patterns in Regions of Attraction in Cities. *Plos one*, vol. 16, no 4, e0250204.
- Anholt S. (2003) Brand New Justice: The Upside of Global Branding. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Antonova N.L. (2019) Obraz budushchego: privlekatel'nost' goroda v ocenkah molodezhi [Image of the Future: The Attractiveness of the City as Assessed by Youth]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no 11, pp. 13–16. (in Russian)
- Baburina E., Mitin I., Mihajlov A., Hazi Ahmetova D. (2024) V poiskah lokal'noj identichnosti Basmannogo rajona Moskvy: ot neulovimogo k mnozhestvennomu [In Search of Local Identity of Moscow's Basmanny District: From the Elusive to the Multiple]. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 1, pp. 34–54. (in Russian)
- Cheng T.M., Wu C.H., Huang L.-M. (2013) The Influence of Place Attachment on the Relationship Between Destination Attractiveness and Environmentally Responsible Behavior for Island Tourism in Penghu, Taiwan. *Journal of Sustainable tourism*, vol. 21, no 8, pp. 1166–1187.
- Clark T.N., Ferguson L.C. (1983) City Money. Political Processes, Fiscal Strain, and Retrenchment. New York: Columbia University Press.
- Clark T.N., Lloyd R.R., Wong K.K., Jain P. (2002) Amenities Drive Urban Growth. *Journal of Urban Affairs*, vol. 24, no. 5, pp. 493–515.
- Fedotova N., Vasil'eva N. (2017) Simvolicheskij kapital Velikogo Novgoroda v diskurse social'nyh media [Symbolic Capital of Veliky Novgorod in the Social Media Discourse]. *Znak: Problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: the problematic field of media], no 2, pp. 119–127. (in Russian)
- Florida R. (2005) Cities and the Creative Class. N.Y.; L: Routledge.
- Formica S., Uysal M. (2006) Destination attractiveness based on supply and demand evaluations: An analytical framework. *Journal of Travel Research*, vol. 44, no 4, pp. 418–430.
- Gartner W.C. (1989) Tourism Image: Attribute Measurement of State Tourism Products Using Multidimensional Scaling Techniques. *Journal of Travel Research*, vol. 28, no 2, pp. 16–20.
- Gearing C.E., Swart W.W., Var T. (1974) Establishing a Measure of Touristic Attractiveness. *Journal of Travel Research*, vol. 12, no 4, pp. 1–8.
- Gutnov A. (1984) Evolyuciya gradostroitel'stva [Evolution of Urban Development]. Moscow: Strojizdat. (in Russian)

- Hu Y., Ritchie J.R.B. (1993) Measuring Destination Attractiveness: A Contextual Approach. *Journal of Travel Research*, vol. 32, no 2, pp. 25–34.
- Kaganskiy V. (2001) *Kul'turnyj landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: NLO. (in Russian)
- Kim H.B. (1998). Perceived Attractiveness of Korean Destinations. *Annals of Tourism Research*, vol. 25, no 2, pp. 340–361.
- Kim S.S., Lee C.K. (2002). Push and Pull Relationships. *Annals of Tourism Research*, vol. 29, no 1, pp. 257–260.
- Kockelkorn A., Schmid C., Streule M., Wong K.P. (2023) Peripheralization through mass housing urbanization in Hong Kong, Mexico City, and Paris. *Planning Perspectives*, vol. 38, no 3, pp. 603–641.
- Liang Y., D'Uva D., Scandiffio A., Rolando A. (2022) The More Walkable, the More Livable? Can Urban Attractiveness Improve Urban Vitality? *Transportation Research Procedia*, vol. 60, pp. 322–329.
- Lychko S., Mosienko N. (2014) Privlekatel'nost' goroda kak faktor formirovaniya migracionnyh ustanovok studentov [Attractiveness of the City as a Factor in the Formation of Students' Migration Attitudes]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [The World of Economics and Management], vol. 14, no 1, pp. 160–169. (in Russian)
- Manina A., Reshetnikova K., Predvoditeleva M. (2023) Turistskaya privlekatel'nost' rossijskogo regiona: kejs Kazani [Tourist Attractiveness of the Russian Region: The Case of Kazan]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Studies Journal], vol. 19, no 4, pp. 116–131. (in Russian)
- Mayo E., Jarvis L.P. (1981) *The Psychology of Leisure Travel. Effective Marketing and Selling of Travel Services*. Boston, MA: CBI Publishing Company, Inc.
- Middleton V.T.C., Fyall A., Morgan M., Ranchhodet A. (2009) *Marketing in Travel and Tourism*. N.Y., L.: Routledge.
- Mitin I. (2018) Constructing Urban Cultural Landscapes & Living in the Palimpsests: A Case of Moscow City (Russia) Distant Residential Areas. *BELGEO. Revue belge de géographie*, no 4, pp. 1–14.
- Mitin I. (2019) Producing Differences, Connecting People: Symbolic Construction of Post Urban Places in Distant Residential Areas of Moscow, Russia. *6th Corfu Symposium on Managing & Marketing Places: Proceedings*. Manchester: Institute of Place Management, Manchester Metropolitan University.
- Mitin I. (2022) Mesto i bezmest'e v mental'noj kartografii: Na puti k gumanisticheskim GIS? [Place and Placelessness in Mental Cartography: Towards Humanistic GIS?]. *Voobrazhaemye kartografii: Karta i geograficheskoe voobrazhenie v istorii i kul'ture* [Imaginary Cartographies: Map and Geographical Imagination in History and Culture]/ed. by D.N. Zamyatin, I.G. Konovalova. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN, pp. 107–113. (in Russian)
- Mlechko L. (2015) "Simvolicheskij kapital" goroda Volgograda v analize territorial'noj identichnosti [Symbolic capital of Volgograd city in the analysis of territorial identity]. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki* [Forum. Series: Humanities and Economics], no. 2, pp. 51–60. (in Russian)
- Paramonova V. (2009) "Centr periferiya" kak simvolicheskaya dihotomiya gorodskogo prostranstva [Center periphery as a Symbolic Dichotomy of Urban Space]. *Logos et Praxis*, no 1, pp. 126–130. (in Russian)
- Park R.E. (1915) *The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment*. *American Journal of Sociology*, vol. 20, no 5, pp. 577–612.
- Relph E. (1976) *Place and Placelessness*. London: Pion.
- Ritchie J.R.B., Crouch G.I. (2003) *The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Silver D.A., Clark T.N. (2016) *Scenescapes: How Qualities of Place Shape Social Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. *Working papers by NRU Higher School of Economics*. Series WP BRP "Sociology/SOC", no 84.
- Ter-Ghazaryan D.K. (2013) "Civilizing the City Center": Symbolic Spaces and Narratives of the Nation in Yerevan's Post-soviet Landscape. *Nationalities Papers*, vol. 41, no 4, pp. 570–589.
- Trifković M., Kuburić M., Nestorović Ž., Jovanović G., Kekanović M. (2021). The Attractiveness of Urban Complexes: Economic Aspect and Risks of Environmental Pollution. *Sustainability*, vol. 13, no. 14: 8098.
- Tuan Y.-F. (2002) *Space and Place. The Perspective of Experience*. 9th ed. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Van'ke A., Poluhina E. (2018) Territorial'naya identichnost' v industrial'nyh rajonah: kul'turnye praktiki zavodskih rabochih i deyatelej sovremennogo iskusstva [Territorial Identity in Industrial Areas: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Artists]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 10, no 3, pp. 4–34. (in Russian)
- Vengesayi S., Mavondo F.T., Reisinger Y. (2009) Tourism Destination Attractiveness: Attractions, Facilities, and People as Predictors. *Tourism Analysis*, vol. 14, no 5, pp. 621–636.
- Zaborova E., Islamova A. (2013) Gorod kak social'noe prostranstvo [The City as a Social Space]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Social Studies], no 2, pp. 97–100. (in Russian)
- Zamyatin D. (2020) Geokul'turnyj brending gorodov i territorij: ot teorii k praktike. Kniga dlya tekhn, kto hochet preektirovat' i tvorit' drugie prostranstva [Geocultural Branding of Cities and Territories: From Theory to Practice. A Book for Those Who Want to Design and Create Other Spaces]. St. Petersburg: Aletejya. (in Russian)

Patterns of Local Human Activity: The Sociological Revision of Urban Spatial Structure

Nikolai Bulanin

Introduction

The impetus for establishing modern polycentric approaches to subcenter delimitation and urban frame distinction was provided by the Harris-Ullman model [Harris, Ullman, 1945], which was first to distinguish the development of an alternative outer CBD in addition to the main generally distinguished one. It could be argued that monocentric approaches derived from classic models of von Thünen [von Thünen, 1926], Burgess [Burgess, 1924] and Alonso [Alonso, 1964], although becoming archaic, could still appear useful when describing the general gradient from main city center to peripheral zones [Anas et al., 1998]. However, the tendency for decentralization, heterogenization and structural complication on all hierarchical levels of big cities is self-evident due to a fast population growth, transportation development, housing prices, drastic changes in lifestyle and demands of urban dwellers and a thousand more reasons – and now we see edge cities, new business districts or local places of gathering emerging and developing while historical centers have to search for new ways of functioning with the help of gentrification, car restrictions and green zones establishment.

Urban spatial structure must be viewed multidimensionally. It can be determined as the spatial distribution of morphological elements of the city and the links between them [Goncharov, Gudz, 2023]. Thus, the diversity of approaches to urban spatial structure studies is dictated by the complexity of cities themselves, and each group of models of urban spatial structure has a different goal which dictates the logic, mathematical apparatus and elements of urban organization at its core. When studying the concentrations, morphological approaches become essential as they allow us to highlight the heterogeneous and decentralized landscape of a city, emphasizing established and emerging nuclei. The level of polycentricity is defined not only by the size of each nucleus but also by their relative sizes, meaning the level of spatial inequality created by prevailing centers [Burger, Meijers, 2012]. To spot

Nikolai K. Bulanin, independent researcher.
E-mail: nbulanin@gmail.com

This article reveals and describes previously omitted elements of urban spatial structure—local subcenters within areas of uncertainty. Most contemporary works on the organization of urban space focus on identifying the main nuclei without considering the vast inter-nuclei spaces. To advocate for the existence and significance of such urban spaces, the Vysokovsky model is reworked and its sociological approach is revived in the form of a field survey within the research polygon. To describe the spatial behavior of local residents, a two-parameter conceptual frame is constructed which allows us to classify goods and services. The resulting representation of the polarization of local activity indicates the need for a closer look at peripheral zones previously viewed as homogeneous.

Keywords: urban spatial structure; polycentricity; multi-scale city; local human activity; area of uncertainty; Moscow

Citation: Bulanin N.K. (2025) Patterns of Local Human Activity: The Sociological Revision of Urban Spatial Structure. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202550-67> (in English)

the characteristics of the flows that feed urban centers every day, functional approaches are required. They prioritize network proximity over geographical proximity and state that polycentricity is defined by varying interconnectedness (intensity and functional diversity of interactions) of urban nuclei [Green, 2007].

The multi-scalar nature of cities complicates the studies of urban spatial organization. Spatial processes vary on different hierarchical levels of urban organization. Recent urban spatial studies tend to operate on city or metropolitan area scales – there is more data available, and it is easier to highlight general patterns of polarization. In order to detect local urban nuclei, however, we need to descend to a human scale, where every maintenance facility, every physical obstacle and every public transport stop matters. Some can argue that such level of detailing is unnecessary due to specific conditions of each urban territory, but one important factor needs to be kept in mind – most residential places are distanced from bigger urban subcenters due to a higher land value near them imposed by commercial competition. Such spatial organization leads to an emergence of areas of uncertainty characterized by a similarly low gravitational pull towards all surrounding subcenters. Thus, it can be assumed that the absence of strong links to the main urban frame potentially leads to a natural process of local centers of activity formation.

The polycentricity topic has an additional layer when it comes to post-Soviet cities. Domestic urban planning school of thought evolved independently and adapted models that focus on contemporary issues and disbalances of cities and aim to amend Soviet-time mistakes. The unevenly zoned model, created by architect and founder of HSE Graduate School of Urban Studies and Planning Aleksandr Vysokovsky, is considered the main instrument in that regard. Vysokovsky developed two approaches within the model – morphological and sociological, with the idea of depicting both the framework and the actual human activity patterns in tandem [Vysokovsky, 2005]. However, the initial dichotomic frame shifted towards the structural side of the city and sidelined the sociological approach which aims to divide the public and private territories and work with urban fabric rather than the carcass.

Consequently, this article seeks to provide a new perspective on the existing frame of urban spatial structure studies by returning

the sociological agenda to the urban spatial organization field. We study the experimental polygon located within Moscow's Preobrazhenskoye and Bogorodskoye districts in order to distinguish spatial dependencies of local maintenance facilities' usage. We hypothesize the existence of nuclei within the area of uncertainty that are the result of local demand for day-to-day goods and services. Identifying these nuclei and describing the peculiarities of their functioning is thus the main goal of this research.

Diverging approaches for studying urban spatial organization

Post-Soviet cities have a specific space organization compared to European and American settlements, where most studies of urban spatial structure have taken place. Here, functional zoning is less regular and is often chaotic, and socio-spatial stratification is far less expressed – it is quite hard to distinguish population groups of similar revenue, interests or age, usually different buildings accommodate dwellers of contrasting lifestyles [Vysokovsky, 1997]. Post-Soviet cities, highly influenced by planned economy and command governance, often struggle to meet people's common needs due to uneven spatial distribution of goods and services: "...the typical pattern of distribution of retail trade and services in the socialist city basically corresponded to the administratively determined, hierarchically organized system of higher and lower order centers... The guiding principle of socialist urban planning was the minimizing of daily journey times for the city population" [Brade et al., 2007]. Although the concept of polycentricity was consistently used by the Soviet planners, the main motivation was not urban life convenience but the convenience of controlling the urban system itself: "Under socialist central planning (including local authority) institutions had clear priority, while economic necessity, geographical location and spatial structures within cities played only a subordinate role" [Brade et al., 2007]. Therefore, functional optimization of often inefficiently planned urban territories is needed to provide a higher comfort of living.

While European and American studies focus primarily on the industrial aspect of the city, placing economic activity in the center and taking spatial distribution of employment as a basis for determining polycentric structures, domestic researchers respond to local inquiry for a more comfortable and user-friendly urban environment by

developing a post-industrial approach.¹ Functional zones and human activities are put in the center of studies as they represent the behavior of urban dwellers better than job placement data which only reflects the most routine part of the daily cycle. For example, Filanova in her dissertation study of Samara [Filanova, 2008] distinguishes local socio-spatial formations (*rus.* «локальные социально-территориальные образования») as public spaces concentrating various functions which cover most of local dwellers' demands. The main idea behind such areas is to develop a more locally centered urban environment with elements of self-governance and autonomy. Similarly, Gaikova in Krasnoyarsk study [Gaikova, 2015] examines the aspect of a comfortable polycentric environment related to accessibility from both transport and functional points of view. She identifies cluster urban units as self-sufficient specific architectural and planning objects that provide a regular approach for creating a higher quality of life in the city. Another attempt to research urban framework anthropocentrically is a series of articles by Em [Em, 2017; 2018]. He tries to describe the dynamics of Moscow's spatial structure through central place theory and uses a number of socio-economic parameters to evaluate the level of centrality of distinguished nuclei.

The basis for these and many other contemporary studies was formed by the late Soviet and post-Soviet school of urban planning (*rus.* «градостроительство») through the development of a distinctive approach towards general understanding of city organization. Its logic of urban framework functioning is centered around the citizens' diurnal cycle, and the main goal was to smoothen the spatial inequalities of the Soviet urban planning heritage. The basis for modern urban spatial structure studies in Russia – the frame-fabric model (*rus.* «каркасно-тканевая модель») – was created by Soviet architect A. E. Gutnov in the 1970–80s [Gutnov, 1984; 1985] and became the basis for an innovative Moscow's perspective development concept [Gostev, 2023]. Gutnov's goal was to describe the process of evolution of urban systems with two simultaneous processes – the complication of the urban frame defined as “a stable structure-forming component of urban system with the high intensity of spatial development”, and the expansion of urban fabric defined as “other components of urban system, its substrate”. The dependence between usage intensity on the territory and its accessibility is fundamental and lies in the core of the model, providing the possibilities for further interpretations and creating the methodological superstructures [Gostev, 2018].

Gutnov's works were succeeded by the unevenly zoned model (*rus.* «неравномерно-районированная модель»), created in the 1980s by A. A. Vysokovsky.

The model is a complex view of city functioning based on the polycentricity principle, aimed at solving the problem of the “absence of the most important environments inherent to every comfortable city in general plans – streets with multifunctional activity, various types of residential environment, green squares, parks, logistic complexes and territories with multifunctional industrial activity” [Vysokovsky, 2015]. To solve another problem of Soviet planning – improper choice of local foci on urban periphery – a more user-friendly way of organizing the urban frame is proposed, with its subcenters leaning towards the CBD instead of creating a nucleus in the geometric center of a district. The model-approved nuclei are proposed as the basis for choosing proper construction sites, adjusting functional zoning and creating a more comfortable city where multifunctional public and monofunctional private spaces coexist [Gostev, 2022]. Due to the breadth of coverage of various aspects of urban life, the Vysokovsky model is often used as a verification instrument in recent studies of urban spatial structure such as evaluation of level of activity in subcenters during the day to expose its rhythm and pulsations [Alyapkina, 2019], or detection and clusterization of centers of night life [Parfyonova, 2020]. In practical terms, identification of urban framework helps to depict both physical and socio-spatial layers of organization and is used to forecast different scenarios of territorial development and make long-term decisions [Vysokovsky, 1997].

In order to demarcate the nodal districts of the model, Vysokovsky developed two autonomous but interconnected approaches – morphological and sociological [Vysokovsky, 2005]. They reflect the dichotomous nature of the city with infrastructure and activity attractors on one hand and spatial behavior of urban dwellers on the other. This dualistic system, however, was reduced to the morphological approach in recent years as sociological approach in Vysokovsky's interpretation appears to be too laborious. There were attempts to revive it by comparing objective and cognitive data for several districts of Moscow [Goncharov, Nikogosian, 2017]. Respondents were asked to describe their areas of activity near certain nuclei as well as the alleged boundaries and central locations of each spatial unit. However, the results of two datasets diverged significantly as respondents do not usually think in specific terminology, and each person's individual area of activity is not limited by the model-constrained units. Our research, among other goals, aims to enhance and supplement the existing methodology and provide practically substantial findings by theoretically justifying the approach and specifying the questionnaire.

1. The distinction between industrial and post-industrial approaches in urban space modeling is highlighted by E. A. Kotov [Kotov, 2017] based on the types of data available for Russian cities compared to U. S. census tracts' datasets.

Morphological approach

On modeling polycentricity

First, it should be noted that the general morphological approach towards polycentricity contains the morphological approach of the Vysokovsky model among many others. The first categorization was provided by McMillen [McMillen, 2001b], where he singled out four main approaches to urban nuclei identification. A decade later Jaume [Jaume, 2012] offered a classification of polycentric models based on criteria applied to delimitate the nuclei, with four methodological groups representing the morphological approach (thresholds, density peaks, residues of a locally weighted regression and spatial econometrics) and the functional approach (commuting flows).

Spatial econometrics stands out as it is the most universal tool applied for different problems in geospatial analytics. Two main indexes – Getis-Ord Hotspot Analysis [Getis, Ord, 1992] and Local Moran's Spatial Autocorrelation (LISA) [Anselin, 1995] – allow researchers to determine the territories standing out from their vicinities and the levels of significance of that divergence.

Models using positive residues of local weighted regressions were introduced in the basic form of a standard negative exponential function of employment density by McMillen and Prather [McMillen, Prather, 1994]. Later, the approach was developed by McMillen [McMillen, 2001a; McMillen, Smith, 2003] by introducing a two-stage approach – a nonparametric smoothing of values which captures the effect of distance from the CBD using a flexible Fourier form where significant positive residues of weighted least squares are an indicator of potential subcenters, and a validation of obtained nuclei effects on employment density using a semi-parametric regression.

The threshold approach was first applied by Giuliano and Small [Giuliano, Small, 1991] as peer-reviewed (regarding their overall number of nuclei and the peculiarities of specific territory) population and employment parameter values that determine the existence of significant economic activity. This cutoff method is well suited for city comparison [McMillen, Lester, 2003] or an evolutionary tracking, due to the evidence of nuclei configuration shifting without model adaptation to a present state [Anderson, Bogart, 2001; Shearmur, Coffey, 2002].

The method of density peaks is defined by the usage of various center-periphery estimation functions and refers to tracts that present a local maximum with respect to neighboring territories. The works of McDonald [McDonald, 1987], McDonald and McMillen [McDonald, McMillen, 1990], Craig and Ng [Craig, Ng 2001] and Redfearn [Redfearn, 2007] demonstrate different techniques and interpretations of a parameter gradient in search of the most precise

configuration of urban spatial structure. Some studies combine density and cutoff approaches for population and employment data [Garcia-López, 2010].

When compared to existing industrial methods of modeling urban spatial structure, the morphological approach of the Vysokovsky model is closer to the density peaks group. Density peaks models use similar definitions of subcenters – for example, McDonald [McDonald, 1987] defines the nucleus as being a census tract where the center-periphery gradient of parameter values is broken and neighboring tracts of the same ring from the CBD have significantly smaller values. Nevertheless, there is a difference between Vysokovsky's approach and other models – it works better in allocating nuclei in the central part of the city while the others are more precise on the periphery due to differing mathematical apparatus.

According to Vysokovsky, the morphological approach is based on studying the spatial distribution of the objects that characterize the human diurnal cycle and distinguishing the places of highest local concentration as an urban framework. To model the smoothed surface of an indicator Vysokovsky suggests applying the trend-analysis, or a spatially-modified version of the method of the moving average [Vysokovsky, 1986]. It allows to allocate subcenters by comparing the value of a standard cell to the weighted average of its neighbors using the formula

$$T = \frac{2X + \sum_{i=1}^{n-1} Y}{n+1},$$

where T is a trend value of a parameter, X is an actual value in a standard cell, Y represents the values in the contiguous cells, and n is a number of cells including the one for which the trend is calculated. Trend value is required to identify the significance level of each cell on the city scale using the standard deviation value (σ) of a fact-trend difference as a threshold

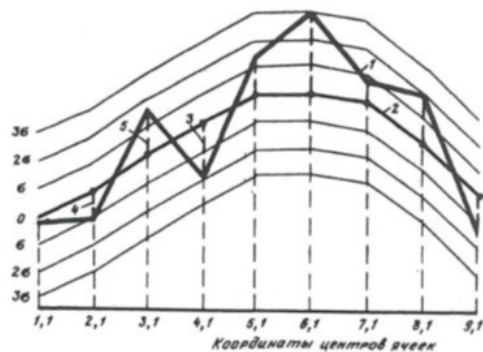
$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (X - T)^2}{n}} = \sqrt{\frac{\varepsilon^2}{n}}.$$

The subtracts' distribution highlights the outliers – the cells with a relatively high human activity compared to their surroundings (see Fig. 1). The 2σ , 1σ and 0.5σ thresholds determine a three-level hierarchy of the nuclei. Generalizing, 2σ -threshold highlights city-wide subcenters, which attract the audience from different districts; 1σ -threshold stands for the nuclei where people come from the contiguous territories; finally, 0.5σ -threshold represents more locally bound, situational or emerging urban nuclei.

The main challenge of Vysokovsky's morphological approach is to find a sufficiently comprehensive dataset to represent the potential generated activity in every part of a city [Vysokovsky, 1986]. Modern researchers tend to allocate subcenters applying the maintenance facility areas as the most accessible and

Fig. 1. Trend-analysis used for development units' placement prediction

Source: [Vysokovsky, 1986].

convenient data providing adequate structure with supply-demand logic – the enterprise should be able to have enough customers to exist in a certain place at a certain time in a certain premise area. Moreover, these datasets provide information on economic specialization of the territory, as the objects could be aggregated into functional categories [Kotov et al., 2016].

To estimate functional variety within a selected polygon of research, the Herfindahl-Hirschman index (HHI) is applied as an add-on to the Vysokovsky model. The index value is obtained with the formula

$$HHI = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2$$

where S is the share of facilities with a certain functional category and n is the number of functional categories. Used in economics as a measure of either market concentration, economic diversity or macroeconomic specialization [Palan, 2010], in this research it reflects functional diversity inside each standard cell. There are several variations of threshold values division, the most popular being the economic approach which is based on the level of competition within a certain market (from monopoly to fierce competition) [Djolov, 2013]. For our purposes, economic application can be transferred to a spatial dimension regardless of the thresholds applied as they may differ depending on dataset structure – each cell is arbitrarily regarded as a separate market, and the lower the index is in a cell, the higher is the diversity of functions. Additionally, the share of the most widespread functional categories is added to analysis to characterize the territory in more detail.

Data

The dataset used for spatial modeling contains calculated floor areas of over 280 thousand maintenance facilities in Moscow,² in 2019 (see Table 1). Data represent the expected consumer flow according to Vysokovsky Graduate School of Urbanism research of Moscow's polycentricity [Kotov et al., 2016]. The authors state that economic agents tend to maximize their income by using the room

space as efficiently as possible, which creates a general correlation between floor area and human activity. Similarly to that study, the functional diversity is represented via 18 categories covering all main aspects of urban life needs. The objects not available for urban dwellers (not located on closed territories) were excluded from the dataset as they do not represent a general human activity pattern. Trade enterprises, as well as business and public services and household services prevail in the overall structure, so the values of these categories play a crucial role in determining the functional diversity of territories.

Functional category	N° of facilities	% from total
Trade Enterprises (shopping malls, markets, shops)	98 341	34.95%
Business and Public Services	50 294	17.88%
Household Services	28 950	10.29%
Financial Institutions	19 992	7.11%
Catering Enterprises	15 882	5.64%
Healthcare Institutions	15 323	5.45%
Organizations, Institutions of Municipal and Federal Governance	13 939	4.95%
Educational Institutions	7 774	2.76%
Cultural and Arts Institutions	7 189	2.56%
Pharmacies	4 827	1.72%
Sports and Entertainment Facilities	4 233	1.50%
Communications Enterprises	4 055	1.44%
Transport Hub Facilities	3 282	1.17%
Physical Training and Leisure Facilities	3 249	1.15%
Tourist, Sanatorium-resort and Recreational Institutions	2 385	0.85%
Social Services Institutions	907	0.32%
Religious Sights	680	0.24%
Ritual Services	59	0.00%
Total	281 361	100.0%

Table 1. Functional categorization of maintenance facilities

Source: HSE Faculty of Urban and Regional Development.

The dataset is spatially generalized with the help of a standard 750-m-hexagon grid. Spatial distribution of floor areas of maintenance facilities reveals a strong monocentric pattern, created by the dense historical center and radial-circular planning structure of the city (see Fig. 2). Center-periphery gradient of the parameter, however, does not follow a perfect pattern, and a distinctive ring of peaks rises in the sub-peripheral zone. The spatial distribution on the periphery is more chaotic, and most peaks are located around large shopping centers or metro stations. Another noticeable feature of Moscow is sectorality, as natural and man-made barriers divide urban fabric into separate zones. This creates the corridors of higher parameter values, to one of which the research polygon belongs.

2. Territories attached to Moscow in 2011 were not considered as its integral part.

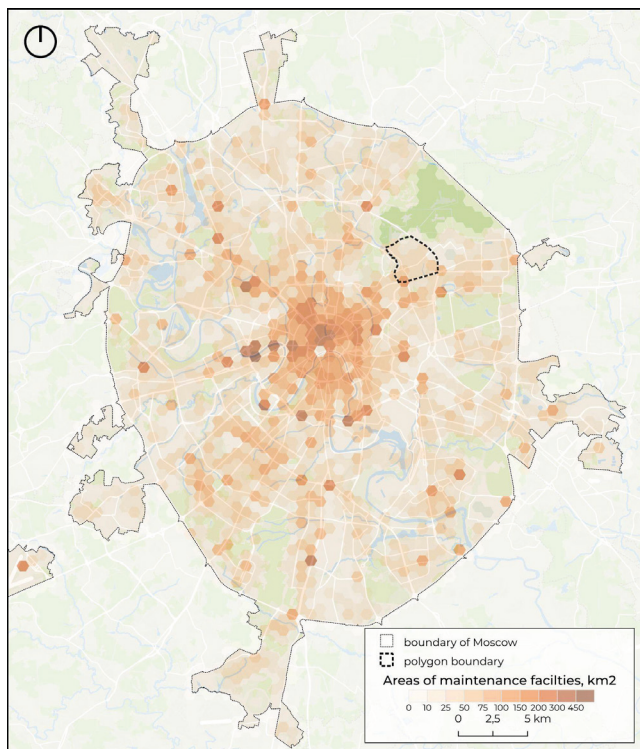

Fig. 2. Spatial distribution of areas of maintenance facilities in Moscow

Source: made by author; data by HSE Faculty of Urban and Regional Development.

Moscow's spatial structure

The city as a system should be viewed inseparably, so there is no way to single out its structural elements without defining the general picture of urban space organization in the first place. To distinguish subcenters within the research polygon, we need to model human activity based on floor areas of the maintenance facilities (see Fig. 3). It must be noted that the standard 750-meter hexagon grid reflects not the exact nuclei locations but rather the trend values, which are often split between multiple cells. If the vicinity of a cell is too deserted, a phantom subcenter may emerge, distorting the overall frame. In addition, in case the subcenter is divided between several cells it might not be identified as high neighboring values would diminish each other.

The most distinctive characteristic of the achieved spatial structure is the existence of several radial axes of first-level subcenters which follow major transport corridors and form the structural carcass of Moscow. They are divided by vast gaps in sub-peripheral and peripheral areas – as the cells with less than 20 objects are sorted out, the industrial and recreational zones splitting Moscow's urban fabric are revealed. HHI adds to the overall picture of urban spatial structure, showing a drastic reduction in functional diversity from the historical center to Moscow's periphery, where the pattern is rather heterogeneous (see Fig. 4). Central zone is surrounded by the Sadovoye ring highway, after which the gradient breaks. High diversity reappears in the

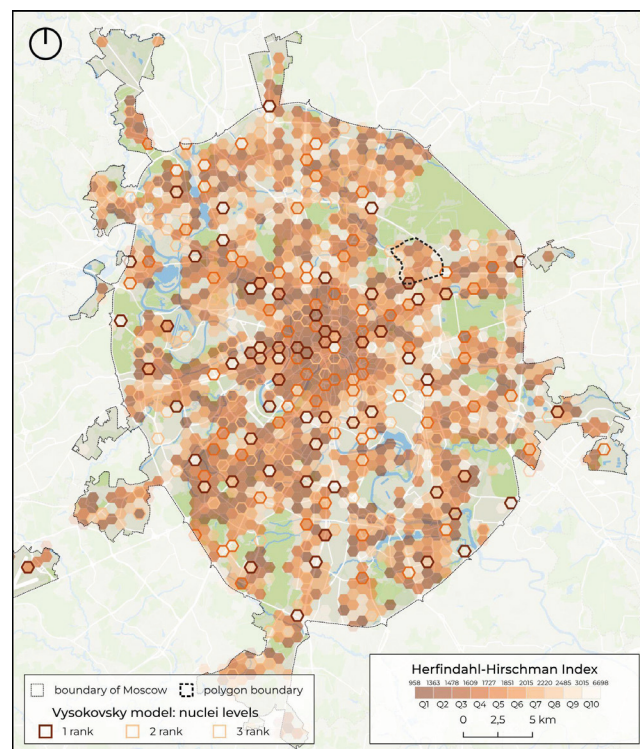

Fig. 3. Spatial structure and level of functional diversity in Moscow

Source: made by author; data by HSE Faculty of Urban and Regional Development.

Krasnoprudnaya, Rusakovskaya, Stromynka and Bolshaya Cherkizovskaya Streets, duplicated by the metro line – most first- or second-level subcenters are identified around the stations of that line. The relative position of the polygon allows us to evaluate the actual importance of the highlighted subcenters as well as to consider the possibility of existence of local activity manifestations.

The research polygon has four distinct borders – two natural ones (Losiny Ostrov national park and Yauza river) and two highways (Northeastern chord and Bolshaya Cherkizovskaya Street). Such isolation from neighboring territories is beneficial as primarily self-contained urban fabric has fewer external effects which simplifies the evaluation of local patterns of spatial behavior. Main points of entry into the territory are three metro stations and a transportation hub, all positioned on the edges of the polygon. Access-wise this creates a buffer zone which is regarded as the area of uncertainty. The polygon was mostly built up in the 1960s–80s as a residential district, with several zones of contemporary residential (which consists mostly of closed residential complexes) and commercial development. The microdistrict approach to planning resulted in a high saturation with educational and healthcare institutions that generally satisfy local demand. The demand for public transportation within the polygon is met by a circular tram line as well as several bus routes operating along the arterial roads. The role of green carcass is played by a wide boulevard Rokossovskogo, which stretches

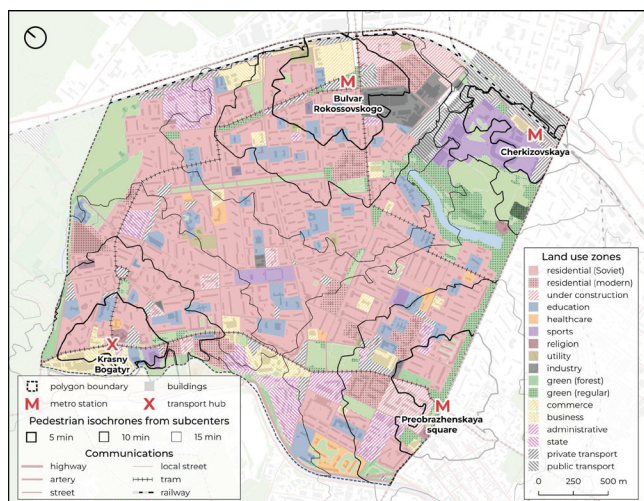

Fig. 4. Land use and road system of research polygon

Source: made by author; data from Yandex Maps and gisogd.mos.ru.

through the northern areas, as well as many parks around the area of study. The Yauza River bank and areas adjacent to the railway are the most diverse functionally and surround a calmer central residential zone (see Fig. 4).

According to the Vysokovsky model, three nuclei are located around the perimeter of the polygon (see Fig. 5). The first-level subcenter around “Preobrazhenskaya Square” metro station is distinguished due to a 115-meter “Preo-8” business center as well as first-floor commercial facilities surrounding the square. The territory has the closest location to Moscow’s historical center, serving as a transit hub to local dwellers as well as incomers from other districts and forming the biggest and most diverse activity spot (25% – trade enterprises, 23% – business and public activities, 10% – financial institutions). The second-level nucleus surrounding “Cherkizovskaya” metro station serves as a major transit hub (with Vostochny Railway Station, Moscow Central Circle and North-Eastern Chord intercepting) and a situational place of attraction with a 27,000-seat “RZD Arena” football stadium. However, the subcenter is cut off from the rest of the polygon by Cherkizovsky Park and metro depot, and its functionality is primarily limited to trade enterprises (over 61%). Finally, the third-level subcenter is on the junction of Krasnobogatyrskaya and Millionnaya streets, where most maintenance facilities are concentrated within “Krasny Bogatyr” business center. One more potential subcenter not allocated by the model is the area of “Bulvar Rokossovskogo” metro station, but due to redistribution of commercial areas between several cells the subcenter was not highlighted.

According to the Vysokovsky model, the area of uncertainty, although containing fewer maintenance facilities, has a high functional diversity. People living in the residential zone do not require many outlets of one type within walking distance, but their demand for various facilities must be met. However, the

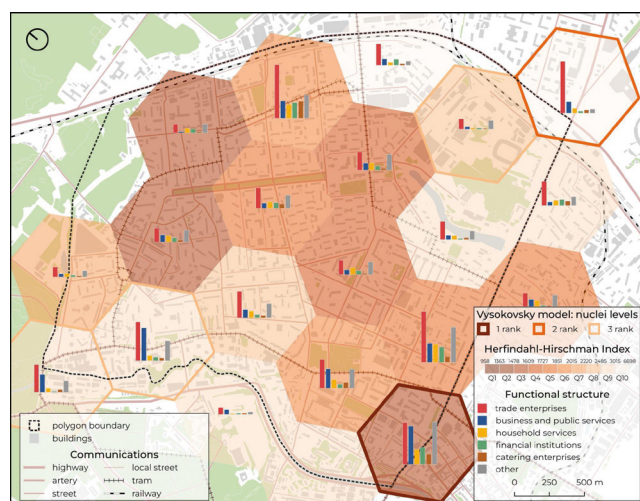

Fig. 5. Spatial structure and functional diversity of research polygon

Source: made by author; data by HSE Faculty of Urban and Regional Development.

question remains – is this vast inter-nuclear area evenly filled with different facilities, or are there concentrations that serve as local centers of activity.

Sociological approach

Prerequisites for on-site activity research

When speaking of the sociological approach in determining urban spatial units, Vysokovsky put mental maps of city dwellers in the center, calling them vernaculars. According to a common definition by L. V. Smirnyagin, a vernacular region is a place where people feel collective interconnectedness through either history, activities or identity and are able to distinguish themselves from inhabitants of neighboring territories [Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya..., 2013]. Vysokovsky, however, had a different perspective – through vernaculars he represents every urban dweller’s naturally formed and stable area of daily activity [Vysokovsky, 2005]. Consequently, overlaid individual vernaculars highlight public and private spaces and construct a realistic picture of activity polarization in the territory. They create a basis for understanding the usage of locations and are a result of mass perception, extracting the main characteristics according to the majority of local dwellers. [Vysokovsky, 2015]

The main distinction between morphological and sociological approaches is the essence we are working with. People regard urban space not as a strictly demarcated framework but as a continuous tissue, focusing on certain facilities and functions rather than zones or territories. Spatial behavior of urban dwellers is usually highly structured temporally, centered around a daily cycle with three general destinations – place of residence, workplace and public locations of social interaction and leisure time spending (according to Oldenburg’s concept of first, second and third places [Oldenburg, 1989]). Activity

spaces tend to form so that the venues are located within the vicinity of these routine routes. The densest intersections of vernaculars form loci zones. According to Vysokovsky, they have to correspond to morphological structure of territory and concentrate commerce, thus forming focal (or nodal³) districts that are considered central spatial units. The main problem of these spatial units is an ambiguity of boundaries – the influence of a focal point diffuses gradually, meaning the existence of a vague buffer between two spatial units [Rodoman, 1999]. In center-periphery theory these buffers are the periphery, but on a large scale the name “areas of uncertainty” fits them better due to the remoteness of centralities, where both scenarios of balanced usage of closest nuclei and emergence of new ones through local demand are possible⁴.

Besides centrality, there are other factors influencing specific location choices. Maintenance facilities such as shops, cafés, salons, etc. are operating as goods or services on the city market, with each functional category establishing a niche and each urban dweller behaving as a consumer who has to constantly make economic decisions depending on individual preferences, lifestyle, wellbeing. Each market can be described as a two-dimensional system of product usage, applied as the functional utilization approach in marketing studies [Zaichkowsky, 1985; Ram, Jung, 1990]. We take two parameters of this system – depth and breadth of consumption – to describe the general behavioral pattern. Depth of usage stands for a number of times any consumer usually has a demand for a certain facility usage. Breadth of usage, on the other hand, represents the number of potential scenarios possible within every venue, or simply the level of necessity of offered goods and services in day-to-day life and current requirements of people. For our purposes, we have generalized this characteristic by combining two parameters into a broader frequency of usage parameter.

To divide outlets spatially, another dimension of functional utilization is required – uniqueness of a product. It represents the level of saturation of a city market with a particular functional type of facility and corresponds with Walter Christaller’s central place theory, where the rank of an urban settlement defines the level of uniqueness of goods and services they contain [Christaller, 1933]. We can say that similarly to settlements of different size containing goods and services of different order and levels of diversity, nuclei tend to concentrate outlets based on their significance within urban space, and to represent

varying patterns of behavior we need to include the outlets of varying levels of uniqueness in this study.

Regularly visited maintenance facilities together with residential and employment locations form individual activity spaces – geometrically, surfaces of intense spatial behavior [Horton, Reynolds, 1971]. In a wider sense, activity spaces can be viewed as knowledge spaces which contain not only the locations of personal experience but also places of second-hand experiences from various sources [Schönfelder, Axhausen, 2004a]. Although spatiotemporal changes in activity fields are revealed [Timmermans et al., 1982], generally areas of activity stabilize as users of urban space adapt to an environment and slow down the exploration process after the initial phase of learning. The concept of activity spaces matches the vernaculars defined by Vysokovsky, having more practical application examples at the same time, where researchers mostly implement commuting data like Mobidrive dataset [Schönfelder, Axhausen, 2004b] or actively tracked cellphone location data [Xu et al., 2016]. In this study activity spaces are collected as preferred locations of consuming products of varying uniqueness and frequency of usage via the field survey due to lack of other types of data and the smaller scale of the research polygon.

Methodology and constraints of field survey

The street survey was conducted on two non-holiday weekends with good weather conditions. Overall, 112 maps were collected, with 107 respondents residing within the research polygon and 5 who resided in its immediate vicinity. The estimated population residing within the territory is approximately 150,000 people, meaning the sample has a 92% confidence interval with a 90% coverage probability. The rejection rate fluctuates between 2 and 5 refusals per answer collected depending on the survey day.

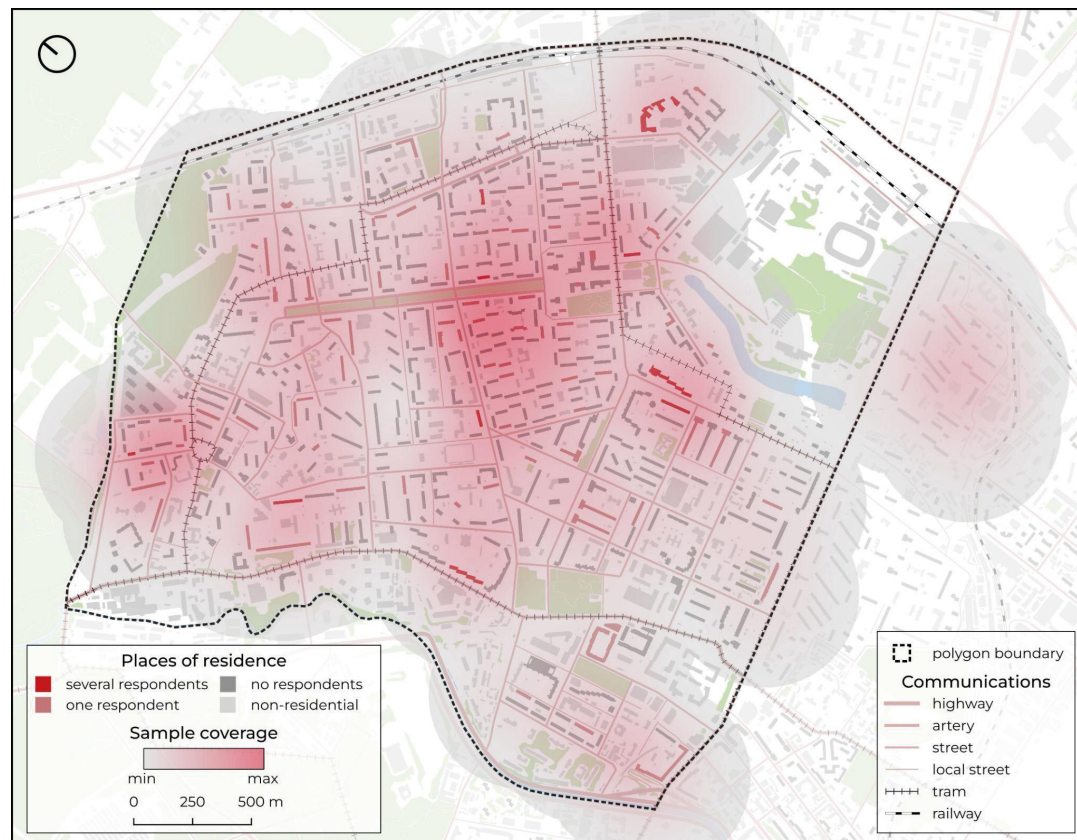
The correct choice of strategy on response collection was the central issue of survey methodology. The initial idea of surveying along main streets failed due to a high average walking speed of pedestrians. Consequently, the strategy shifted to a more sporadic surveying within recreational zones as the most effective non-target data collection locations due to a lower speed of pedestrians and a more relaxed atmosphere. Another successful strategy was moving inside residential blocks in peripheral zones, where it was possible to fill the gaps in spatial distribution of residential locations and to canvass some underrepresented groups of respondents.

3. The difference between focal and nodal is in the presence of transport hubs in the latter [Rodoman, 1999]; similar narrative could be traced back to Kevin Lynch’s description of a node as one of five core elements of any city: “Nodes are the strategic foci ... typically either junctions of paths, or concentrations of some characteristic” [Lynch, 1960].

4. The logic here is similar to that of the Huff model [Huff, 1963] which postulates the existence of zones of influence of certain objects (from shops to cities) decaying with a function of distance. When overlapping, they form a vague border where consumers do not have any advantage of going to a particular object, called the area of uncertainty.

Fig. 6. Places of residence named by respondents

Source: field survey.

The survey focused on local dwellers as regular users of the polygon⁵ and did not take into account incomers who are less familiar with the territory. To avoid potential concerns of privacy violation, the question on place of residence was asked in a vague form, allowing respondents to map one of the neighboring houses instead of one's own. This resulted in receiving the answer almost every time as respondents felt much less exposed.

For the sample to be representative, two criteria were articulated – spatial homogeneity of places of residence and age-sex structure of respondents. The first criterion provides a better representation of local patterns of activity across the polygon, especially considering more self-oriented zones like modern residential complexes (see Fig. 6). Several respondents residing in immediate vicinity to the polygon predominantly utilize the venues within it.

The second criterion allows us to achieve a sample close to the general population pyramid of the territory with 10-year intervals⁶ (see Fig. 7). During the survey some age-sex groups were more difficult to meet and interview than others which slightly affects the sample. For instance, interviewing middle-aged women was complicated because many of them were accompanied by children. Also, the interviewer's gender likely hindered the response collection from

potential female respondents as they generally feel less safe talking to male strangers on the streets. For older men the rejection rate was much higher than on average, and it was generally harder to find them on the streets.

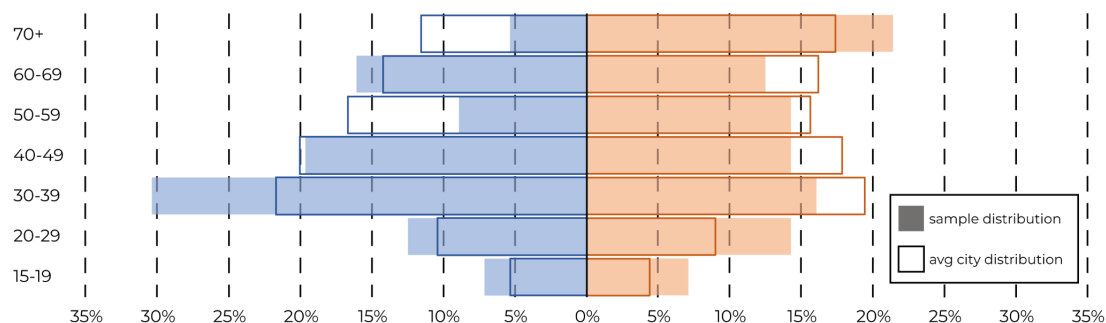
To describe consumer behavior of respondents from the functional utilization point of view, 9 categories of goods and services were identified (see Fig. 8). Their choice was the summary of two key factors. First, there had to be a sufficient presence of relevant outlets on the territory. Second, they had to differ in frequency of usage and uniqueness. Some products match the parameters due to pairing with similar types of products of different characteristics (types of food with differing frequency of usage or types of catering with different uniqueness). During the survey, respondents were asked to map preferred facilities where they usually go for the specified products (if used within the polygon).

The structure of responses demonstrates a significant shift of usage towards more common and densely located outlets inside the polygon. More common goods and services (food and banking) were marked by more than 80% of respondents, while the share for more occasional ones (delivery pick-up points, places of rest and entertainment, self-care services) drops to just over 60%. Cafés and fast-food

5. The main concern here is the term "local dweller" which was sometimes misinterpreted (for instance, some people who migrated to the research polygon a long time ago were still associating themselves not with it but with their previous place of residence). Here, we include only those respondents who have lived within the polygon for some time.

6. For this study the population pyramid of Moscow is used as a reference.

Fig. 7. Sample population pyramid compared to Moscow's average sex-age distribution
Source: field survey.

establishments, pointed out in slightly less than a half of the cases, were mostly left out due to three main reasons: insufficient quality of available facilities, high prices, and respondents' preference for cooking at home. Restaurants, clothes and footwear outlets are predominantly used outside of the polygon (most popular answers being the city center or the nearest big shopping mall near "Semyonovskaya" metro station) due to low quality and lack of variety, although there are several objects nearby.

Local patterns of human activity

To describe spatial patterns of local dwellers' consumer behavior, the chosen product groups are categorized by uniqueness and evaluated by the distance from places of residence. To identify concentrations, heatmap contours are obtained; additionally, the vectors from places of residence to selected locations within concentrations are added. The isochrones from hubs within the polygon are built considering an average walking speed of 5 km/h; they emphasize the area of uncertainty in the center of the territory.

Locations of the least unique products – perishable and storable food and delivery – tend to form concentrations within the area of uncertainty due to a higher daily necessity, although general spatial distribution is quite even and dense (see Fig. 9). Three local areas can be distinguished within the polygon based on perishable food locations – they are formed either around local shopping malls or in places of high concentration of different functions in close vicinity, meaning the user can potentially satisfy several demands at once. The first concentration, formed around the "Slavich" (1) mall which contains many small maintenance facilities, has a radial distribution of users who mostly dwell up to 800 meters from it. The second (2) and the third (3) nuclei, on the other hand, attract

people living both nearby and far off as they are situated closer to the major roads, tram lines and model-approved nuclei.

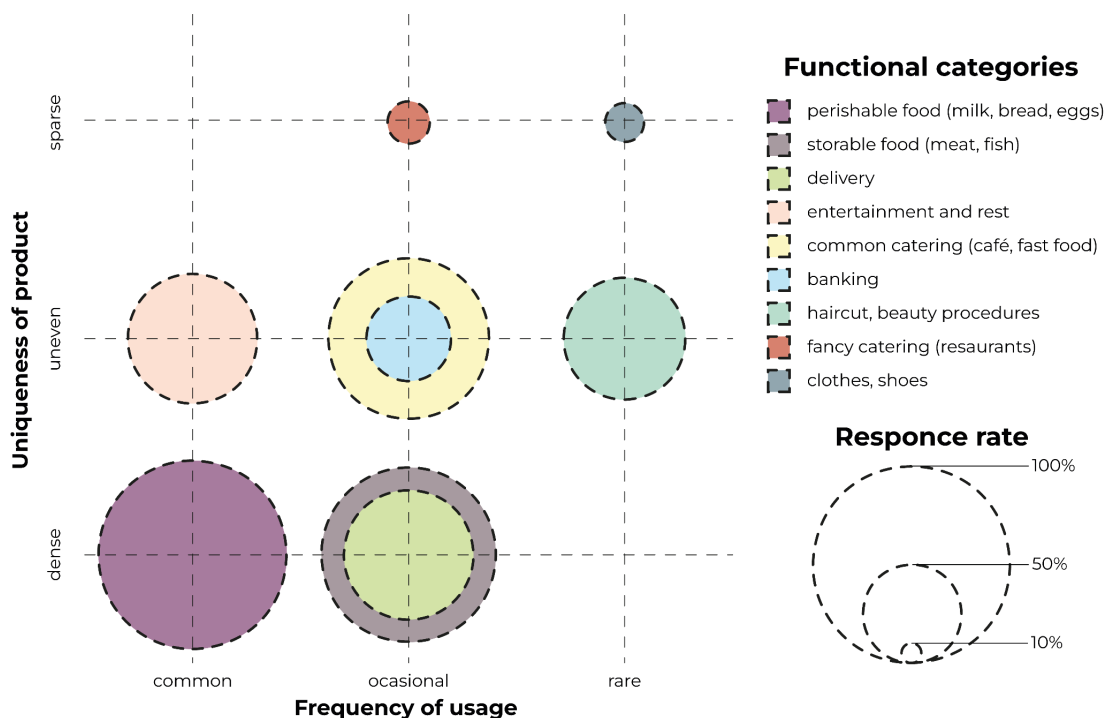
Besides spatial accessibility, respondents point out the quality-price ratio as one of the main factors for choosing a specific food shop. This explains the difference in locations for purchasing perishable and storable food – many respondents do not trust chain stores in terms of meat and fish quality and freshness and prefer more distant but more trustworthy outlets like Preobrazhensky market (4) as the frequency of usage of that category is lower. Similarly, specialized fish or meat stores are preferred if they are located within a walking distance from places of residence.

The general usage pattern of pick-up points is slightly different. Spatial accessibility of pickup points that are characterized by an occasional usage allows local dwellers not to choose the exact location but rather select the service as the average distance from places of residence is the shortest out of all maintenance facilities. Their concentrations, thus, are predominantly the result of convenience of using several outlets with different functions in one place.

Spatial behavior of users diverges for different unevenly spread products (see Fig. 10). Question on entertainment and rest locations, introduced to respondents without specifying the details, appeared to be much more outdoors-centered than expected. People do not see many opportunities like going to the cinema or theater within the polygon that meet their recreational needs, and thus prefer visiting other districts for it, especially the area surrounding the nearby "Semenovskaya" metro station or the historical center. Instead, green zones stand out as the primary places of rest, as plenty of them are within or surrounding the polygon, the most popular being "Sokolniki" (1) and "Cherkizovsky" (2) parks and boulevard

Fig. 8. Functional categorization of maintenance facilities

Source: sociological survey.

Rokossovskoro (3). Overall, this characterizes the territory as more peripheral and monofunctional as no unique locations for recreation were identified.

For other product categories higher object-oriented concentrations were identified, which approves the initial hypothesis about their level of uniqueness. Cafés are mostly decentralized and are not very popular within the polygon – a large proportion of respondents mentioned their expensiveness and low quality of service. The only place of attraction in terms of common catering is the “Yantar” community center (4) which was named by younger respondents. Besides cafés, it resides several other outlets and serves as a venue for a diverse leisure time.

Locations of beauty services are also highly dispersed throughout the territory. People tend to choose a beauty salon or a hairdresser based on individual preferences rather than location. Moreover, some respondents do not have a specific location and regularly switch between different salons. The only detected concentration (5) allows us to identify places of more communal and closed usage like residential complex “Preobrazheniye” meaning its dwellers rarely interact with the rest of the polygon.

Three major ATM and bank locations emerge depending on each respondent’s specific bank preference and general proximity to places of residence (6, 7, 8). A high share of respondents selected several

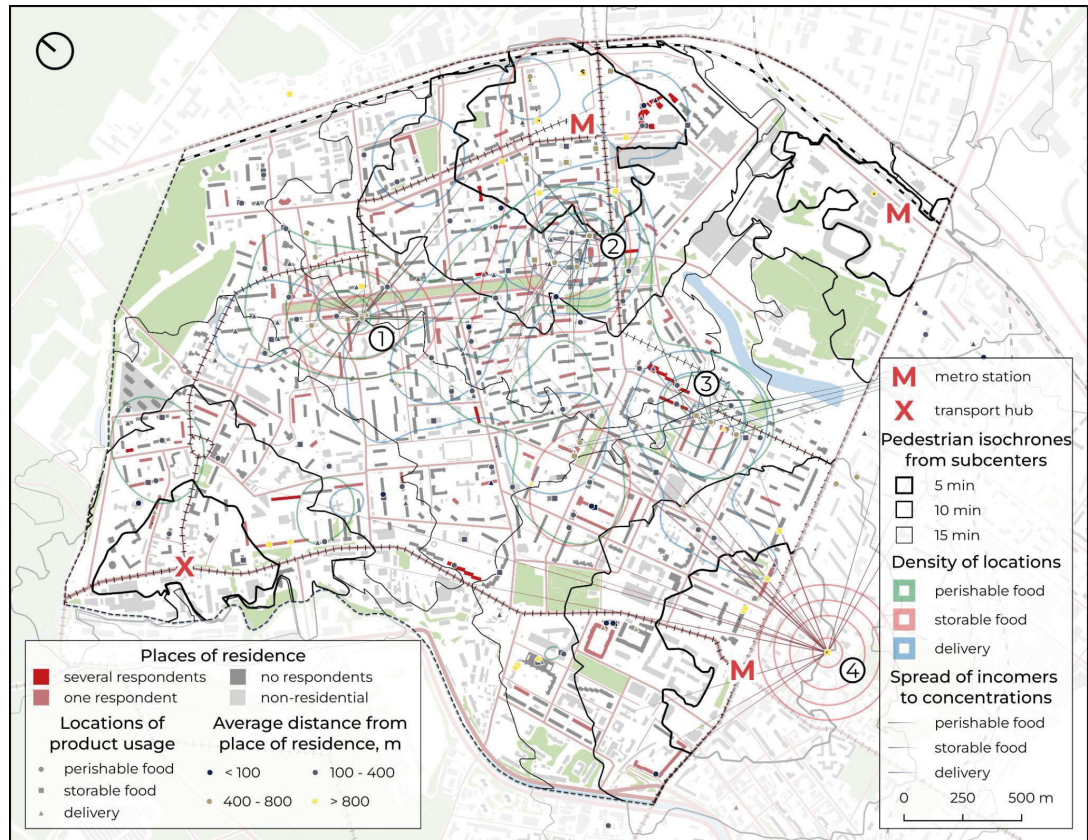
points as their usage depends on the routes they take within the polygon to get to other locations, primarily the hubs. The pattern on exclusive territories is similar to that of beauty procedures.

Finally, maintenance facilities with the most unique products – upscale dining and clothes and shoes – are not represented sufficiently to identify local activity centers which is another indicator of the polygon’s more private and peripheral nature. The responses tend to approve that conclusion, with most respondents preferring to go outside the territory for these products.

Nevertheless, those rare respondents who use unique products on the territory allow us to distinguish some patterns and confirm previous hypotheses. For instance, the restaurants used by respondents partially concentrate in the same community center “Yantar” as cafés. This happens due to differing understanding of what a café and a restaurant are based on individual lifestyles and habits. If the respondent is a regular visitor of catering facilities, they might downgrade most of them to cafés, while those who rarely eat outside places of residence tend to elevate the status of facilities they visit. Clothes and shoes outlets named by respondents concentrate near “Bulvar Rokossovskogo” metro station in large shopping malls. Even though the nucleus is not detected in that place by the model, the pattern to gravitate towards locations of higher importance on the city scale is evident.

Fig. 9. Distribution of common product locations

Source: sociological survey.

With the peculiarities of each product category reviewed, the general picture can be drawn. The trend for polarization in the areas of uncertainty based on consumption of non-unique products looms with “Slavich” mall as well as two locations of high transport accessibility and population flows. “Yantar” community center is focused on providing more unique and occasional products and serves as a meeting point for certain groups of users. The principal similarity of these locations is the possibility to meet multiple needs without the necessity to travel away from the immediate proximity of a place of residence. This logic weakens with the levels of uniqueness and frequency of usage – if some unique and rarely used product is required, more effort may be invested to achieve it.

This belt of local concentrations of different product usage indicates the existence of a distinct type of structural element that has not been considered properly in urban spatial organization studies before. It does not function on the city scale as the nuclei highlighted by different models represent the nodes where people commute from other areas. Nuclei framework hence plays the role of a “skeleton” of an urban organism that defines the general connections. Local

concentrations that maintain the quality of life for all urban dwellers can be regarded as “ligaments” in that metaphor, bonding the parts of flesh representing urban fabric. Thus, when describing and analyzing the functioning of the city structure, from now on they must be considered as well.

Conclusion

The results of the survey do not match the spatial structure highlighted by the Vysokovsky model and bring a contrasting layer of an actual local human activity. The nature of the model’s nuclei and collected locations’ concentrations differ fundamentally in understanding human activity on city and local scales. Model-allocated nuclei attract local dwellers primarily for unique and rarely used products. Local concentrations, on the other hand, include facilities with mass products that must be more accessible. They may not provide a lot of options (in fact, the number of actual outlets may be quite small), but their most important feature is the diversity of functions. Apart from the products included in the survey there are many small businesses that provide basic essential goods and services like all kinds of repairs, pet products or medications. They may exist

Fig. 10. Distribution of uneven product locations

Source: sociological survey.

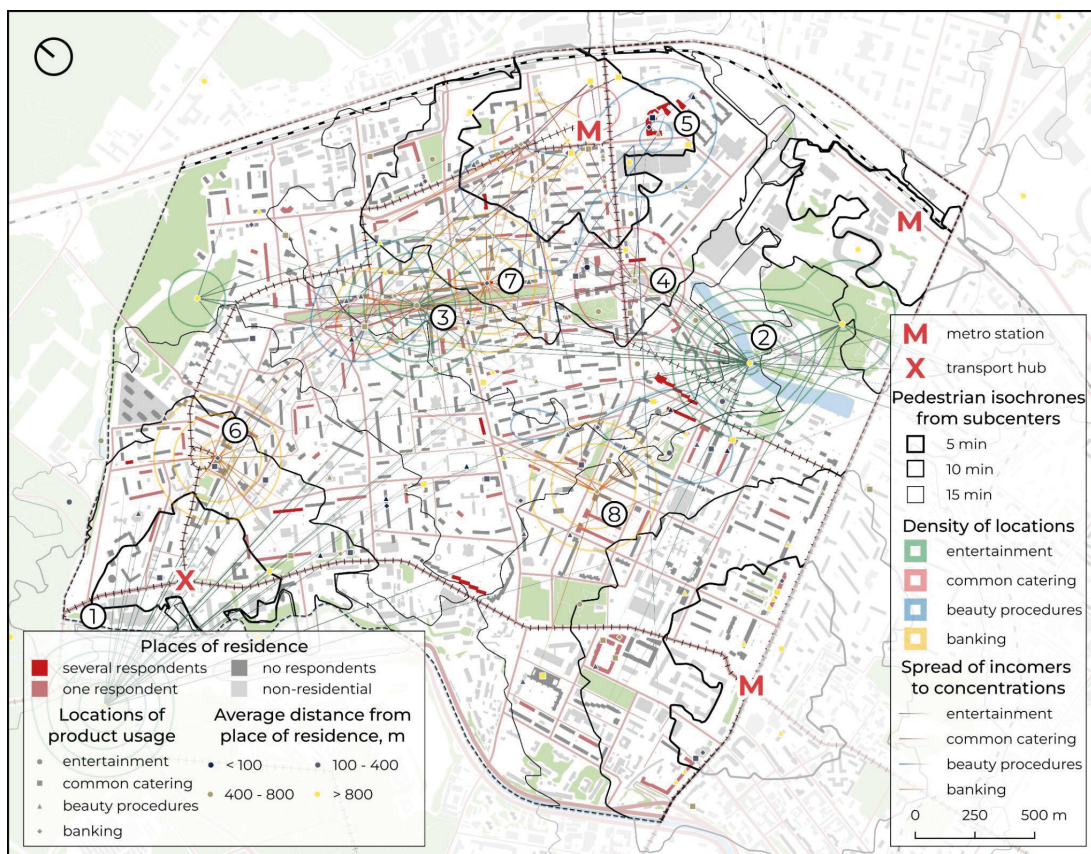
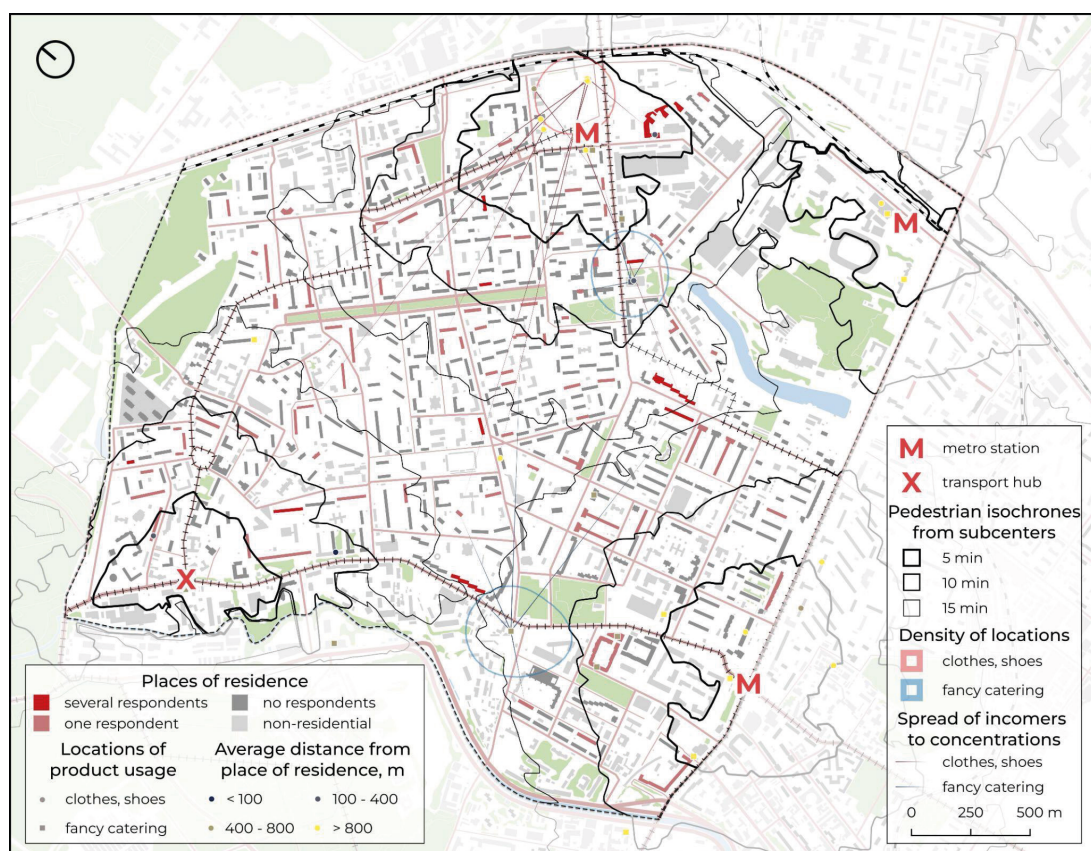

Fig. 11. Distribution of sparse product locations

Source: sociological survey.

within a larger facility – mall or community center – or gravitate naturally if first floors of the buildings are available for businesses or they are able to find alternative accommodation without any commercial premises.

Another type of space organization is a closed residential complex which includes essential facilities and excludes its dwellers from the surrounding territory's life. The example of "Preobrazheniye" demonstrates that it is not necessary to leave the complex boundary of both common and uneven products, and the proximity of a metro station is more important than the availability of facilities on the rest of the polygon territory. Thus, the development of such self-centered type of built-up environment is harmful for urban tissue functioning as it hinders the socio-behavioral coherency of territories.

This research has several limitations that should be taken into account when citing or replicating the methodology. First, the applied version of the morphological approach of the Vysokovsky model is simplified compared to the original and identifies the nuclei less precisely. Second, the research shows only generalized patterns of local activity and does not specify them for different groups of population, based on either age-sex or social division. Third, the survey does not fully capture each respondent's full activity area but rather its most noticeable and distinctive parts that allow us to single out the general pattern of local spatial behavior. And finally, the study was conducted in a geographically isolated polygon with a distinctive area of uncertainty and hubs forming it. This territory is a perfect location to highlight a clearly defined phenomenon, but depending on spatial configurations of other territories such features may not always occur.

Our findings have implications for understanding the connection between the established urban frame and actual behavioral patterns on a local scale. One of the possible next steps in describing local human activity from the spatial organization point of view is adding behavioral scenarios into the research. Such an approach can help to create a transition from regarding separate products to modeling sequences of actions that are possible within certain areas. Consumer logic works great when applied to separate products, but urban dwellers never act like homo economicus, making irrational decisions and switching

behavior based on different factors. They are always subjects to new trends in all spheres of life as well as countless external sources of influence. Moreover, the recent paper on urban economic resilience of businesses and communities from changes in spatial behavior in a response to various shocks reveals a cascading effect which is itself a result of a complex set of factors shaping spatial organization [Yabe et. al., 2024]. Thus, the understanding of decision-making process on location choice and route selection is crucial when studying urban spatial structure.

References

- Alonso W. (1964) Location and Land Use. Towards a General Theory of Land Rent. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Alyapkina A.V. (2019) Prostranstvenno-vremennye zakonomernosti v razmeshchenii i funktsionirovanii tsentrov aktivnosti v g. Moskve [Spatiotemporal dependencies of activity centers placement and functioning in the city of Moscow]. Master's dissertation, Moscow.
- Anas A., Arnott R., Small K.A. (1998) Urban Spatial Structure. *Journal of Economic Literature*, vol. 36, no 3, pp. 1426-1464.
- Anderson N.B., Bogart W.T. (2001) The Structure of Sprawl: Identifying and Characterizing Employment Centers in Polycentric Metropolitan Areas. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 60, no 1, pp. 147-169.
- Anselin L. (1995) Local Indicators of Spatial Association – Lisa. *Geographical Analysis*, vol. 27, no 2, pp. 93-115.
- Brade I., Axenov K., Bondarchuk E. (2007) The Transformation of Urban Space in Post-soviet Russia. London: Taylor & Francis.
- Burger M., Meijers E. (2012) Form Follows Function? Linking Morphological and Functional Polycentricity. *Urban Studies*, vol. 49, no 5, pp. 1127-1149.
- Burgess E.W. (1924) The Growth of the City: On Introduction to a Research Project. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Christaller W. (1966) Central Places in Southern Germany/C.W. Baskin (trans.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Craig S.G., Ng P.T. (2001) Using Quantile Smoothing Splines to Identify Employment Subcenters in a Multicentric Urban Area. *Journal of Urban Economics*, vol. 49, no 1, pp. 100-120.
- Djolo G. (2013) The Herfindahl-Hirschman index as a decision guide to business concentration: A statistical exploration. *Journal of Economic and Social Measurement*, vol. 38, no 3, pp. 201-227.
- Em P.P. (2017) Bol'shoj gorod kak samostojatel'naja sistema tsentral'nykh mest (na premere Moskvy) [Big city as an independent system of central places (on the

- example of Moscow)], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no 3, pp. 34–42. (in Russian)
- Em P.P. (2018) Razvitiye sistemy tsentral'nykh mest moskovskogo stolichnogo regiona v postsovet'skiy period [Development of Central Place System of Moscow's capital region in Post-Soviet Period]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no 4, pp. 75–83. (in Russian)
- Filanova T.V. (2008) Formirovaniye lokal'nykh sotsial'no-territorial'nykh obrazovaniy v krupnejshem slozhivshemysya gorode (na primere g. Samary) [Formation of local socio-territorial formations in the largest established city (on the example of the city of Samara)]. Doctoral dissertation, St. Petersburg. (in Russian)
- Gaikova L.V. (2015) Politsentrizm kak paradigma razvitiya rossijskikh gorodov [Polycentricity as Russian cities' development paradigm]. *Teoriya arkhitektury* [Theory of architecture], no 2, pp. 69–81. (in Russian)
- Garcia-López M.Á. (2010) Population Suburbanization in Barcelona, 1991–2005: Is Its Spatial Structure Changing? *Journal of Housing Economics*, vol. 19, no 2, pp. 119–132.
- Getis A., Ord J.K. (1992) The Analysis of Spatial Association by Use of Distance Statistics. *Geographical Analysis*, vol. 24, no 3, pp. 113–136.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles region. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 21, no 2, pp. 163–182.
- Goncharov R.V., Gudzh T.V. (2023) Modeli gorodskoy politsestrichnosti: kompleksnyy instrument obosnovaniya resheniy o gorodskom razvitii [Models of urban polycentricity: complex tool for urban development solutions justification]. *A.A. Vysokovskiy Forum* [Conference presentation]. Available at: <https://youtu.be/J-GULDOMbrc?t=1863> (accessed: 18.08.2024). (in Russian)
- Goncharov R.V., Nikogosyan K.S. (2017) Vyyavleniye tsentrov aktivnosti v gorode: sopostavleniye obyektivnykh i kognitivnykh dannykh [Detection of activity centers in the city: objective and cognitive data comparison]. *XVII April International Conference on Economic and Social Development*. In 4 books. Book 1. NRU HSE, pp. 333–342. (in Russian)
- Gostev M.V. (2018) Ob evristicheskoy prirode modelej evolyutsionnogo gorodskogo razvitiya [On the Heuristic Nature of Evolutionary Urban Development Models], *Gorodskkiye issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 3, no 1, pp. 7–22. (in Russian)
- Gostev M.V. (2022) Neravnomernoye rayonirovannaya model' goroda: istoki – razvitiye – primeneniye – vliyaniye [Irregular Areas Urban Model: Genesis – Evolution – Application – Influence], *Gorodskkiye issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 7, no 1, pp. 106–125. (in Russian)
- Gostev M.V. (2023) Vyjavleniye planirovochnoy spetsifiki stolitsy v materialah kontseptsii perspektivnogo razvitiya Moskvy 1986 goda A.E. Gutnova [Revealing the Planning Specificity of Moscow in Gutnov's 1986 Perspective Development Conception]. *Gorodskkiye issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 7, no 4, pp. 54–67. (in Russian)
- Green N. (2007) Functional Polycentricity: A Formal Definition in terms of Social Network Analysis. *Urban Studies*, vol. 44, no. 11, pp. 2077–2103.
- Gutnov A.E. (1984) Evolyuciya gradostroitel'stva [Urban Planning Evolution]. Moscow: Strojizdat. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1985) Sistemnyy podhod v izuchenii goroda: osnovaniya i kontury teorii gorodskogo razvitiya [Systematic approach to urban studies: basement and contours of urban development theory]. *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy* [System Studies. Methodological Problems]. Moscow: Nauka, pp. 211–232. (in Russian)
- Harris C.D., Ullman E.L. (1945) The Nature of Cities. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 242, pp. 7–17.
- Horton F.E., Reynolds D.R. (1971) Effects of Urban Spatial Structure on Individual Behavior. *Economic geography*, vol. 47, no 1, pp. 36–48.
- Huff D.L. (1963) A Probabilistic Analysis of Shopping Center Trade Areas. *Land Economics*, vol. 39, no 1, pp. 81–90.
- Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik [Human Geography: concepts and terms. Encyclopedic dictionary] (2013) /Ed. by A.P. Gorkin. Smolensk: Oecumene. (in Russian)
- Jaume M.T. (2012) Towards a Methodology to Identify and Characterize Urban Sub-Centers: Employment Entropy Information Versus Employment Density. *RSA European Conference*, pp. 1–38.
- Kotov E.A. (2017) Gorodskaya politsestrichnost' na osnove tochek prityazheniya [Urban polycentricity based on points of interest]. *Data & Science 2017* [Conference presentation]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ccMpN7ZihLo> (accessed: 15.08.2024). (in Russian)
- Kotov E.A., Goncharov R.V., Novikov A.V., Nikogosyan K.S., Gorodnichev A.V. (2016) Moskva: kurs na policentrichnost'. Ocenka ehffektov gradostroitel'nykh proektov na policentricheskoe razvitiye Moskvy [Moscow: Direction to the Polycentricity. Urban Planning Projects Effects Evaluation on the Polycentric Moscow Development]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Lynch K. (1960) The Image of the City. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- McDonald J.F. (1987) The Identification of Urban Employment Subcenters. *Journal of Urban Economics*, vol. 21, no 2, pp. 242–258.

- McDonald J.F., McMillen D.P. (1990) Employment Subcenters and Land Values in a Polycentric Urban Area: The Case of Chicago. *Environment and Planning A*, vol. 22, no 12, pp. 1561–1574.
- McDonald J.F., Prather P.J. (1994) Suburban Employment Centers: The Case of Chicago. *Urban Studies*, vol. 31, no 2, pp. 201–218.
- McMillen D.P. (2001a) Nonparametric Employment Subcenter Identification. *Journal of Urban Economics*, vol. 50, no 3, pp. 448–473.
- McMillen D.P. (2001b) Polycentric Urban Structure: The Case of Milwaukee. *Economic Perspectives-Federal Reserve Bank of Chicago*, vol. 25, no 2, pp. 15–27.
- McMillen D.P., Lester T.W. (2003) Evolving Subcenters: Employment and Population Densities in Chicago, 1970–2020. *Journal of Housing Economics*, vol. 12, no 1, pp. 60–81.
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The Number of Subcenters in Large Urban Areas. *Journal of Urban Economics*, vol. 53, no 3, pp. 321–338.
- Oldenburg R. (1989) *The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York: Paragon House.
- Palan N. (2010) Measurement of Specialization the Choice of Indices (No. 62). FIW working paper.
- Parfyonova D.V. (2020) Faktory formirovaniya tsentrov nochnoy aktivnosti v Moskve [Factors of night activity centers formation in Moscow]. Master's dissertation, Moscow.
- Ram S., Jung H.S. (1990) The Conceptualization and Measurement of Product Usage, *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 18, pp. 67–76.
- Redfearn C.L. (2007) The Topography of Metropolitan Employment: Identifying Centers of Employment in a Polycentric Urban Area. *Journal of Urban Economics*, vol. 61, no 3, pp. 519–541.
- Rodoman B.B. (1999) Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii [Territorial Areas and Networks. Theoretical Geography Essays]. Smolensk: Ojkumena. (in Russian)
- Schönfelder S., Axhausen K.W. (2004a) On the Variability of Human Activity Spaces. *The Real and Virtual Worlds of Spatial Planning*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, pp. 237–262.
- Schönfelder S., Axhausen K.W. (2004b) Structure and Innovation of Human Activity Spaces. Full length manuscript for ISTTT 16. October 2004. Zurich.
- Shearmur R., Coffey W.J. (2002) A Tale of Four Cities: Intrametropolitan Employment Distribution in Toronto, Montreal, Vancouver, and Ottawa-Hull, 1981–1996. *Environment and Planning A*, vol. 34, no. 4, pp. 575–598.
- Timmermans H., Van Der Heijden R., Westerveld H. (1982) A Tale of Four Cities: Intrametropolitan Employment Distribution in Toronto, Montreal, Vancouver, and Ottawa-Hull. *Geoforum*, vol. 13, no 1, pp. 27–37.
- Von Thünen I. (1926) *Izolirovannoje gosudarstvo* [Isolated State]. Moscow: Ekonomicheskaja zhizn' [Economic Life]. (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (1986) Prostranstvennoe prognozirovanie zastrojki slozhivshihsja gorodov [Spatial Forecast of Urban Development]. Moscow: CNTI po grazhdanskomu stroitel'stvu i arhitekture. (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (1997) Round table "Teoreticheskiye modeli prostranstvennoj organizatsii goroda i vozmozhnye strategii razvitiya gorodov v sovremennykh usloviyakh [Theoretic models of urban spatial organization and possible strategies of city development under modern conditions]". NIITAG. [Electronic version]. Available at: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/1998/1/3-2.htm> (accessed: 20.08.2024). (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (2005) Pravila zemlepol'zovaniya i zastrojki: rukovodstvo po razrabotke. Opyt vvedeniya pravovogo zonirovaniya v Kyrgyzstane [Zoning Ordinance: Development Manual. Zoning Implantation Experience in Kyrgyzstan]. Bishkek: Ega-Basma. (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (2015) Udobnyj gorod: tri urovnya sozidaniya [Comfortable City: Three Levels of Creation]. *Vysokovsky A.A.: Sobr. soch. v 3 tomah* [Collected Works: In 3 Volumes]. Vol. 3. Public. M.: Grey Matter, pp. 18–21. (in Russian)
- Yabe, T., García Bulle Bueno, B., Frank, M.R., Pentland, A., & Moro, E. (2024). Behaviour-based dependency networks between places shape urban economic resilience. *Nature Human Behaviour*.
- Xu Y., Shaw S.L., Zhao Z., Yin L., Lu F. Chen J., Fang Z., Li Q. (2018) Another Tale of Two Cities: Understanding Human Activity Space Using Actively Tracked Cellphone Location Data. *Geographies of mobility*. London: Routledge, pp. 246–258.
- Zaichkowsky J.L. (1985) Familiarity: Product Use, Involvement or Expertise? *Advances in consumer research. Association for Consumer Research*, vol. 12, no 1, pp. 296–299.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР ГОРОДСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Буланин Николай Кириллович, независимый исследователь.
E-mail: nbulanin@gmail.com

Статья нацелена на раскрытие и описание ранее опускаемых элементов городской пространственной структуры — локальных субцентров в ареалах безразличия. Большинство современных работ, посвященных изучению организации городского пространства, фокусируются на выявлении крупных ядер без учета межъядерных пространств. Для обоснования существования и значимости таких форм городского пространства применяется видоизмененная модель Высоковского, в том числе социологический подход как полевой опрос в границах полигона исследования. Для описания пространственного поведения местных жителей конструируется двухпараметрическая концептуальная рамка, позволяющая классифицировать товары и сервисы. Полученная репрезентация поляризации локальной активности демонстрирует необходимость большего внимания к периферийным зонам, ранее рассматриваемым в качестве гомогенных.

Ключевые слова: городская пространственная структура; полицентричность; мультимасштабный город; локальная активность населения; ареал безразличия; Москва

Цитирование: Буланин Н.К. (2025) Закономерности локальной активности населения: социологический пересмотр городской пространственной структуры // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202550-67>

Источники

Аляпкина А.В. (2019) Пространственно-временные закономерности в размещении и функционировании центров активности в г. Москве. Магистерская диссертация. Москва.
Высоковский А.А. (1986) Пространственное прогнозирование застройки сложившихся городов. М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре.
Высоковский А.А. (1997) Круглый стол “Теоретические модели пространственной организации города и возможные стратегии развития городов в современных условиях” // НИИТАГ. Режим доступа: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/1998/1/3-2.htm> (дата обращения: 20.08.2024).

Высоковский А.А. (2005) Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Бишкек: Ега-Басма.
Высоковский А.А. (2015) Удобный город: три уровня созидания // Собр. соч.: в 3 т. Т.3. Public. М.: Grey Matter. С. 18–21.
Гайкова Л.В. (2015) Полицентризм как парадигма развития российских городов // Теория архитектуры. Т. 50. № 2. С. 69–81.
Гончаров Р.В., Гудзь Т.В. (2023) Модели городской полицентричности: комплексный инструмент обоснования решений о городском развитии // Форум А.А. Высоковского [Доклад на конференции]. Режим доступа: <https://youtu.be/J-GU1D0Mbrc?t=1863> (дата обращения: 18.08.2024).
Гончаров Р.В., Никогосян К.С. (2017) Выявление центров активности в городе: сопоставление объективных и когнитивных данных // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 1. М.: НИУ ВШЭ. С. 333–342.
Гостев М.В. (2018) Об эвристической природе моделей эволюционного городского развития // Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 7–22.
Гостев М.В. (2022) Выявление планировочной специфики столицы в материалах Концепции перспективного развития Москвы 1986 года А.Э. Гутнова // Городские исследования и практики. Т. 7. № 4. С. 54–67.
Гостев М.В. (2022) Неравномерно-районированная модель города: истоки — развитие — применение — влияние // Городские исследования и практики. Т. 7. № 1. С. 106–125.
Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства / А.Э. Гутнов. М.: Стройиздат.
Гутнов А.Э. (1985) Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука. С. 211–232.
Котов Е.А. (2017) Городская полицентричность на основе точек притяжения // Яндекс. Data & Science 2017 [Доклад на конференции]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=c-cMnN7ZihLo> (дата обращения: 15.08.2024).
Котов Е.А., Гончаров Р.В., Новиков А.В., Никогосян К.С., Городничев А.В. (2016) Москва: курс на полицентричность. Оценка

эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы.
Парфёнова Д.В. (2020) Факторы формирования центров ночной активности в Москве. Магистерская диссертация, Москва.
Родоман Б.Б. (1999) Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена.
Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник (2013) / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена.
Филанова Т.В. (2008) Формирование локальных социально-территориальных образований в крупнейшем сложившемся городе (на примере г. Самары). Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, Санкт-Петербург.
Эм П.П. (2017) Большой город как самостроительная система центральных мест (на примере Москвы) // Региональные исследования. № 3. С. 34–42.
Эм П.П. (2018) Развитие системы центральных мест московского столичного региона в постсоветский период // Региональные исследования. № 4. С. 75–83.
Alonso W. (1964) Location and Land Use. Towards a General Theory of Land Rent. Cambridge, MA: Harvard University Press.
Anas A., Arnott R., Small K.A. (1998) Urban Spatial Structure // Journal of Economic Literature. Vol. 36. No. 3. P. 1426–1464.
Anderson N.B., Bogart W.T. (2001) The Structure of Sprawl: Identifying and Characterizing Employment Centers in Polycentric Metropolitan Areas // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 60. No. 1. P. 147–169.
Anselin L. (1995) Local Indicators of Spatial Association — Lisa // Geographical Analysis. Vol. 27. No. 2. P. 93–115.
Brade I., Axenov K., Bondarchuk E. (2007) The Transformation of Urban Space in Post-soviet Russia. L.: Taylor & Francis.
Burger M., Meijers E. (2012) Form Follows Function? Linking Morphological and Functional Polycentricity // Urban Studies. Vol. 49. No. 5. P. 1127–1149.
Burgess E.W. (1924) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. Chicago, IL: University of Chicago Press.
Christaller W. (1966) Central Places in Southern Germany / C.W. Baskin

- (trans.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Craig S.G., Ng P.T. (2001) Using Quantile Smoothing Splines to Identify Employment Subcenters in a Multicentric Urban Area//*Journal of Urban Economics*. Vol. 49. № 1. P. 100-120.
- Djolv G. (2013) The Herfindahl-Hirschman index as a decision guide to business concentration: A statistical exploration//*Journal of Economic and Social Measurement*. Vol. 38. № 3. P. 201-227.
- García-López M.À. (2010) Population Suburbanization in Barcelona, 1991-2005: Is Its Spatial Structure Changing?//*Journal of Housing Economics*. Vol. 19. № 2. P. 119-132.
- Getis A., Ord J.K. (1992) The Analysis of Spatial Association by Use of Distance Statistics.//*Geographical Analysis*. Vol. 24. № 3. P. 113-136.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles region//*Regional Science and Urban Economics*. Vol. 21. № 2. P. 163-182.
- Green N. (2007) Functional Polycentricity: A Formal Definition in terms of Social Network Analysis//*Urban Studies*. Vol. 44. № 11. P. 2077-2103.
- Harris C.D., Ullman E.L. (1945) The Nature of Cities//*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 242. P. 7-17.
- Horton F.E., Reynolds D.R. (1971) Effects of Urban Spatial Structure on Individual Behavior//*Economic geography*. Vol. 47. № 1. P. 36-48.
- Huff D.L. (1963) A Probabilistic Analysis of Shopping Center Trade Areas//*Land Economics*. Vol. 39. № 1. P. 81-90.
- Jaume M.T. (2012) Towards a Methodology to Identify and Characterize Urban Sub-Centers: Employment Entropy Information Versus Employment Density//*RSA European Conference*. P. 1-38.
- Lynch K. (1960) *The Image of the City*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- McDonald J.F. (1987) The Identification of Urban Employment Subcenters//*Journal of Urban Economics*. Vol. 21. № 2. P. 242-258.
- McDonald J.F., McMillen D.P. (1990) Employment Subcenters and Land Values in a Polycentric Urban Area: The Case of Chicago//*Environment and Planning A*. Vol. 22. № 12. P. 1561-1574.
- McDonald J.F., Prather P.J. (1994) Suburban Employment Centres: The Case of Chicago//*Urban Studies*. Vol. 31. № 2. P. 201-218.
- McMillen D.P. (2001a) Nonparametric employment subcenter identification//*Journal of Urban Economics*. Vol. 50. № 3. P. 448-473.
- McMillen D.P. (2001b) Polycentric Urban Structure: The Case of Milwaukee//*Economic Perspectives-Federal Reserve Bank of Chicago*. Vol. 25. № 2. P. 15-27.
- McMillen D.P., Lester T.W. (2003) Evolving Subcenters: Employment and Population Densities in Chicago, 1970-2020//*Journal of Housing Economics*. Vol. 12. № 1. P. 60-81.
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The Number of Subcenters in Large Urban Areas//*Journal of Urban Economics*. Vol. 53. № 3. P. 321-338.
- Oldenburg R. (1989) *The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. N.Y.: Paragon House.
- Palan N. (2010) Measurement of specialization the choice of indices (No. 62). FIW working paper.
- Ram S., Jung H.S. (1990) The Conceptualization and Measurement of Product Usage//*Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 18. P. 67-76.
- Redfeare C.L. (2007) The Topography of Metropolitan Employment: Identifying Centers of Employment in a Polycentric Urban Area//*Journal of Urban Economics*. Vol. 61. № 3. P. 519-541.
- Schönfelder S., Axhausen K.W. (2004a) On the Variability of Human Activity Spaces//*The Real and Virtual Worlds of Spatial Planning*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. P. 237-262.
- Schönfelder S., Axhausen K.W. (2004b) Structure and Innovation of Human Activity Spaces. Full length manuscript for ISTTT 16. October 2004. Zurich.
- Shearmur R., Coffey W.J. (2002) A Tale of Four Cities: Intrametropolitan Employment Distribution in Toronto, Montreal, Vancouver, and Ottawa-Hull, 1981-1996//*Environment and Planning A*. Vol. 34. № 4. P. 575-598.
- Timmermans H., Van Der Heijden R., Westerveld H. (1982) A Tale of Four Cities: Intrametropolitan Employment Distribution in Toronto, Montreal, Vancouver, and Ottawa-Hull//*Geoforum*. Vol. 13. № 1. P. 27-37.
- Von Thünen I. (1926) *Izolirovannoje gosudarstvo [Isolated State]*. Moscow: Ekonomicheskaja zhizn' [Economic Life]. (in Russian)
- Xu Y., Shaw S.L., Zhao Z., Yin L., Lu F., Chen J., Fang Z., Li Q. (2018) Another Tale of Two Cities: Understanding Human Activity Space Using Actively Tracked Cellphone Location Data//*Geographies of mobility*. L.: Routledge. P. 246-258.
- Yabe T., García Bulle Bueno B., Frank M.R., Pentland A., Moro E. (2024) Behaviour-Based Dependency Networks Between Places Shape Urban Economic Resilience//*Nature Human Behaviour*. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-024-02072-7>.
- Zaichkowsky J.L. (1985) Familiarity: Product Use, Involvement or Expertise?//*Advances in Consumer Research*. Association for Consumer Research. Vol. 12. № 1. P. 296-299.

Адаптация или имитация: поиск комфортной среды арктических городов¹

Софья Прокопова

Российские арктические города представляют собой уникальный феномен, не имеющий аналогов в других северных странах по сочетанию экстремальных климатических условий и большей численности населения [Shiklomanov, Laruelle, 2017]. Сеть крупных промышленных городов сформировалась на советском Крайнем Севере в результате экстенсивной урбанизации, в ходе которой Сибирская Арктика стала самым холодным из постоянно населенных регионов земного шара [Hemmersam, 2021]. Эти крупные городские центры служили «плановыми» стратегическими форпостами, закрепляющими продвижение советской культуры и промышленности в северные широты [Kalemeneva, 2019]. Сформированная в тот период архитектурная среда сегодня служит основой развития городов, а сами города обеспечивают социальной инфраструктурой и институтами новые промышленные проекты [Nyseth, 2017].

Глобальная Арктика остается одним из «наиболее последовательно эксплуатируемых» регионов на Земле и продолжает «определяться извне» [Huggan, 2015]. Арктика по-прежнему представляется централизованным взглядом на «пустой» и «периферийный» Север [Hemmersam, 2016] как на «северное Эльдorado», способное обогатить ресурсную базу страны [Мартыанов, 2015]. Однако теперь пространственный экспансионизм обусловлен неоллиберальными практиками, характерными для рыночной экономики [Kinossian, 2017], а не плановой советской индустриализацией. Специфические для нашей страны асимметричные отношения между центральными и окраинными регионами еще больше от-

Прокопова Софья Михайловна, младший научный сотрудник, проектно-исследовательская лаборатория арктического дизайна, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ); Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: sofia.prokopova@gmail.com

Несмотря на признание факта уникальности региона, феномен арктической архитектуры в нашей стране сегодня ограничивается преобразованием городской среды с опорой на мейнстрим или созданием закрытой среды взамен открытого общественного пространства. Мы выдвигаем гипотезу, что эти подходы основаны на продолжающейся попытке «присвоить» регион через его «комфортизацию», что актуализирует обращение к деколониальному анализу преобладающих проектных репрезентаций. Тогда как поиск адаптированного подхода сталкивается со сложностями «понимания» региона архитектурой, что ведет к обращению к распространенным подходам или к имитации привычной для архитектуры среды в искусственном микроклимате. Следовательно, необходимы отказ от взгляда на Арктику с «южных позиций» и формирование концептуальной базы, основанной на понимании особенностей «северности». Поскольку пространство города рассматривается и как носитель дискурса, и как его результат, этот сдвиг может сыграть важную роль в оспаривании существующего взгляда на «пустую» и «враждебную» Арктику.

Ключевые слова: арктическая архитектура; городская среда; урбанизация Арктики; Российский Север; архитектурное пространство; адресный подход

Цитирование: Прокопова С. М. (2025) Адаптация или имитация: поиск комфортной среды арктических городов // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202568-86>

1. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-01426. Доработать статью помогла дискуссия по итогам доклада автора на Форуме имени А. А. Высоковского «Доказательная урбанистика: инструменты профессионалов» (НИУ ВШЭ, 16–17 мая 2024 г.).

деляют Арктику от «развитых» городских сетей [Hemmersam, 2016; Nefedova et al., 2022], что усиливает идеи «модернизации» и «комфортизации» северных городов [Gunko et al., 2022]. Признание подобных отношений, влияние которых проявляется в проектных репрезентациях, ставит под сомнение актуальность предлагаемых в архитектурно-дизайнерском дискурсе способов формирования устойчивой комфортной среды в арктическом городе.

Архитектурные репрезентации, являясь воплощением социальных нарративов, могут быть одним из факторов, поддерживающих «ресурсное» восприятие региона, по сути противоположное устойчивому подходу. В эпоху глобальных экологических изменений, вызванных антропогенной деятельностью, цели архитектуры и дизайна должны сместиться от ограниченного внимания к эстетике и благоустройству — к системному формированию того, как мы ощущаем, осмысливаем и формируем пространство. Поэтому особую актуальность приобретает анализ существующих подходов к современной архитектуре Севера, чтобы определить, продолжает ли среда города развиваться в сторону колониального покорения или же переходит к устойчивым отношениям с Севером через предлагаемые проектные решения.

Проблема состоит в том, что поиск новой арктической архитектуры базируется на практике переноса мейнстрим-благоустройства в северные широты. В результате среда города, одновременно являясь и производным, и производящим, поддерживает взгляд на Арктику как на периферийный регион, который нужно присвоить через материальную культуру и из-за своей неадаптированности под местные условия усиливает «разочарование», связанное со сложными климатическими условиями региона, что, в свою очередь, укрепляет отношение к Северу как к периферийной, неподдающейся «модернизации» и «комфортизации» части страны.

Мы провели анализ, обобщение и систематизацию проектных предложений для открытых общественных пространств городов континентальной Арктики России, а именно проекты отдельных общественных пространств, мастер-планы и их содержательное наполнение. Анализ текущего состояния архитектурной среды арктических городов России также основан на экспедициях с нашим участием в города Новый Уренгой (2019, 2022, 2024) и Тарко-Сале (2019 и 2024) и по результатам кратковременных поездок в Якутск, Архангельск и Салехард.

Согласно теории производства пространства Анри Лефевра [Лефевр, 2015], городское пространство не конечно, а находится в постоянном диалектически связанном процессе воспроизводства. Взгляд на город с такой позиции позволяет проанализировать процессы и идеи, под влиянием которых производится городская материальность. В частности, пространство здесь рассматривается и как конструируемое, и как конструирующее: в философии

Лефевра пространство это, с одной стороны, носитель дискурса, с другой стороны, его результат.

Уровень пространственной практики раскрывает город как материальное воплощение социальных процессов в виде физических и материальных потоков и взаимодействий, обеспечивающих производство пространства [Harvey, 1989]. Роль архитектуры состоит в связывании и материализации в пространстве социальной реальности (в форме маршрутов, объектов и их функций, форм досуга и коммуникаций), воспроизводстве пространственных отношений между объектами и обеспечении непрерывности этого процесса. Являясь воплощенной формой социального, архитектура материализует нарративы социума в городской среде [Schmidt, 2012]. Для нас здесь важно, как предлагаемые для арктических городов России проекты формируют городскую реальность: отношение жителей к городу и региону, возможности, предоставляемые средой, и наполнение ее различными формами жизнедеятельности.

Рассматриваемый нами дискурс, касающийся поиска архитектуры для Арктики, относится к уровню репрезентаций пространства, определяемому как система идей, которая отражает пространство и определяет его дальнейшее развитие [Schmidt, 2012; Harvey, 1989]. Проектные репрезентации — это лишь одна из частей данной сферы, и она формируется во взаимодействии с другими элементами измерения: политическими и экономическими акторами, производящими знания, власть, нормы и правила [Schmidt, 2012]. Соответственно, производство и анализ репрезентаций города в виде архитектурных проектов невозможны без изучения их взаимосвязи с широким контекстом города. Этот тезис предполагает и обратное: проектные идеи могут рассматриваться как отражение общих тенденций в восприятии региона.

Данная теоретическая рамка также позволяет нам более широко посмотреть на объект теории и практики архитектуры — городскую среду. Архитектурное формирование пространства не должно представлять собой проектирование абстрактного материального фона городских процессов. В нашем исследовании в качестве объекта проектирования предлагается *пространство репрезентаций* как уровень «ощущений, воображения, эмоций и смысла», переживаемых людьми изо дня в день [Castree, Gregory, 2008]. Здесь пространство города видится как «конкретный, практический опыт» жителей, порождающий «неявные системы ценностей» [Schmidt, 2012]. А именно архитектура формирует предметно-пространственную среду, в которой протекает городская повседневность как преобладающая форма жизнедеятельности [Friedmann, 1999]. В ограниченном взгляде на проектирование вне социального и индивидуального восприятия архитектура выражает свою собственную «культурную неактуальность», характеризующуюся «социальной пустотой» и «общим отсутствием этической цели», которая бы выходила за рамки

Рис. 1. Новый Уренгой, август 2022 г. (авторы фото — Кирилл Устинов и Александра Раева)

Источник: фото автора.

«технократического мастерства, экономического редукционизма или романтической экстравагантности» [Coleman, 2015]. Иными словами, неактуальным оказывается сосредоточение лишь на архитектурном пространстве как на исключительно предметно-пространственном окружении без проектирования связи с опытом и потенциалом обживания пространства.

Таким образом, если пространство репрезентаций производит знание, то репрезентации пространства — значение [Schmidt, 2012], формирующееся в ходе динамичных процессов проживания в определенной среде [Hale, 2016; Norberg-Schulz, 2012]. Отдаление архитектуры от смыслового содержания повседневных практик приводит к разрыву между статичной визуализацией проекта и реальным опытом обживания пространства. Поэтому мы считаем, что мы имеем дело с недостатками «понимания» Арктики в практиках по архитектурному планированию и дизайну среды в результате некритического обращения к распространенным подходам по изменению городской среды, характерным для современного архитектурного мейнстрима, что приводит к формированию городской среды, неадаптированной к потребностям жителей и природно-климатическим условиям региона.

С нашей точки зрения, необходима критическая деконструкция идей и представлений, на основе которых формируется городская среда Арктики [Irani et al., 2010]. Разрушая строгую вертикальную иерархию между проектированием и конечными пользователями, а также между «модернизированными» и «неразвитыми» районами, такая перспектива дает дизайну и архитектуре основу для адаптивных и децентрализованных методов анализа и проектирования [Begum, 2015]. Использование подобной оптики позволяет увидеть препятствия для формирования действительно комфортной среды в самом дискурсе, направленном на поиск комфортной среды Арктики.

Архитектурная среда арктических городов России

Глаголы «завоевать» и «приручить» использовались в советском дискурсе развития Севера и остаются распространенными сегодня, но с небольшими различиями в значении. Самый часто используемый глагол — «освоить», в советский период означающий «завоевание» и «присвоение», сегодня стал означать «развитие» или «открытие» [Hodgson, 2023]. Однако исследователи утверждают, что сам выбор слова, означающего «процесс превращения чего-либо в свое собственное», является показательным [Hodgson, 2023]. Будь то завоевание, развитие или модернизация — все эти интерпретации подразумевают односторонние властные отношения, в которых один субъект покорен другим (в данном случае это «периферийный» Север под властью «более южного» Центрального региона).

Именно направление «сверху-вниз» определяло и определяет тенденции развития архитектурной среды Арктики. Как это свойственно для освоения новых территорий, в урбанизацию Крайнего Севера уже в советское время привносилась материальная культура, распространенная в «основной» части страны [Huse, 2024]. Архитектура играла важную роль в символическом освоении пространства: привычная для советских городов того времени городская среда, перенесенная в высокие широты, рассматривалась как героическая победа советской культуры и промышленности над тяжелыми климатическими условиями, позднее — как форма модернизации и «нормализации» Арктики [Kalemeneva, 2019; Zamyatina, Goncharov, 2019].

Кроме того, модернистская модель урбанизации городов в целом исходила из тезиса о схожих проблемах городов Севера и Юга, а значит, для их решения можно применять один и тот же подход [Hemmersam, 2021]. Вопросы адаптации архитектуры сводились к технической составляющей строительства на вечной мерзлоте — созданию северных модификаций типовой архитектуры, а также к изменениям в планировке поселений, направленным на смягчение климатического воздействия [Jull, 2017]. В результате основные характеристики среды современного арктического города России — это геометрически правильная планировка улиц, преобладание типовой архитектуры, использование стандартных типов открытых общественных пространств — парков и скверов, пешеходных улиц, площадей, открытых пространств перед общественными и административными зданиями (рис. 1).

Следуя современной тенденции повышения интереса архитектуры к северным городам, сформированные в советский период общественные пространства сегодня преобразуются под знаком благоустройства. Парки, дворы, скверы и пешеходные улицы получают новое оборудование: уличную мебель, освещение, озеленение. Также появляются новые общественные пространства: набережные

Рис. 2. Парк «Дружба», Новый Уренгой:

2.1. Май 2024 г. (автор — Ольга Устюжанцева)

Источник: фото автора.

2.2. Проект реновации

Источник: <https://pravdaurfo.ru/novost/452347-meriya-novogo-urengoya-nashla-podryadchika-dlya-blagoustrojstva-parka-za-730-millionov/>.

и спортивные площадки. Общее направление этих преобразований — это заимствование подходов к проектированию из уже устоявшихся форм благоустройства вне Москвы (но с ориентацией на нее), то есть использование удешевленных и упрощенных версий «лучших московских практик» [Gunko et al., 2022], предполагающих минимальное адресное проектирование или его полное отсутствие. Такая ситуация отмечена нами в ходе экспедиций в города Западной Сибири, однако, согласно исследованиям, краткосрочные эстетические решения применяются в качестве средств «комфортизации» городов и в других частях Российской Арктики [Gunko et al., 2022], как и в городах средней полосы [Lähteenmäki, Murawski, 2023]. Примеры таких проектов — предложение по реновации парка «Дружба» (рис. 2.2) и обновленная пешеходная улица Интернациональная (рис. 3).

Похожие тенденции наблюдаются и в проектных предложениях: подходы к формированию среды, сложившиеся в «основной» части страны, используются с целью «комфортизации» городов [Gunko et al., 2022]. Если проектные предложения, полностью основанные на переносе привычных элементов инфраструктуры, морфологии среды и предметного наполнения, не представляют интереса из-за очевидного направления на использование исключительно в летний период — в частности, во многих проектах могут полностью отсутствовать «зимние» визуализации (рис. 4) — то поиск способов адаптировать общественные пространства к Арктике предлагает интересные для анализа тенденции. Однако распространение проектов общественных пространств, конфигурация которых полностью повторяет южные образцы, указывает на продолжение попыток превратить среду арктических городов в «нормальную» и «современную» по идеалам урбанистического мейнстрима.

Адаптация и имитация

Большая часть предлагаемых сегодня проектов исходит из представления о сложности арктического климата и необходимости создать открытые общественные пространства, которые можно использовать круглогодично. В проектной практике этот вызов интерпретируется как поиск соотношения между крытым и открытым пространством. Предлагается адаптация традиционных типов открытых общественных пространств через привнесение в них сред с искусственным микроклиматом — в виде павильонов или целых многофункциональных центров (рис. 5).

Город под куполом

Кардинальный вариант противоборства крытого и открытого, существующий в отечественной архитектуре уже с прошлого века, — это идея создания города на Крайнем Севере в виде единого здания или комплекса. Проектная идея подобных разработок исходила из невозможности полноценного освоения жизни на Крайнем Севере — это бескомпромиссно враждебное пространство, а значит, единственный способ коммуникации с ним — это ее отсутствие, то есть полная изоляция человека в искусственной среде. Примерами такого подхода являются предложения советских архитекторов, в которых город скомпонован в несколько зданий с крытыми переходами или полностью покрыт куполом [Калеменева, 2019]. Сегодня идея полного переноса целого города внутрь мегапостройки жива в виде исключительно концептуальных работ (рис. 5.2), которые, однако, подтверждают сохраняющуюся силу нарратива об Арктике как о другой планете — об этом говорит и частое упоминание

Рис. 3. Пешеходная улица Интернациональная, Новый Уренгой:

3.1. До реновации, июль 2019 г. (авторы фото – Софья Проколова и Ирина Мясникова)

3.2. После реновации, май 2024 г. (автор фото – Ольга Устюжанцева)

Источник: фото автора.

метафор космического корабля или инопланетной базы [Зайцев, 2018; Чуклов, 2019; Как на космическом корабле, 2011; Концепция микрорайона в Арктике, 2021].

Несомненно, восприятие города как космической станции способствует укреплению представления о Севере как уникальном архитектурном пространстве, и как следствие – утверждает требование поиска и применения адресного подхода. Однако, согласно исследованиям, такое восприятие переплетается с представлением о Севере как о «культурно пустом пространстве» [Hemmersam, 2016]. Мы предполагаем, что нарратив замены открытого природного пространства искусственным усиливает восприятие Арктики как другой планеты, где невозможна жизнь, но ресурсы которой требуют присутствия человека на данной территории. Подобное отношение – черта «классической, безответственной колониальной» модели покорения Арктики, выделенной нордистом Луи Эдманом Амленом в качестве первой волны взаимодействия архитектуры с полярным регионом [Chartier, 2007; Hamelin, 1979]. Подобные представления обоснованы в том числе нехваткой комплексных знаний о «северности» [Hamelin, 1979; Beaulé, De Coninck, 2018]. В связи с недостатком знаний подобные проекты «крытых» городов направлены на создание иллюзии города средней полосы, поддерживаемой благодаря технологическим системам и структурной организации пространства. Зимой в Арктике действительно затруднительно воспроизвести привычные городскому мейнстриму практики в виде медленных прогулок и отдыха на открытой веранде кофейни, поэтому предлагается создать закрытую среду, которая будет имитировать привычный для архитектуры климат. Соответственно, при таком подходе именно имитация читается как главная цель арктической архитектуры.

Многофункциональные комплексы

Идея модернистских городов под куполом сохраняется и в современном архитектурном поиске – функции городской среды объединяются в одной мегаструктуре. Однако сегодня это менее радикальная интерпретация жизни в искусственном микроклимате, в которой привычный город обогащается отдельными многофункциональными общественными комплексами (рис. 6). В этих проектах можно встретить непосредственные отсылки к советским представлениям как идеалу арктической архитектуры [Зайцев, 2016; Чуклов, 2019; Янковская и Меренков, 2023], также существуют проекты, прямо продолжающие традицию купольных городов (рис. 5.2) [Как на космическом корабле, 2011; Чуклов, 2019].

Идея многофункциональных центров активно развивается на кафедрах проектирования для экстремальных сред в архитектурных университетах (в частности, это МАРХИ, СПбГАСУ и УрГАХУ) (рис. 6.1). Обычно это крупномасштабное здание-оболочка с «развитым защищенным внутренним пространством» [Янковская, Меренков, 2021; Калинина, Морозов, 2019]. Отличительная черта предлагаемых зданий-комплексов – это позиционирование их именно как замены открытого общественного пространства города, что иллюстрируется садами, оранжереями и пешеходными галереями, расположенными внутри здания-комплекса [Янковская, Меренков, 2021].

Встречаются также предложения перенести под условный «купол» отдельное общественное пространство – городскую площадь или квартал, превратив их в крытый многофункциональный центр. Это можно проиллюстрировать проектом-победителем на реновацию парка Будущих поколений в Якутске [Парк будущих поколений, 2024]. Согласно названию, парк сохраняет свою типологию, однако

Рис. 4.

4.1. Сквер Колымское подворье. Отсутствуют визуализации зимой и в межсезонье

Источник: https://letoyakutia.ru/portfolio-item/kolimskoe_podvorie/.

4.2. Проект благоустройства площади в Новом Уренгое

Источник: <https://tv-impulse.ru/news/landscaping/v-novom-urengoe-blagoustroyat-ploshhad-v-mikrorajone-yubilejnyj/>.

Рис. 5. Примеры многофункциональных центров:

5.1. Набережная озера Долгого в Норильске, Wowhaus

Источник: <https://wowhaus.ru/en/project/naberezhnaya-ozera-dolgogo-v-norilske>.

5.2 Экогород 2020: реабилитация промзоны г. Мирный, АБ Элис

Источник: <https://ab-elis.ru/ekogorod-2020-reabilitaciya-promzony-g-mirnyy>

фактически территория оказывается превращенной в многофункциональный комплекс — систему закрытых территорий с выставочными пространствами, конференц-залами и коворкингами. Такой прием используется также в проектом предложении набережной озера Долгого в Норильске (рис. 5.1). В качестве главной задачи данного проекта указано включение набережной «в круглогодичный сценарий жизни города». Подобного удастся достичь путем создания протяженного крытого променада — «оазиса посреди снежной пустыни, где под одной стеклянной крышей расположатся все необходимые городскому жителю функции». Таким образом, все-сезонность здесь возникает в результате «ликвидации» взаимодействия с арктической зимой и воссоздания более комфортного климата. Согласно исследованиям, подобное отношение объединяет людей, живущих во всех «плохо спроектированных зимних городах по всему миру», что делает их «зимнефобами», стремящимся изолироваться от зимы [Beaulé, Evans, 2020].

Наглядным примером данной тенденции является проект крытого моста-парка в креативно-деловом кластере «Новый Мурманск», где парк расположен в протяженном крытом пространстве [StrelkaКБ, Дзен, 2011]. Примером подобного же может служить и проект-победитель конкурса на реновацию Норильска, где в качестве средства адаптации городской среды предлагается перенос функций открытого общественного пространства в отдельные павильоны и целые «теплые улицы», расположенные на первых этажах домов [Открытый международный конкурс..., 2022]. Климатические условия, соответствующие традиционным городским площадям, также воссоздаются в этом проекте с помощью купола. Проект также включает в себя предложение «супердома» — протяженного высотного здания с крытым променадом, расположенным на первом этаже, включающим в себя оранжереи, детские площадки и другие функции традиционно открытого пространства города.

Мы предполагаем, что данный подход можно сравнить с модернистскими северными городами,

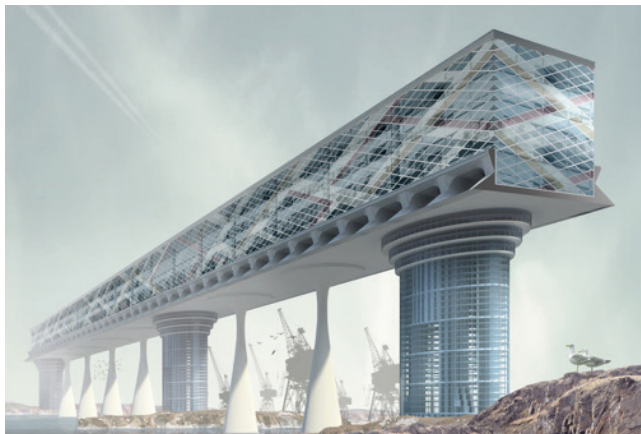

Рис. 6. Примеры многофункциональных комплексов

6.1. Дипломный проект «Многофункциональный комплекс в порту Диксон» (Зайцев Н., МАРХИ)

Источник: https://archi.ru/russia/image_large.html?id=171244.

6.2. Проект многофункционального комплекса «Снежная дюна», Новый Уренгой. (Фото: Пресс-служба губернатора ЯНАО)

Источник: <https://rg.ru/2023/03/17/reg-urfo/v-novom-urengoe-postroi-at-galerei-u-v-vide-snezhnoj-diuny-so-sportivnymi-obektami.html>.

представленными в виде единого здания, включающего в себя все необходимые функции городской среды. Однако, в отличие от советских предложений, между отдельными «островами тепла», многофункциональными комплексами и «супердомами» остается открытое пространство, которое, вероятно, служит для обоснования типологического различия между «городом под куполом» и современной «комфортизацией» городской среды. Тем не менее в обоих типах предложений архитектура выступает как средство воссоздания привычной жизни в новых, экстремальных условиях, поскольку арктический климат рассматривается исключительно как препятствие для реализации «стандартных» функций «современной» городской среды. Перемещение инфраструктуры в закрытое пространство становится естественным ответом на этот вызов. Вместо адресного анализа городского микроклимата для выбора оптимальных и достаточных средств его корректировки, подобные проектные предложения выбирают подход, полностью «стирающий» неудобства арктической зимы, игнорируя при этом другие сезоны — короткие, но оказывающие большое влияние на городскую среду межсезонные и летние изменения в ее образном и функциональном наполнении.

Внутри и вне метафорического купола

Визуализация крытой пешеходной улицы в «супердоме» в Норильске [Открытый международный конкурс..., 2022] также хорошо отражает тенденцию превращения традиционной открытой среды города в «промежуток» между теплыми «островами», то есть функция уличных сетей сводится к перемещению по ним на автомобиле, который в этой ситуации становится личным мобильным «островом» тепла. Здесь параллельно теплой улице, «адаптированной»

под пешеходное движение, проложена широкая и пустая автодорога. Один из самых заметных аспектов влияния автоцентричного образа жизни на материальную среду — это изменение ее масштаба: образного и функционального. Обширные пустые пространства парковок и автодорог, обрамленные многоэтажной застройкой, отдаляют масштаб города от человека, делая среду «безличной» и «формальной» [Gehl, 1987; Pallasmaa, 1986]. Складывается замкнутый круг из неуютных улиц, предложений перенести открытое пространство в крытое и последующего усиления дискомфорта традиционных тротуаров из-за опоры на автомобиль в передвижении по городу, что может снижать запрос на условия для комфортной малой мобильности.

Представление о комфорте в архитектурно-урбанистическом мейнстриме, рассматривающее арктическую среду как априори дискомфортную и требующую кардинальной коррекции, способно еще больше усугубить разрыв между искусственной и природной средой северного города. Помимо сезонного ограничения взаимодействия с городом, несоответствие между ожидаемыми в благоустроенных пространствах практиками и арктической реальностью приводит к усугублению негативного отношения к тем чертам Севера, которые этот разрыв порождают. На примере анализа восприятия арктической зимы исследователи пришли к выводу, что на наше отношение к арктическому климату влияет не объективная оценка его «истинной природы», а ментальная «настройка» на восприятие — избирательная точка зрения, которая помогает нам упростить восприятие окружения через сформированные убеждения и ожидания [Leibowitz, Vittersø, 2020]. Такая субъективная интерпретация зимы, основанная на личном опыте ее проживания, является фактором, сильнее влияющим на ментальное и фи-

Рис. 7. Работа с масштабом среды и стимулами для малой мобильности:

7.1. Flakstad School, Link Arkitektur

Источник: <https://linkarkitektur.com/en/project/flakstad-school>.

7.2. Kirkenes school

Источник: <https://architizer.com/projects/kirkenes-school-landscape-and-playground/>.

зическое здоровье в этот период, чем объективные биологические последствия темноты и холода полярной ночи [Leibowitz, Vittersø, 2020]. Индивидуальный опыт, в свою очередь, в наибольшей степени определен именно неадаптированностью окружающей человека «искусственной оболочки» — тем, как она синхронизируется с меняющимся естественным пространством. Например, городская среда, которая направлена на летнее использование, неизбежно «увечивает» фрустрацию, связанную с зимой» [Beaulé, Evans, 2020], буквально сокращая разнообразие городских практик на подавляющую часть года. Закрепленное разочарование в зиме, созданное неадаптированной средой, далее становится обоснованием формирования «современной» благоустроенной среды в оболочке многофункционального комплекса.

Как идейные продолжения модернистского проектирования города с его попытками контролировать и присваивать пространство [Harvey, 1989], подобные проекты в своей ориентации на формирование комфортных условий *внутри* ухудшают качества среды *снаружи* [Stout et al., 2018] — эти среды перестают быть связанными между собой [Pressman, Zepic, 1986]. Приоритет отдается проектированию закрытых сред, а открытое пространство становится лишь фоном для перемещения между ними. Грандиозные здания-комплексы значительно превышающие размеры человека, господствуют в восприятии городской среды (рис. 6). Столь масштабная архитектура минимизирует впечатление от деталей, сомасштабных человеку, сокращая источники для чувственных переживаний [Gehl, 1987; Pallasmaa, 1986]. Подобное связано с ощущением личной дистанции: теплые, интенсивные контакты между людьми происходят только на коротких расстояниях — в личном пространстве, и аналогичные отношения выстраиваются с пространством: с близкого расстояния можно рассмотреть здания и дета-

ли среды — мы воспринимаем обстановку как теплую, личную и гостеприимную [Paukaeva et al., 2020; Pallasmaa, 1986]. Следовательно, именно небольшие пространства и короткие расстояния вызывают соответствующие ощущения теплой, живой городской среды [Pallasmaa, 1986].

В арктической архитектуре существуют примеры формирования крепкой связи пространств «внутри» и «снаружи». Так, в оздоровительном центре коренных народов Арктики в Йеллоунайфе (Канада) [Lateral Office, 2018] формообразование здания тесно переплетается с северным ландшафтом — как функционально, так и образно. Здесь есть места для непосредственного взаимодействия с открытым воздухом — пространство «снаружи» мыслится как полноправная часть городского центра. Это достигается и образно, благодаря панорамному остеклению и сомасштабности с человеком. Еще один проект — школа Flakstad в Рамберге (Норвегия) (рис. 7.1), где внешняя среда также является частью внутреннего пространства, предлагая функциональные зоны, рассчитанные на активную мобильность (например, большая лестница-амфитеатр, превращающаяся в снежную горку). Еще один пример адаптации функциональных зон, расположенных на открытом воздухе, — школа в городе Киркенес (Норвегия) (рис. 7.2). Ее отличительная черта в том, что среда снаружи не требует уборки снега зимой. Напротив, снег выступает как дополнительный «строительный материал», помогающий зимой преобразовывать пространство и адаптировать его к зимним активностям. Иллюстрации проектов школ также показателны в качестве примера обучения юных северян «дружбе с Арктикой».

Мобильность и пустота

С развитием транспорта города начали придерживаться исключительно функционального подхода

Рис. 8. Улицы, сформированные «вокруг» автомобильного движения, Новый Уренгой:

8.1 Август 2022 г. (авторы фото – Кирилл Устинов и Александра Раева)

8.2 Май 2024 г. (автор – Ольга Устюжанцева)

Источник: фото автора.

Рис. 9. Площадь Памяти, Новый Уренгой. Май 2024 г. (автор фото – О. Устюжанцева)

Источник: фото автора.

к пространствам малой мобильности, то есть немоторизованным способам передвижения человека [Chapman et al., 2019], моделируя пешеходные потоки так же, как моделируется движение транспортных средств. Такой подход относится к пешеходам как к «маленьким машинам», игнорируя реальный опыт обживания пространства, с точки зрения человека на улице [Hutabarat Lo, 2009; Vozovic et al., 2021]. В городах, сформированных в подчинении традиционной модернистской системе иерархии дорог и зон землепользования, «сломана» связь между движением и городом [Marshall, 2004]. Улицы перестали быть общественными, превратившись в пространство быстрого автомобильного трафика, а городской дизайн теперь смотрит на город «с точки зрения дорожного движения» [Marshall, 2004].

Проблема «безличной» среды и ее масштаба проявляется в городах Арктики не только в широких улицах – «коридорах» для арктического ветра, но и в стандартных общественных пространствах, где пустота является частью архитектурного замысла. Это видно на примере городских площадей (рис. 9) и широких набережных (рис. 10), которые зимой превращаются в белую «пустоту», а оборудованные общественные пространства становятся недоступными из-за межсезонной слякоти или снега. Отдельно необходимо отметить игнорирование северного межсезонья в подавляющем числе проектов. По сложности условий этот период года является не менее проблемным в сравнении с экстремальной зимой. Во время коротких осени и весны арктическое пространство физически трансформируется под воздействием слякоти, льда и луж, что делает климат и сезонность неотъемлемой частью материальности города. Сезонная динамика влияет на поведение человека в среде, ограничивая его, но и предоставляя новые возможности (рис. 2, 3, 8 и 10).

Например, респонденты, опрошенные в Тарко-Сале на городской набережной, открытой в 2018 году, отметили, что зимой это пространство пустует – не используется из-за сильного ветра (рис. 10). Вытянутая вдоль реки и облицованная камнем набережная создает ощущение парадных площадей в исторических городах, где пустота является частью архитектурной идеи, несущей как функциональное, так и образное значение. Проблема «неотзывчивости» среды наблюдалась и в Новом Уренгое: в День Победы горожане подходили к памятнику на площади Памяти для возложения цветов и быстро покидали пространство, укрываясь от холодного майского ветра (рис. 9).

Таким образом, недостаток сценариев использования такой среды зимой и в межсезонье выражает-

Рис. 10. Набережная г. Тарко-Сале:

10.1. Июль 2019 г. (авторы фото — Софья Прокопова и Ирина Мясникова)

10.2. Май 2024 г. (автор фото — Ольга Устюжанцева)

Источник: фото авторов.

ся в организации пространства (в первую очередь в масштабе) и его наполнении стандартной уличной мебелью (рис. 2, 4, 11). Нехватка функциональной и образной адаптации открытых общественных пространств сокращает поводы для малой мобильности до минимума. Из-за отсутствия стимулов к малой мобильности и объективного дискомфорта существующих открытых пространств арктический город даже в отсутствие модернистского купола превращается в изолированное от внешней среды поселение. В то же время проблема недостатка «свежего воздуха» в арктической городской жизни уже отмечается исследователями [Замятина, 2023], как и существенная потребность северян в таком общении [Болотова, 2014]. Мобильность рассматривается социальными науками как самостоятельная реальность, существующая в виде сетевых социальных отношений [Давыдов, 2023] и как важнейший компонент «эффективных, доступных, справедливых, устойчивых и пригодных для жизни сообществ» [Hutabarat Lo, 2009]. Особенно актуальным, но одновременно и сложным подобное становится в Арктике, где человек платит за тепловой комфорт изоляцией от открытого пространства и «свежего воздуха», что делает город «бестелесным» [Замятина, 2023].

Помимо необходимости «срочного разрыва» с нынешними тенденциями ухудшения состояния окружающей среды [United Nations Environment Programme, 2021], связанной в том числе с преобладанием автомобильного движения в городах, поощрение малой мобильности может рассматриваться как средство формирования устойчивых отношений между человеком и городом, а также инструментом поддержания здоровья социума через повышение физической активности [Chapman et al., 2019]. Погодные условия и качество городской среды являются основным фактором, влияющим на принятие людьми решений о рекреационной деятельности

на улице [Chapman et al., 2019; Gehl, 1987]. Следовательно, в Арктике, как в пространстве со сложным климатом, именно городская среда должна брать на себя ответственность привлечения человека на улицу через создание возможностей комфортного пребывания снаружи.

В проектной практике встречаются примеры разработки зимних сценариев взаимодействия со средой — в виде катков или ледяных горок, — направленных на повышение малой мобильности. Согласно исследовательскому дискурсу о малой мобильности в арктических городах [Chapman et al., 2019; Stout et al., 2018; Pressman, Zepic, 1986], такие подходы действительно могут служить инструментом формирования близких отношений между человеком и городом. Однако важнейшим условием эффективности такого подхода, на наш взгляд, является формирование цельной системы малой мобильности, выходящей за пределы отдельных общественных пространств. Пример системного создания таких стимулов к «общению» — мастер-план города Анадырь [Восточный центр государственного планирования]. Согласно описанию и проектному наполнению, авторы предлагают работу со средой города с помощью компактности: функциональной (проработанные пешеходные пространства) и образной (малоэтажная застройка и приоритет пешеходного движения). Похожие принципы и предметно-пространственную организацию предлагают проект «Деревянный минимализм» в Нарьян-Маре [Tatlin, 2024] и туристический кластер в Оймяконе [Архитектурное бюро Asadov, 2019].

Важно, что в этих проектах работа с масштабом и пешеходной доступностью (*walkability*) происходит не только в границах конкретных рекреационных зон — напротив, среда рассматривается как единая система комфортных пешеходных маршрутов. Можно провести параллель с уникальным мастер-пла-

Рис. 11. «Стандартная» среда в арктическом городе:

11.1. Набережная в г. Онега (Архангельская область), Архитектурная мастерская Мамошина

Источник: <http://mamoshin.com/work/konkursnyj-proekt-komfortnoj-gorodskoj-sredy-v-g-onege/>.

11.2. «Звездный берег», г. Мирный (Архангельская область), арх. М. Тюрнина

Источник: <https://www.mirniy.ru/press/news/21499-zvezdnyy-bereg.html>.

Рис. 12. Детская площадка, Новый Уренгой. Май 2024 г. (автор фото — Ольга Устюжанцева)

Источник: фото автора.

ном Кируны (Швеция), где «переезд» города создал возможность переосмыслить его предметно-пространственное наполнение и прийти к более компактному и продуманному плану [White Arkitekter]. Обратим внимание, например, на масштаб среды: город застроен в основном малоэтажными зданиями, а улицы в первую очередь ориентированы на пешеходов, а значит, на человеческий масштаб в образном и функциональном смысле. Заметно ощущение малой мобильности и ориентация среды на всесезонное использование без какой-либо степени изоляции в крытых галереях и оранжереях: в зимний период улицы адаптируются под лыжную и даже под использование снегоходов вместо автомобилей. Положительным в этом подходе можно считать отсутствие необходимости борьбы со снегом для расчистки тротуаров и дорог.

Необходимо отметить, что климат европейской Арктики более мягкий благодаря теплым атлантическим течениям, поэтому здесь мы обращаем внимание именно на подход этих стран к архитектуре,

не предлагая непосредственно копировать проекты. Иными словами, мы обращаем внимание на *принципы*, которые применяются в арктической архитектуре, одним из которых является *адресность* (проектирование для конкретных условий) и проектирование «вместе» с климатом, а не вопреки ему, то есть *адаптированность* к местным условиям и *адаптивность* к смене сезонов. Для формирования такой среды в первую очередь требуется концептуальная база, основанная на понимании особенностей «северности».

В поисках баланса

Распространенными предложениями по адаптации открытых общественных пространств стали парки, площади и пешеходные улицы, в которые встроены элементы с искусственным микроклиматом. Здесь, в отличие от масштабных многофункциональных комплексов, больше внимания уделяется взаимодействию с открытой средой. Всесезонная функциональность среды достигается с помощью добавления «островов тепла» в виде павильонов или крытых галерей.

Приравнивание всесезонности к частичному или полному переносу функционала открытого пространства в крытое может указывать на идею об арктическом климате как «непригодном» для полноценного функционирования общественных пространств. Вопрос использования привычной типологии открытых общественных пространств в Арктике действительно остается открытым. Их среда спроектирована так, чтобы поощрять «стандартное» поведение человека в городе (например, медленную ходьбу или сидение на скамейке/веранде кафе) (рис. 11), обобщенное в концепции фланера [Замятина, 2023] — «идеального типа горожанина» на Западе, который занимается прогулками как пространственной практикой в определенных городских местах — «парках, тротуарах, площадях и торговых пассажах или центрах» [Shields, 2014]. Суровый климат Арктики, напротив, не способствует

ет идее медленного взаимодействия со средой [Замятина, 2023]. Экстремальный и динамичный характер арктической жизни выявляет слабость статичных крупномасштабных архитектурных сооружений, рассчитанных на планирование. В том числе это отражается в неспособности подобных общественных пространств адаптироваться к смене сезонов из-за своей ориентации лишь на летнее использование (рис. 12).

Нельзя с уверенностью говорить о полной неактуальности проектов, предлагающих встраивание элементов крытого пространства в открытую среду (рис. 13). Возможно, главный принцип, который необходимо соблюдать в таком комбинированном типе, — это сохранение и укрепление взаимосвязи внешнего и внутреннего. Именно этот баланс отсутствует в предложениях крытых многофункциональных комплексов. Яркий пример отсутствия такого баланса — принятая к реализации концепция пешеходной галереи-променада в Новом Уренгое (рис. 6.2). Этот многофункциональный центр включает в себя «локацию для прогулок», заполненную «торговыми точками, площадками для творчества» и местом для «ресторанного дворика». Важнейшим элементом такого понимания городского комфорта является изменение форм коммуникаций с городом: потребление становится ключевым фактором взаимодействия с «комфортной» средой [Zukin, 1998]. Проблема, на наш взгляд, заключается именно в замене понятия «открытое общественное пространство» (в данном случае пешеходной улицы) на крытое, которое автоматически становится частным, нацеленным на прибыль — по своей сути представляющее собой привычный торгово-развлекательный центр. Это актуально и для других подобных проектов, предлагающих многофункциональные центры как замену общественного пространства. Мы настаиваем, что попытка коммерциализировать город не может рассматриваться как адаптивный подход к формированию архитектурной среды арктического города, ведь тогда человек, как целевая аудитория (пользователь или клиент) проектируемого пространства, сможет пользоваться «комфортным» городом только при условии, что станет *потребителем* этой среды.

Удачным и сбалансированным, на наш взгляд, примером является проект Парка Будущих поколений в Якутске (рис. 13.1), где открытое пространство дополнено крытыми павильонами, которые, однако, не позиционируются заменой взаимодействия со «свежим воздухом». Наоборот, эти постройки создают искусственный рельеф, образно и функционально обогащая среду («холмы» служат ветрозащитой и могут использоваться как снежные горки).

Однако на данный момент тенденция создания комбинированных общественных пространств только начинает воплощаться на практике, и далее необходимо проведение дополнительных антропологических исследований восприятия и использования таких сред. Тем не менее на данном этапе концепту-

альный анализ проектов предложенного направления приводит нас к гипотезе о том, что такой подход используется как «пластырь», не решающий саму проблему конструирования комфортной среды города в Арктике, но скрывающий ее через самый очевидный вариант работы с экстремальным климатом — ограничение взаимодействия с ним.

В поисках системности

Пешеходная мобильность вне выделенных рекреационных зон (парков, скверов и пешеходных улиц) является важнейшей частью повседневности города, от опыта взаимодействия с которой во многом зависит целостное восприятие пространства [Hicks, 2016]. Однако даже в проектах, предполагающих системное формирование городской среды, часто не уделяется внимание взаимодействию с городом вне выделенных общественных пространств — на обычных тротуарах, по которым перемещается человек в повседневности. Частое отсутствие такого системного внимания к открытым общественным пространствам вне отдельных благоустроенных точек — это проблема, не уникальная для арктического проектирования. В отличие от всеобъемлющего модернистского планирования, создающего, однако, среду, «оторванную» от человека [Norberg-Schulz, 1971], реализация политики «комфортного города» в основном осуществляется через выборочное «высококачественное эстетическое вмешательство», также отражающее направление развития «сверху-вниз» [Gunko et al., 2022]. Яркий пример — мастер-планы, в которых предлагаются проектные решения парков, площадей и крытых многофункциональных центров, но никак не затрагивается пространство улиц.

Критический взгляд на подобные проекты подчеркивает их статичный характер как документов, предлагающих «конкретные решения, а не процессы» развития городской среды [Герцберг, 2023; Российский урбанизм..., 2024], что можно рассматривать как пример пробела между статичными визуализациями и схемами — и пространством, которое, напротив, является динамичной сущностью, находящейся в постоянном процессе производства и обживания [Latour, Yaneva, 2017; Doel, 1999]. Идея четкого зонирования города на ярких схемах городов можно также связать с попыткой завоевания контроля над пространством через детерминацию посредством человеческого действия [Harvey, 1989]. Кроме того, несмотря на попытки включать жителей в процесс проектирования (вопрос эффективности соучаствующего проектирования заслуживает отдельного внимания, особенно когда степень вклада реальных пользователей среды жестко регламентируется и остается на усмотрение планировщиков и власти), мастер-планы — это также планирование «сверху» [Герцберг, 2023].

Неолиберальные нарративы (как устойчивая часть дискурса, представляющая способ репрезен-

Рис. 13. «Комбинированные» пространства:

13.1. Парк Будущих поколений в Якутске (бюро Asadov)

Источник: <https://asadov.studio/project/park-budushhih-pokoleniy-v-yakutske/>.

13.2. Площадь «Пять углов» в Мурманске (АБ Хвоя, Dreamersunited, THEVIEW)

Источник: <https://archi.ru/russia/94140/pyat-uglov-pyat-variantov>.

тации реальности и оказывающая влияние на производство пространства [Schiffrin, 2006]), выражающие новую форму колониализма [Lähteenmäki, Murawski, 2023], можно отследить в текстовых описаниях предлагаемых проектов, где в качестве целей указывается «раскрытие потенциала», «развитие территорий», «повышение эстетической привлекательности», создание «современного» и «привлекательного для жизни» городского пространства, насыщенного «современными сервисами». В качестве основных проектных операций указываются благоустройство, реновация и модернизация. Формирование «развитой инфраструктуры» и «комфортной среды» служит стратегическим инструментом освоения «огромного ресурса природных богатств» и «потенциала» Крайнего Севера [Калинина, Морозов, 2019]. Проектное наполнение этих документов отражает общие тенденции арктической архитектуры России, концентрируясь на повышении привлекательности городов для усиления их конкурентоспособности под эгидой создания более комфортной среды [Kinossian, 2017].

Рост политики «комфорта» интерпретируется исследователями как укрепление неолиберализации городов [Harvey, 1989]. Неолиберальный город направляет «всю свою энергию на достижение экономического успеха в конкуренции с другими городами» [Leitner et al., 2007], в том числе на борьбу за инвестиции и «человеческий капитал». Архитектура и дизайн становятся стратегическими инструментами, которые политики и эксперты могут использовать для позиционирования города в глобальном сценарии «конкурентного урбанизма» [Peck, Tickell, 2002; Büdenbender, Zupan, 2016]. Человекоцентричность этих дисциплин уходит на второй план, становясь лишь ширмой для обоснования стремления к комфортной среде, формирование которой на самом деле опирается на попытки присвоить и/или коммодифицировать пространство [Peck, Tickell, 2002; Leitner et al., 2007]. В связи с этим исследователи указывают на внутренний колониализм, проводимый через практику благоустройства, что связано

с жесткой вертикалью принятия решений о благоустройстве и в случае нашей страны — с «остаточным» распространением «эстетизации» и «комфортности» от Москвы к другим регионам [Lähteenmäki, Murawski, 2023]. Мы полагаем, что необходимо поставить под сомнение актуальность такого представления о комфорте в пользу адресной работы с «северностью» как противопоставление универсальности.

В качестве противоположного статичным мастер-планам и, на наш взгляд, удачного примера развития современной арктической архитектуры России можно привести проект «Арктикаметрия» [Ярус, 2023], представляющий собой набор методических рекомендаций по работе с формированием архитектурной среды арктических городов. Преимущество данной концепции состоит именно в ее выходе на принципы проектирования, что предполагает дальнейший адресный анализ ситуации для перехода к конкретному решению. Иными словами, это не готовый универсальный дизайн-проект, а тактика по учету особенностей климата Севера. Исходя из этого «учета», авторы предлагают организовать взаимодействие с открытым пространством города более комфортным (в частности, это один из немногих проектов, который рассматривает город как целостную систему, а не как отдельные «острова» благоустройства). Данная методология направлена на работу именно с физическими ощущениями человека в пространстве сложных климатических условий, что может служить базовым уровнем арктической архитектуры.

Заключение

Современный архитектурный поиск путей совершенствования предметно-пространственной среды арктических городов показал ориентацию предлагаемых сегодня проектов на стандартный мейнстрим благоустройства с целью повышения внешней привлекательности и конкурентоспособности городов для создания новых экономических воз-

возможностей, привлечения «человеческого капитала» [McCann, 2004; Kinossian, 2017] и расширения влияния централизованного государства [Lähteenmäki, Murawski, 2023]. Эти тенденции проявляются в мастер-планах, дизайн-кодах и в индивидуальных проектах общественных пространств, проектирование которых «обрамлено доверием к лучшим практикам Москвы» [Gunko et al., 2022].

Мы предполагаем, что сложности в адаптации городской среды к Северу основаны, во-первых, на сохранении попыток «присвоить» регион через его «модернизацию» и «комфортизацию», в которых сам факт благоустройства становится важнее, чем реальные практики обживания этой среды. Этот тезис требует отказа от иерархичных отношений «центр — периферия» и «архитектор — жители города». Во-вторых, поиск адаптированного подхода к архитектурному формированию городов Арктики сталкивается со сложностями «понимания» региона со стороны тех, кто проектирует для него, что обусловлено борьбой «южной» и «северной» парадигм в экспертном восприятии [Beaulé, De Coninck, 2018] и последующим обращением к распространенным подходам городского планирования.

Оба фактора ведут к разрыву между проектными визуализациями и стратегическими планами — и реальностью городских практик: производящие знание репрезентации (архитектурный поиск) не обращаются к репрезентациям пространства (опыту обживания) как к источнику смысловых содержаний, которыми наполнено взаимодействие человека и города. Следовательно, необходимо расширение объекта исследования и проектирования — от морфологии и предметно-пространственного наполнения к формированию того, как среда воспринимается и осмысливается в ходе повседневного взаимодействия с ней.

Результаты критического анализа нарративов, господствующих в поиске арктической архитектуры, служат обоснованием для отказа от методов проектирования городской среды, сформировавшихся с целью ресурсного освоения региона и основанных не на концептуальном понимании Севера, а на переносе привычных способов организации пространства. Такой анализ может стать концептуальной основой для представления альтернативных путей формирования комфортного пространства северного города России — уже с позиций человекоцентричности и заботы о людях, обеспечивающих устойчивое развитие региона. Этот подход означает сосредоточение на материальном воплощении комфорта повседневного обживания пространства — в противовес глобальным потокам универсальной мейнстрим-архитектуры.

Формирование новой концептуальной основы невозможно без обращения к антропологическим исследованиям и применения полевых методов исследования для понимания практик обживания и восприятия среды. Ключевой операцией здесь становится «знакомство» архитектуры с Арктикой

и поиск теоретической модели комфортного северного города с дальнейшим выходом на практические принципы архитектурного планирования. При таком рассмотрении чувствительные к климату дизайн и архитектура выходят за пределы конструктивной адаптации зданий и сооружений, а также физической защиты от ветра и осадков. Фокус смещается на возможности среды предоставлять желаемый уровень разнообразия индивидуальной и общественной жизни. Необходимость такого системного анализа обусловлена несоответствием арктического города традиционному объекту мейнстрим-проектирования, что ставит под сомнение жизнеспособность идеи о комфорте, распространенной «на материке». Системный анализ также показывает слабость рассмотрения отдельных общественных открытых пространств или общего визуального «благоустройства» вместо изучения и проектирования города как цельного и взаимосвязанного опыта.

Если архитектурная среда является не только результатом представлений о регионе, но и конструирует эти представления, то принятие локального контекста как отправной точки проектирования может стать основой для переосмысления городской реальности посредством радикальных подходов к дизайну и архитектуре, так как «будущее» является одной из основных категорий, рассматриваемых в этих проектных дисциплинах [Dunne, Raby, 2024]. Поскольку городское пространство выступает в качестве конституирующего элемента в индивидуальном и социальном восприятии, этот сдвиг может сыграть важную роль в оспаривании существующих общественных взглядов на «пустую» и «враждебную» Арктику.

Источники

- Арктикаметрия. Сборник принципов проектирования в северных регионах (2023) // Ярус. Режим доступа: <https://yarus.center/chto-takoe-arktikaometriya/> (дата обращения: 30.08.2024).
- Болотова А.А. (2014) «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 5. С. 170–188 (дата обращения: 30.08.2024).
- Герцберг Л.Я. (2023) Является ли мастер-план эффективным инструментом развития территорий в России? // Academia. Архитектура и строительство. № 2. С. 5–14.
- Давыдов В.Н. (2023) Исследования мобильности в Арктике, от теории к действию // Этнография. Т. 19. № 1. С. 82–99.
- Зайцев Н.Е. (2018) Некоторые проблемы социальной экологии и социологии в архитектуре арктических «городов под куполом» // Вестник Евразийской науки. № 6. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/20SAVN618.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).
- Замятина Н.Ю. (2023) Возможно ли благоустройство арктических городов: три картины // GoArctic. Режим доступа: <https://goarctic.ru/society/vozmozno-li-blagoustroystvo-arkticheskikh-gorodov-tri-kartiny/> (дата обращения: 30.08.2024).

- Калеменева Е.А. (2019) «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950–1960-е гг. [Диссертация, НИУ ВШЭ]. Москва.
- Калинина Н.С., Морозов Н.В. (2019) Архитектурные, технические и дизайнерские особенности проектирования жилых и общественных зданий в условиях Крайнего Севера//Системные технологии. № 32. С. 40–46.
- Как на космическом корабле (2011)//Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/economy/2011/9/22/524545.html> (дата обращения: 30.08.2024).
- Концепция микрорайона в Арктике (2021)//Behance. Режим доступа: <https://www.behance.net/gallery/124146479/konceptsiya-mikrorajona-v-arktike> (дата обращения: 30.08.2024).
- Левефр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Мартыанов В.С. (2016) Урбанизация Российской Арктики: северная городская идентичность как фактор развития//Российская Арктика в поисках интегральной идентичности. М.: Новый хронограф/О.Б. Подвинцев (ред.). С. 112–139.
- Мастер-план города Анадыря 2030 (2022)//Восточный центр государственного планирования. Режим доступа: <https://landing.vostokgosplan.ru/mp-anadyr/> (дата обращения: 12.02.2025).
- Открытый международный конкурс на разработку архитектурно-планировочной концепции реновации города Норильска (2022)//Открытый международный конкурс. Режим доступа: <https://konkurs.norilsk2035.ru> (дата обращения: 12.02.2025).
- Парк будущих поколений (2024)//Парк будущих поколений. Режим доступа: <https://parkyukutia.ru> (дата обращения: 12.02.25).
- Подходы к развитию арктических городов на примере проекта Новый Мурманск (2021)//Strelka КБ, Дзен. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Yayd3hWl0g9lLSsG> (дата обращения: 30.08.2024).
- Результаты конкурса «Деревянный минимализм улицы Смидовича» (2024)//Tatlin. Режим доступа: https://tatlin.ru/articles/rezultaty_konkursa_derevyannyj_minimalizm_ulicy_smidovicha (дата обращения: 12.02.2025).
- Российский урбанизм при авторитаризме. От конформизма к конъюнктуре: экспертный разбор современного состояния российской урбанистики (2024)//Коллективное действие. Режим доступа: <https://k-d.center/authoritarianurban> (дата обращения: 30.08.2024).
- Туристический кластер «Полюс Холода» в Оймяконе (2019)//Архитектурное бюро Asadov. Режим доступа: <https://asadov.studio/project/ojmyakon/> (дата обращения: 12.02.25).
- Чуклов Н.С. (2019) Преемственность в объемно-планировочных элементах городов с контролируемым климатом в Заполярье//Architecture and Modern Information Technologies. Т. 47. № 2. С. 251–266.
- Как на космическом корабле (2011)//Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/economy/2011/9/22/524545.html> (дата обращения: 30.08.2024).
- Яновская Ю.С., Меренков А.В. (2023) Арктика. Проблемы и перспективы градостроительного развития и формирования комфортной среды//Архитектон. Известия вузов. Т. 83. № 3. Режим доступа: https://archvuz.ru/2023_3/18/ (дата обращения: 30.08.2024).
- Arctic Indigenous Wellness Centre (2018)//Lateral Office. Available at: <https://lateraloffice.com/filter/Work/AIWC-2020> (accessed: 12.02.2025).
- Begum T. (2015) A Postcolonial Critique of Industrial Design: A Critical Evaluation of the Relationship of Culture and Hegemony to Design Practice and Education Since the Late 20th Century. [Doctoral dissertation, University of Plymouth]. DOI: <https://doi.org/10.24382/3234>.
- Beaulé C.I., De Coninck, P. (2018) The Concept of “Nordicity.” Opportunities for the Design Fields//Relate North: Practising Place, Heritage, Art & Design for Creative Communities/T. Jokela, G. Coutts (eds.). Rovaniemi: Lapland University Press. P. 12–34.
- Beaulé C.I., Evans, P. (2020) Living in the Near North: Insights from Fennoscandia, Japan and Canada//Relate North: Tradition and Innovation in Art and Design Education/T. Jokela, G. Coutts (eds.). Rolling Meadows, IL: SEA Publications. P. 141–161.
- Bozovic T., Hinckson, E., Stewart, T., Smith, M. (2021) How to Improve the Walking Realm in a Car-oriented City? (Dis)agreements Between Professionals//Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. Vol. 81. P. 490–507.
- Büdenbender M., Zupan, D. (2016) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015//Antipode. Vol. 49. № 2. P. 294–313.
- Castree N., Gregory D. (eds.). (2008) David Harvey: A Critical Reader. Malden, MA: John Wiley-Blackwell.
- Chapman D., Nilsson K.L., Rizzo A., Larsson A. (2019) Winter City Urbanism: Enabling all Year Connectivity for Soft Mobility//International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 16. № 10.
- Chartier D. (2007) Towards a Grammar of the Idea of North: Nordicity, Winterity//Nordlit. № 22. P. 35–47.
- Coleman N. (2015) Lefebvre for Architects. N.Y.: Routledge.
- Doel M.A. (1999) Poststructuralist Geographies: The Diabolical Art of Spatial Science. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Dunne A., Raby F. (2024) Speculative Everything, With a New Preface by the Authors: Design, Fiction, and Social Dreaming. Cambridge, MA: MIT Press.
- Friedmann J. (1999) The City of Everyday Life: Knowledge/Power and the Problem of Representation//disP – The Planning Review. Vol. 35. № 136–137. P. 4–11.
- Gehl J. (1987) Life Between Buildings – Using Public Space. N.Y.: Van Nostrand Reinhold.
- Gunko M., Zupan D., Riabova L., Zaika Y., Medvedev A. (2022) From Policy Mobility to Top-down Policy Transfer: “Comfortization” of Russian Cities Beyond Neoliberal Rationality//Environment and Planning C: Politics and Space. Vol. 40. № 6. P. 1382–1400.
- Hale J. (2016) Merleau-Ponty for Architects. N.Y.: Routledge.
- Hamelin L.E. (1979) Canadian Nordicity: It’s Your North, Too. Montreal: Harvest House.
- Harvey D. (1989) The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. N.Y.: Blackwell Pub.
- Hemmersam P. (2016) Arctic Architectures//Polar Record. Vol. 52. № 4. P. 412–422.
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. N.Y.: Bloomsbury Publishing.
- Hicks M. (2016) Imagining the Pavement: A Search Through Everyday Texts for the Symbolism of an Everyday Artefact//Journal of Urban Cultural Studies. Vol. 3. № 2. P. 207–221.
- Hodgson K.K. (2023) Mastering the Arctic? Political Culture and Colonialism in the Russian Far North [Doctoral dissertation, The Arctic University of Norway]. Available at: <https://hdl.handle.net/10037/31908> (accessed: 30.08.2024).
- Huggan G. (2016) Introduction: Unscrambling the Arctic. Postcolonial Perspectives on the European High

- North//Unscrambling the Arctic/G. Huggan, L. Jensen (eds.). B.: Springer. P. 1-29.
- Huse T. (2024) Temporal Displacement: Colonial Architecture and its Contestation//International Journal of Housing Policy. DOI: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/19491247.2024.2367827?needAccess=true>.
- Irani L., Vertesi J., Dourish P., Philip K., Grinter R.E. (2010) Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development//Proceedings of the 28th International Conference on Human Factors in Computing Systems. N.Y.: ACM. P. 1311-1320.
- Jull M. (2017) The Improbable City: Adaptations of an Arctic Metropolis//Polar Geography. Vol. 40. № 2. P. 291-305.
- Kalmeneneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Experimentation in Arctic Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North//Europe-Asia Studies. Vol. 71. № 3. P. 426-449.
- Kinossian N. (2017) Re-colonising the Arctic: The Preparation of Spatial Planning Policy in Murmansk Oblast, Russia//Environment and Planning C: Politics and Space. Vol. 35. № 2. P. 221-238.
- Kiruna masterplan//White Arkitekter. Available at: <https://whitearkitekter.com/about-white/> (accessed: 12.02.2025).
- Lähteenmäki M., Murawski M. (2023) Blagoustroistvo: Infrastructure, Determinism, (Re)coloniality, and Social Engineering in Moscow, 1917-2022//Comparative Studies in Society and History. Vol. 65. № 3. P. 587-615.
- Latour B., Yaneva A. (2017) «Give Me a Gun and I Will Make All Buildings Move»: An ANT's View of Architecture//Ardeth. A Magazine on the Power of the Project. № 1. P. 103-111.
- Laruelle M. (2019) The Three Waves of Arctic Urbanisation. Drivers, Evolutions, Prospects//Polar Record. № 55. P. 1-12.
- Leibowitz K., Vittersø J. (2020) Winter is Coming: Wintertime Mindset and Wellbeing in Norway//International Journal of Wellbeing. Vol. 10. № 4. Available at: <https://internationaljournalofwellbeing.org/index.php/ijow/article/view/935/977> (accessed: 30.08.2024).
- Leitner H., Peck J., Sheppard E. (eds.) (2007) Contesting Neoliberalism. N.Y.: Guilford Press.
- Lo R.H. (2009) Walkability: What Is It?//Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability. Vol. 2. № 2. P. 145-166.
- Marshall S. (2004) Streets and Patterns. N.Y.: Routledge.
- McCann E.J. (2004) "Best Paces": Interurban Competition, Quality of Life and Popular Media Discourse//Urban Studies. Vol. 41. № 10. P. 1909-1929.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Sheludkov A.V. (2022) Spatially Uneven Development in Russia//Reg. Res. Russ. Vol. 12. № 1. P. 4-19.
- Norberg-Schulz C. (1971) Existence, Space and Architecture. Westport, CT: Praeger Publishers.
- Norberg-Schulz C. (2012) The Phenomenon of Place//The Urban Design Reader/C. Norberg-Schulz (ed.). N.Y.: Routledge. P. 292-304.
- Nyseth T. (2017) Arctic Urbanization: Modernity without Cities//Arctic Environmental Modernities: From the Age of Polar Exploration to the Era of the Anthropocene/L.-A. Körber, S. MacKenzie, A. Westerståhl Stenport (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 59-70.
- Pallasmaa J. (1996). The Geometry of Feeling: A Look at the Phenomenology of Architecture//Theorizing a New Agenda for Architecture, An Anthology of Architectural Theory/K. Nesbitt (ed.), pp. 447-453. N.Y.: Princeton Architectural Press.
- Paukaeva A.A., Setoguchi T., Watanabe N., Luchkova V.I. (2020) Temporary Design on Public Open Space for Improving the Pedestrian's Perception Using Social Media Images in Winter Cities//Sustainability. Vol. 12. № 15. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12156062>.
- Peck J., Tickell A. (2002) Neoliberalizing Space//Antipode. № 34. P. 380-404.
- Pressman N., Zepic X. (1986) Planning in Cold Climates: A Critical Overview of Canadian Settlement Patterns and Policies. Fort Worth, TX: The Institute of Urban Studies.
- Schiffrin D. (2006) In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Schmidt C. (2012) Henri Lefebvre, the Right to the City, and the New Metropolitan Mainstream//Cities for people, not for Profit. Critical Urban Theory and the Right to the City/N. Brenner, P. Marcuse, M. Mayer (eds.). N.Y.: Routledge. P. 42-62.
- Shields R. (2014) Fancy Footwork: Walter Benjamin's Notes on Flânerie//The Flaneur (RLE Social Theory)/K. Tester (ed.). N.Y.: Routledge. P. 61-80.
- Shiklomanov N.I., Laruelle M. (2017) A Truly Arctic City: An Introduction to the Special Issue on the City of Norilsk, Russia//Polar Geography. Vol. 40. № 4. P. 251-256.
- Stout M., Collins D., Stadler S.L., Soans R., Sanborn E., Summers R.J. (2018) Celebrated, not Just Endured: Rethinking Winter Cities//Geography Compass. Vol. 12. № 8.
- United Nations Environment Programme (2021)//Making Peace with Nature (No. DEW/2335/NA). Nairobi, Kenya.
- Zamyatina N., Goncharov R. (2019) Arctic Urbanization: Resilience in a Condition of Permanent instability – The Case of Russian Arctic Cities//Resilience and Urban Disasters/K. Borsekova, P. Nijkamp (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 136-153.
- Zukin S. (1998). Urban Lifestyles: Diversity and Standardisation in Spaces of Consumption//Urban Studies. Vol. 35. № 5-6. P. 825-839.

ADAPTATION OR IMITATION: THE SEARCH FOR A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT IN ARCTIC CITIES

Sofia M. Prokopova, Junior Research Fellow, Arctic Design Research Laboratory, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU); 51 Lenin Ave., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation.
E-mail: sofia.prokopova@gmail.com

This article critically analyzes the architectural ideas for the formation of a comfortable urban environment in the Russian Arctic in order to show the connection between design representations and the perception of the Arctic as a peripheral resource base. Despite recognizing the uniqueness of the region, Arctic architecture today is limited to transforming the urban environment based on the urban mainstream or creating a closed environment to replace open public spaces. We hypothesize that these approaches are based, firstly, on an ongoing attempt to “appropriate” the region through its “comfortization”, which actualizes a decolonial analysis of the prevailing design representations. Secondly, the search for an adapted approach faces the complexities of architecture’s “understanding” of the region, leading to recourse to common approaches or the imitation of familiar architectural environments in artificial microclimates. Consequently, there is a need to abandon the “southern” view of the Arctic and to develop a conceptual framework based on an understanding of “northernness”.

Keywords: Arctic architecture; urban environment; Arctic urbanization; Russian North; decolonial critique; architectural space; targeted approach

Citation: Prokopova S.M. (2025) Adaptation or Imitation: The Search for a Comfortable Urban Environment in Arctic Cities. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202568-86> (in Russian)

References

- Arctic Indigenous Wellness Centre (2018) Lateral Office. Available at: <https://lateraloffice.com/filer/Work/AIWC-2020> (accessed: 30.08.2024).
- Arktikametriya. Sbornik principov proektirovaniya v severnykh regionah [Arcticametrics. A Compilation of Design Principles in Northern Regions] (2023). Yarus. Available at: <https://yarus.center/chto-ta-koe-arktikanometriya/>. (in Russian)
- Begum T. (2015) A Postcolonial Critique of Industrial Design: A Critical Evaluation of the Relationship of Culture and Hegemony to Design Practice and Education Since the Late 20th Century. [Doctoral dissertation, University of Plymouth]. DOI: <https://doi.org/10.24382/3234>.
- Beaulé C.I., De Coninck P. (2018) The Concept of “Nordicity.” Opportunities for the Design Fields. *Relate North: Practising Place, Heritage, Art & Design for Creative Communities*/T. Jokela, G. Coutts (eds.). Rovaniemi: Lapland University Press, pp. 12–34.
- Beaulé C.I., Evans, P. (2020) Living in the Near North: Insights from Fennoscandia, Japan and Canada. In: *Relate North: Tradition and Innovation in Art and Design Education*/T. Jokela, G. Coutts (eds.). Rolling Meadows, IL: SEA Publications, pp. 141–161.
- Bolotova A. (2014) «Esli ty polyubish’ Sever, ne razlyubish’ nikogda»: vzaimodejstvie s prirodoy v severnykh promyshlennykh gorodakh [“If you love the North, you’ll never fall out of love”: interacting with nature in northern industrial cities]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [Untouchable stock. Debates on politics and culture], no 5, pp. 170–188. (in Russian)
- Bozovic T., Hinckson E., Stewart T., Smith M. (2021) How to Improve the Walking Realm in a Car-oriented City? (Dis)agreements Between Professionals. *Transportation research part F: traffic psychology and behaviour*, no 81, pp. 490–507.
- Büdenbender M., Zupan D. (2016) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Castree N. Gregory D. (eds.) (2008) David Harvey: a critical reader. John Wiley & Sons.
- Chapman D., Nilsson K.L., Rizzo A., Larsson A. (2019) Winter City Urbanism: Enabling all Year Connectivity for Soft Mobility. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 16, no 10.
- Chartier D. (2007) Towards a Grammar of the Idea of North: Nordicity, Winterity. *Nordlit*, no 22, p. 35–47.
- Chuklov N.S. (2019) Preemstvennost’ v ob’emno-planirovochnykh elementakh gorodov s kontroliruemim klimatom v Zapolyar’e [Continuity in volume-planning elements of climate-controlled cities in the Polar Region]. *Architecture and Modern Information Technologies*, vol. 47, no 2, pp. 251–266.
- Coleman N. (2015) *Lefebvre for Architects*. New York: Routledge.
- Gercberg L.YA. (2023) Yavlyaetsya li master-plan effektivnym instrumentom razvitiya territorij v Rossii? [Is the master plan an effective tool for territorial development in Russia?]. *Academia. Arhitektura i stroitel’sтво* [Academia. Architecture and Construction], no 2, pp. 5–14. (in Russian)
- Davydov V.N. (2023) Issledovaniya mobil’nosti v Arktike, ot teorii k dejstviyu [Mobility research in the Arctic, from theory to action]. *Etnografiya* [Ethnography], vol. 19, no 1, pp. 82–99.
- Doel M.A. (1999) Poststructuralist Geographies: The Diabolical Art of Spatial Science. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Dunne A., Raby F. (2024) *Speculative Everything, With a New Preface by the Authors: Design, Fiction, and Social Dreaming*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Friedmann J. (1999) The City of Everyday Life: Knowledge/Power and the Problem of Representation. *disP – The Planning Review*, vol. 35, no 136–137, pp. 4–11.
- Gehl J. (1987) *Life Between Buildings – Using Public Space*. New York: Van Nostrand Reinhold.
- Gunko M., Zupan D., Riabova L., Zaika Y., Medvedev A. (2022) From Policy Mobility to Top-down Policy Transfer: “Comfortization” of Russian Cities Beyond Neoliberal Rationality. *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 40, no 6.
- Hale J. (2016) *Merleau-Ponty for Architects*. New York: Routledge.
- Hamelin L.E. (1979) *Canadian Nordicity: It’s Your North, Too*. Montreal: Harvest House.
- Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. New York: Blackwell Pub.
- Hemmersam P. (2016) Arctic Architectures. *Polar Record*, vol. 52, no 4, pp. 412–422.
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. New York: Bloomsbury Publishing.
- Hicks M. (2016) Imagining the Pavement: A Search Through Everyday Texts for the Symbolism of an Everyday Artefact. *Journal*

- of *Urban Cultural Studies*, vol. 3, no 2, pp. 207–221.
- Hodgson K.K. (2023) Mastering the Arctic? Political Culture and Colonialism in the Russian Far North [Doctoral dissertation, The Arctic University of Norway]. Available at: <https://hdl.handle.net/10037/31908> (accessed: 30.08.2024).
- Huggan G. (2016) Introduction: Unscrambling the Arctic. Postcolonial Perspectives on the European High North. *Unscrambling the Arctic*/G. Huggan, L. Jensen (eds.). Springer, pp. 1–29.
- Huse T. (2024) Temporal Displacement: Colonial Architecture and its Contestation. *International Journal of Housing Policy*, pp. 1–23.
- Irani L., Vertesi J., Dourish P., Philip K., Grinter R.E. (2010) Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development. *Proceedings of the 28th international conference on Human factors in computing systems*. New York, NY: ACM, pp. 1311–1320.
- Jull M. (2017) The Improbable City: Adaptations of an Arctic Metropolis. *Polar Geography*, no 4, pp. 291–305.
- Kak na kosmicheskom korable [Like a spaceship] (2011) *Vzglyad* [View Newspaper]. Available at: <https://vz.ru/economy/2011/9/22/524545.html> (accessed: 30.08.2024).
- Kalemeneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Experimentation in Arctic Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 3, pp. 426–449.
- Kalemeneva E.A. (2019) «Povorot k cheloveku» v proektah i praktike urbanizacii Krajnego Severa SSSR v 1950–1960-e gg. [“Turn to Human” in the projects and practice of urbanization of the Far North of the USSR in the 1950s–1960s.]. [Phd Dissertation, HSE]. Moscow.
- Kalinina N.S., Morozov N.V. (2019) Arhitekturnye, tekhnicheskie i dizajnerskie osobennosti proektirovaniya zhilyh i obshchestvennyh zdaniy v usloviyah Krajnego Severa [Architectural, technical and design peculiarities of residential and public buildings design in the Far North conditions] *Sistemnye tekhnologii* [System Technologies], pp. 40–46.
- Kinossian N. (2017) Re-colonising the Arctic: The Preparation of Spatial Planning Policy in Murmansk Oblast, Russia. *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol 35, no 2, pp. 221–238.
- Kiruna masterplan//White Arkitekter. Available at: <https://whitearkitekter.com/about-white/> (accessed: 30.08.2024).
- Koncepciya mikrorajona v Arktike [Concept of a microdistrict in the Arctic] (2021) Behance. Available at: <https://www.behance.net/gallery/124146479/koncepcija-mikrorajona-v-arktike>.
- Lähteenmäki M., Murawski M. (2023) Blagoustroystvo: Infrastructure, Determinism, (Re)coloniality, and Social Engineering in Moscow, 1917–2022. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 65, no 3, pp. 587–615.
- Latour B., Yaneva A. (2017) «Give Me a Gun and I Will Make All Buildings Move»: an ANT’s View of Architecture. *Ardeth. A magazine on the power of the project*, no 1, pp. 103–111.
- Laruelle M. (2019) The Three Waves of Arctic Urbanisation. Drivers, Evolutions, Prospects. *Polar Record*, no 55, pp. 1–12.
- Lefebvre A. (2015) Proizvodstvo prostranstva [Production of space]. Moscow: Strelka Press, 2015.
- Leibowitz K., Vittersø J. (2020) Winter is Coming: Wintertime Mindset and Wellbeing in Norway. *International Journal of Wellbeing*, vol. 10, no 4.
- Leitner H., Peck J., Sheppard E. (eds.) (2007) Contesting Neoliberalism. New York: Guilford Press.
- Lo R.H. (2009) Walkability: What Is It? *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, vol. 2, no 2, pp. 145–166.
- Marshall S. (2004) Streets and Patterns. New York: Routledge.
- Mart’yanov V.S. (2016) Urbanizaciya Rossijskoj Arktiki: severnaya gorodskaya identichnost’ kak faktor razvitiya [Urbanization of the Russian Arctic: Northern Urban Identity as a Factor of Development] *Rossijskaya Arktika v poiskahintegral’noj identichnosti* [The Russian Arctic in Search of an Integral Identity]. Moskva: Novyj Hronograf [Moscow: New Chronograph]/O.B. Podvincev (ed.), po. 112–139.
- Master-plan goroda Anadyrya 2030 [Anadyr City Masterplan 2030] (2022) *Vostochnyj centr gosudarstvennogo planirovaniya* [Eastern State Planning Centre]. Available at: <https://landing.vostokgosplan.ru/mp-anadyr/> (accessed: 30.08.2024).
- McCann E.J. (2004) “Best Paces”: Interurban Competition, Quality of Life and Popular Media Discourse. *Urban Studies*, no 41, pp. 1909–1929.
- Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. (2022) Spatially Uneven Development in Russia. *Reg. Res. Russ*, no 12, pp. 4–19.
- Nevlyutov M.R. (2021) Fenomenologicheskie koncepcii v teorii arhitektury [Phenomenological concepts in architectural theory]. [PhD Dissertation, NNGASU]. Moscow.
- Norberg-Schulz C. (1971) Existence, Space and Architecture. Westport, CT: Praeger Publishers.
- Norberg-Schulz C. (2012) The Phenomenon of Place. In: *The Urban Design Reader*/C. Norberg-Schulz (ed.). New York: Routledge, pp. 292–304.
- Nyseth T. (2017) Arctic Urbanization: Modernity without Cities. In: *Arctic Environmental Modernities: From the Age of Polar Exploration to the Era of the Anthropocene*/L.-A. Körber, S. MacKenzie, A. Westerståhl Stenport (eds.). London: Palgrave Macmillan, pp. 59–70.
- Otkrytyj mezhdunarodnyj konkurs na razrabotku arhitekturno-planirovochnoj koncepcii renovacii goroda Noril’ska [An open international competition for the development of an architectural and planning concept for the renovation of Norilsk city] (2022). *Otkrytyj mezhdunarodnyj konkurs* [Open International Competition]. Available at: <https://konkurs.norilsk2035.ru> (accessed: 30.08.2024).
- Pallasmaa J. (1996). The Geometry of Feeling: A Look at the Phenomenology of Architecture. In: *Theorizing a New Agenda for Architecture, An Anthology of Architectural Theory*/K. Nesbitt (ed.), pp. 447–453. New York: Princeton Architectural Press.
- Park budushchih pokolenij [Future Generations Park] (2024) *Park budushchih pokolenij* [Future Generations Park]. Available at: <https://parkyakutia.ru> (accessed: 30.08.2024).
- Paukaeva A.A., Setoguchi T., Watanabe N., Luchkova V.I. (2020) Temporary Design on Public Open Space for Improving the Pedestrian’s Perception Using Social Media Images in Winter Cities. *Sustainability*, vol. 12, no 15.

- Peck J., Tickell A. (2002) Neoliberalizing Space. *Antipode*, no 34, pp. 380–404.
- Podhody k razvitiyu arkticheskikh gorodov na primere proekta Novyy Murmansk [Approaches to the development of Arctic cities on the example of the New Murmansk project] (2021) *Strelka KB, Dzen*. Available at: <https://dzen.ru/a/Yayd3hWi0g9IlSsG>. (accessed: 30.08.2024)
- Pressman N. Zepic X. (1986) Planning in Cold Climates: A Critical Overview of Canadian Settlement Patterns and Policies. Fort Worth, TX: The Institute of Urban Studies.
- Rezul'taty konkursa «Derevyannyj minimalizm ulicy Smidovicha» [Results of the competition 'Wooden minimalism of Smidovich Street'] (2024) *Tatlin*. Available at: https://tatlin.ru/articles/rezultaty_konkursa_derevyannyj_minimalizm_ulicy_smidovicha (accessed: 30.08.2024).
- Rossiiskij urbanizm pri avtoritarizme. Ot konformizma k kon'yunkture: ekspertnyj razbor sovremennogo sostoyaniya rossijskoj urbanistiki [Russian Urbanism under Authoritarianism. From conformism to conjuncture: an expert analysis of the current state of Russian urbanism] (2024) *Kollektivnoe dejstvie* [Collective action]. Available at: <https://k-d.center/authoritarianurban> (accessed: 30.08.2024).
- Schiffrin D. (2006) In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge, MA: Cambridge.
- Schmidt C. (2012) Henri Lefebvre, the Right to the City, and the New Metropolitan Mainstream. In: *Cities for people, not for profit. Critical Urban Theory and the Right to the City*/N. Brenner, P. Marcuse, M. Mayer (eds.). New York: Routledge, pp. 42–62.
- Shields R. (2014) Fancy Footwork: Walter Benjamin's Notes on Flânerie. In: *The Flâneur (RLE Social Theory)*/K. Tester (ed.). New York: Routledge, pp. 61–80.
- Shiklomanov N.I., Laruelle M. (2017) A Truly Arctic City: An Introduction to the Special Issue on the City of Norilsk, Russia. *Polar Geography*, vol 40, no 4, pp. 251–256.
- Stout M., Collins D., Stadler S.L., Soans R., Sanborn E., Summers R.J. (2018) Celebrated, not Just Endured: Rethinking Winter Cities. *Geography Compass*, vol 12, no 8.
- Turisticheskij klaster «Polyus Holoda» v Ojmyakone [The Pole of Cold tourist cluster in Oymyakon] (2019) *Arhitekturnoe byuro Asadov* [Asadov Architectural Bureau]. Available at: <https://asadov.studio/project/ojmyakon/> (accessed: 30.08.2024).
- United Nations Environment Programme (2021) *Making Peace with Nature* (No. DEW/2335/NA). Nairobi, Kenya.
- Yanovskaya Yu.S., Merenkov A.V. (2023) Arktika. Problemy i perspektivy gradostroitel'nogo razvitiya i formirovaniya komfortnoj sredy [The Arctic. Problems and prospects of urban development and formation of comfortable environment]. *Arhitekton. Izvestiya vuzov* [Architecton. University Proceedings], vol 83, no 3. Available at: https://archvuz.ru/2023_3/18/ (accessed: 30.08.2024).
- Zajcev N.E. (2018) Nekotorye problemy social'noj ekologii i sociologii v arhitekture arkticheskikh «gorodov pod kupolom» [Some problems of social ecology and sociology in the architecture of Arctic "cities under the dome"]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science], no 6. Available at: <https://esj.today/PDF/20SAVN618.pdf> (accessed: 30.08.2024).
- Zamyatina N., Goncharov R. (2019) Arctic Urbanization: Resilience in a Condition of Permanent instability – The Case of Russian Arctic Cities. Resilience and Urban Disasters/K. Borsekova, P. Nijkamp (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 136–153.
- Zamyatina N.Yu. (2023) Vozmozhno li blagoustrojstvo arkticheskikh gorodov: tri kartiny [Is the improvement of Arctic cities possible: three pictures]. *Go Arctic*. Available at: <https://goarctic.ru/society/vozmozhno-li-blagoustrojstvo-arkticheskikh-gorodov-tri-kartiny/>. (accessed: 30.08.2024).
- Zukin S. (1998) Urban Lifestyles: Diversity and Standardisation in Spaces of Consumption. *Urban Studies*, vol 35, no 5–6, pp. 825–839.

Атмосфера места: НОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КЛАДБИЩ (кейс Калитниковского кладбища)

Алиса Сторчак

Введение

Кладбище — такая же неотъемлемая часть города, как и парки, детские площадки и другие инфраструктурные объекты. На кладбищах, расположенных в пределах города, погребения зачастую больше уже не производятся: сегодня из 136 кладбищ Москвы только 6 принимают новые захоронения, остальные открыты лишь для родовых захоронений¹. Постепенно кладбища приобретают новые функции и значения [Чеснокова, 2018], но сохраняют свою атмосферу. По результатам опроса фонда «Общественное мнение» о причинах посещений кладбищ половина опрошенных респондентов отмечают, что им не нравится посещать кладбища, а наиболее часто упоминаемой причиной этого становится некая «гнетущая атмосфера» и ассоциации с негативными эмоциями². При этом описание причин формирования такой атмосферы кладбища упоминаются лишь в художественной литературе и на форумах. Сегодня кладбище в повседневном сознании существует как некий непривлекательный городской объект, обладающий негативной атмосферой, тогда как научные работы, которые концептуализировали бы кладбища не на уровне функций и значений, а на уровне непосредственного сенсорного восприятия, вовсе отсутствуют. В настоящей статье мы сначала кратко разберем понятие «атмосфера места», а далее рассмотрим результаты исследования атмосферы Калитниковского кладбища г. Москвы.

Сторчак Алиса Александровна, независимая исследовательница.
E-mail: alisaastorchak@gmail.com

В статье исследуется концепция атмосферы места применительно к городским кладбищам на примере Калитниковского кладбища в Москве. Несмотря на частое упоминание «атмосферы кладбища» в бытовом и литературном дискурсе, научных исследований данного феномена практически не существует. В российском контексте восприятие кладбищенской атмосферы часто носит негативный характер, что обусловлено как инфраструктурными проблемами, так и культурными особенностями. На основе 16 предварительных и 11 прогулочных интервью с посетителями Калитниковского кладбища автор выявляет ключевые факторы, формирующие атмосферу данного места, и анализирует их влияние на восприятие пространства. В результате исследования составлена типология элементов, позитивно и негативно влияющих на посетительский опыт, а также предложена модель описания собирательной атмосферы кладбища как городского объекта.

Ключевые слова: атмосфера места; восприятие пространства; городское кладбище; городское пространство; Калитниковское кладбище; прогулочное интервью; эмоциональный опыт

Цитирование: Сторчак А. А. (2025) Атмосфера места: новый подход к исследованию кладбищ (кейс Калитниковского кладбища) // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.17323/uspp101202587-98>

1. Тихие соседи (2023) // Институт Генплана Москвы. Режим доступа: <https://genplanmos.ru/tihie-sosedi/> (дата обращения: 19.02.2024).

2. Практики и смыслы посещения кладбищ (2014) // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/11810> (дата обращения: 13.09.2024).

Подходы к определению атмосферы

Гернот Бёме использует понятие атмосферы как особой характеристики пространства, развивая идеи Бенямина об ауре как возникающем эмоциональном отклике при созерцании произведений искусства, а также концепт атмосферы в понимании Шмитца [Böhme, 1993]. Подход Германа Шмитца к атмосфере более феноменологический и направлен на чувственное восприятие пространства человеком [Schmitz, Müllan, Slaby, 2011]. Для того чтобы наделить атмосферу отдельным феноменологическим статусом и сделать ее изучение возможным, Шмитц вводит понятие субъективного тела, феномена, *Leib*, которое рассматривает отдельно от физического тела, *Körper* [Лебедева, 2016]. Атмосфера воспринимается человеком и ощущается на телесном уровне в конкретное время в конкретном пространстве: атмосфера нематериальна, связана с чувственным восприятием, пространственна и конкретна [Böhme, 1993]. К основным факторам формирования атмосферы Бёме относит пространственные характеристики, звуки и запахи, материальные объекты и находящиеся в нем люди [Böhme, Thibaud, 2016, p. 32].

Грифферо вводит концепт квази-вещей, которые, в отличие от вещей, нематериальны и неуловимы: время, свет и тьма. Квази-вещи непостоянны, они находятся в пространстве временно, а затем исчезают из него, ощущаются на чувственном уровне субъектом восприятия [Griffero, 2019]. Для Тонино Грифферо атмосфера — это результат взаимодействия субъекта и объекта (пространства), это присутствие в пространстве, которое ощущается на сенсорном уровне [Мазаева, 2022].

Ключевая проблема в изучении атмосферы — ее нематериальность, невозможность ее зафиксировать. Единственной точкой прикосновения становится ее восприятие человеком и возникающие у него эмоциональные реакции на взаимодействие с пространством [Böhme, 1993]. У Грифферо атмосфера в большей степени относится к характеристике пространства, а не к эмоциональному состоянию субъекта, хотя нельзя отрицать их взаимосвязь [Griffero, 2019, p. 419]. Такой фокус на эмоциональность места характерен для аффективного подхода к определению атмосферы.

Среди эмпирических исследований атмосферы можно найти изучение атмосферы архитектурных сооружений [Zumthor, 2006; Pallasmaa, 2016], футбольного матча [Edensor, 2015], отдельных городских районов [Jones, 2017; Бредникова, Запорожец, 2016], общественных пространств [Duff, 2010]. Исследователями уделяется внимание особой атмосфере в религиозных сооружениях за счет их сакрального назначения [Edensor, 2015].

Есть ли у кладбища атмосфера?

В одном из исследований скандинавских кладбищ, посвященном изучению восстанавливающего потенциала пространства кладбища в Осло [Nordh et al., 2017], в рамках полуструктурированных интервью авторы задают посетителям вопросы с просьбой описать их мотивацию посещения кладбища, восприятие кладбища и его атмосферы. В рамках такого подхода у респондентов не возникает сомнений относительно того, обладает ли кладбище атмосферой. Атмосфера исследуемого кладбища описывается как спокойная, умиротворенная и задумчивая за счет природных элементов (озелененность пространства, звуки птиц), тишины, расположенных на его территории могил и общей ухоженности пространства [Nordh et al., 2017, p. 115]. Кладбище воспринимается как отделенный от города оазис спокойствия, где посетители могут спокойно прогуливаться, любоваться зелеными насаждениями и рассматривать архитектуру надгробий, а также оставаться наедине с собой и своими мыслями, что как раз формирует тот самый восстанавливающий потенциал пространства. Это исследование важно с точки зрения изучения связи характеристик пространства кладбища и эмоционального состояния его посетителей, однако авторы не концептуализируют понятие атмосферы как таковое и не ставят ее существование под сомнение.

Из-за особенностей развития похоронной индустрии в советское время российские кладбища и визуально, и функционально отличаются от скандинавских [Соколова, 2022], поэтому исследования европейских кладбищ и их восприятия горожанами оказываются нерелевантными для российского контекста. В эмпирической части данного исследования стояли две основные задачи: определить, обладает ли выбранное кладбище атмосферой в целом, и в случае утвердительного ответа выяснить, как именно описывается атмосфера.

Методология и выборка исследования

Исследование проводилось весной 2024 года в два этапа. На первом этапе было проведено онлайн-интервью через видеосвязь длительностью от 25 до 35 минут с 16 информантами в возрасте от 22 до 46 лет — 9 мужчинами и 7 женщинами. Интервью включало вопросы относительно предыдущего опыта посещения кладбищ, отношения к прогулкам по нему, вопрос о том, что такое атмосфера и описание атмосферы кладбищ, если такая существует. Выборка для предварительного интервью формировалась методом «снежного кома». Такой способ поиска информантов был выбран, поскольку тема посещения кладбищ достаточно личная и чувствительная, поэтому для доверительного контакта было важно, чтобы респондент был осведомлен об исследователе через знакомых и добровольно согласился участвовать в интервью. По результатам первого интервью информанты были разделены на 3 сегмента в зависимости от отношения к посещению кладбищ: «негативно настроенные» (информанты, для которых посещение кладбищ без цели посещения захоронений неприемлемо), «нейтрально настроенные» (информанты, которые нейтрально относятся к прогулкам по кладбищам) и «энтузиасты» (информанты, которые заинтересованы в прогулках по кладбищам без цели посещения захоронений и имеют такой опыт в прошлом). Предварительные интервью позволили познакомиться с информантами, выявить убеждения и ассоциации, связанные с кладбищами, а также сформировать представление о том, как участники интервью понимают атмосферу места в целом и атмосферу кладбища в частности.

Поскольку атмосфера места предполагает чувственное восприятие при нахождении в пространстве, на втором этапе были проведены прогулочные интервью. Метод прогулочного интервью, то есть интервью, которое проводится во время прогулки по заранее определенному маршруту, позволило зафиксировать мысли и эмоции информантов от конкретного кладбища. Такой метод позволяет перейти от абстрактного рассуждения об атмосфере места к конкретным сенсорным ощущениям через восприятие элементов пространства [Degen, Rose, 2012]. Соответственно, после проведения предварительного интервью все информанты были приглашены на прогулочное интервью на Калитниковском

кладбище. Финальная выборка прогулочного интервью составила 11 человек: 6 мужчин и 5 женщин. Пять информантов отказались от прогулки из-за нежелания посещать кладбище, а также по личным причинам, что указывает на наличие определенных страхов и негативных убеждений относительно кладбищ.

Прогулочное интервью длилось от 40 минут до 1 часа 13 минут по заранее составленному маршруту. Также во время прогулки в качестве дополнения к интервью информанты проходили опрос для оценки психоэмоционального состояния (шкалу позитивного аффекта и негативного аффекта и 3 показателя по методу семантического дифференциала). Опросы позволили соотнести слова информантов с конкретными эмоциями, а также сравнить эмоциональные реакции в разных локациях [Ochiai, 2015; Zhou, 2022].

Все интервью были записаны на диктофон с согласия информантов с условием сохранения конфиденциальности и анонимности.

Исследуемая локация и маршрут

В качестве объекта исследования было выбрано Калитниковское кладбище г. Москвы, расположенное в Центральном административном округе. Ключевые факторы выбора кладбища — его расположение рядом с жилой застройкой, наличие сквера рядом для составления маршрута, а также отсутствие большого количества исторических захоронений и других архитектурных памятников, которые могли бы привлекать посетителей.

Маршрут для прогулочного интервью начинался в пространстве со скамейками, окруженном деревянным забором (далее — «Беседка»), где происходила встреча информанта с исследователем, знакомство и настрой на интервью. Далее через сквер информант и исследователь подходили к входу на кладбище. Маршрут проходил по разным частям кладбища — более уединенным центральным дорожкам и более открытым вдоль бетонного забора. После совершения круга участники возвращались к входу на кладбище, и далее завершение интервью проходило в «Беседке».

Атмосфера кладбищ по результатам предварительных интервью

В рамках предварительного онлайн-интервью информантам был задан вопрос «Что

Рис. 1. Расположение кладбища

Источник:
подложка 2GIS.

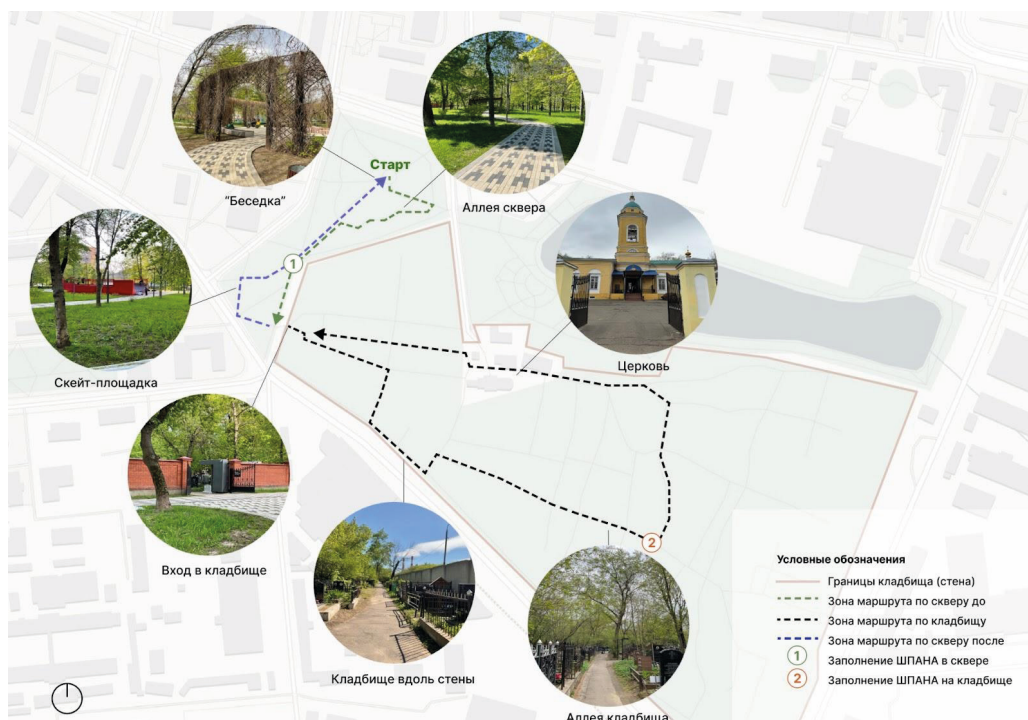
вы понимаете под атмосферой места?». В ответах выделяется два паттерна в понимании атмосферы. Первое определение — это «вайб», то есть характеристика пространства, которая задается его содержимым: архитектурными элементами, деталями оформления, посетителями: «Тот самый вайб на молодежном сленге. Ну это что-то, что складывается из многих факторов. Мне приходит в голову архитектура, ну вот само обустройство места, дизайн, интерьер и так далее. И если это какое-то публичное место, то вайб формируют те, кто там находится» (информант №11). Второе определение — это эмоциональное состояние, которое человек испытывает от нахождения в пространстве: «Для меня атмосфера — это спектр чувств, эмоций и какого-то там сенсорного опыта, который задается определенными предметами в этом пространстве. Ну, то есть там звук, цвет, формы, другие люди. Ну, то есть совокупность каких-то факторов, которые влияют на твое ощущение в данный момент» (информант №8). Фактически оба подхода к пониманию атмосферы указывают на то, что она формируется за счет элементов пространства, однако в первом случае фокус направлен именно на эмоциональность как характеристику самого пространства, а во втором — на эмоциональную реакцию его посетителей.

Те из информантов, кто позитивно и нейтрально относится к посещению

кладбищ, чаще описывают их атмосферу как спокойную, уединенную и меланхоличную: «Какое-то умиротворение, наверное, потому что ты понимаешь, что твоя жизнь, она настолько короткая, что ты хочешь от нее получить как максимум всего. И ты понимаешь, что все рождаются, все умирают. И поэтому нужно жить здесь и сейчас, а само кладбище не вызывает никаких плохих чувств» (информант №6). Для более негативно настроенных информантов атмосфера кладбища — эмоционально тяжелая, мрачная и обладающая негативной энергетикой: «То есть атмосфера кладбища, прежде всего, она такая печальная за счет посетителей, за счет каких-то вот памятников, мыслей о том, что там кто-то молодой умер» (информант №11). Когда мы говорим про атмосферу кладбищ, следует разделять некое случайное кладбище, образ которого формируется в воображении, и кладбище, на котором захоронены родственники информантов, поскольку последний факт меняет восприятие кладбища даже для негативно настроенных информантов, так как ассоциируется не с кладбищем как таковым, а с умершим человеком и эмоциями относительно его утраты: «Кладбище, оно такое светлое и доброе, потому что там мой любимый человек, самый родной, лежит, и я по нему безумно скучаю, и это для меня реально самый светлый человек в жизни. И для меня атмосфера кладбища

Рис. 2. Общий маршрут прогулочного интервью с изображением ключевых объектов

Источник: составлено автором.

такая же» (информант №4). Во многом атмосферу кладбища задают отношение и эмоции, пережитые на нем информантами в прошлом.

Представление об атмосфере московских кладбищ во многом связано с возникающими относительно них ассоциациями из прошлого опыта и убеждений. Основная визуальная ассоциация — это вид надгробий и связанные с ним мысли о смерти, конечности жизни, которые как раз задают задумчивое настроение пространства. Среди того, что негативно влияет на атмосферу кладбища, — неблагоустроенность территории, наличие мусора, неухоженность захоронений, слишком тесное расположение могил. Все это создает давящую атмосферу, неприятный визуальный опыт и вызывает отвращение. Среди позитивных ассоциаций — природа и тишина, удаленность кладбища от города, которые формируют чувство спокойствия и уединения. Играют роль и образы из массовой культуры, где кладбище отображается как жуткое место, связанное с паранормальными явлениями или рассказами-страшилками из детства: «Мне кажется, это как-то культурой в целом навеяно, потому что кладбище — такой очень сильно эмоционально заряженный объект, его часто в кино показывают как какое-то страшное место» (информант №1). Упоминались и другие факторы атмосферы, такие как визуальный облик и историчность кладбища (в частности, упоминания туристических прогулок по европейским кладби-

щам), время суток и сезон (ночью кладбище — страшное, а образ осеннего дождливого кладбища навеивает меланхолию и загадочность).

По результатам предварительных интервью можно увидеть, что кладбище воспринимается как эмоционально заряженное место, за счет чего оно обладает атмосферой. На описываемую атмосферу кладбища влияет как прошлый опыт посещения, запомнившийся за счет эмоций, так и устоявшийся ассоциативный ряд из массовой культуры и убеждений информантов. Интересно отметить, что более половины информантов отметили, что никогда не посещали кладбища в Москве, однако описали их ожидаемый внешний облик и ощущения от нахождения там. Результаты предварительных интервью подсвечивают то, что представления о кладбищах часто сильно отличаются от реальности. Именно поэтому изучение и дальнейшая работа с кладбищами важны не только на уровне работы с пространством, но и на уровне их восприятия.

Атмосфера Калитниковского кладбища по результатам прогулочного интервью

Ожидаемая атмосфера. Использование прогулочного интервью позволяет перейти от представлений об атмосфере к ее фактическому восприятию, от абстрактного образа кладбища — к конкретному. Полевое исследование проводилось в течение

3 дней в конце апреля — начале мая, в теплую солнечную погоду (температура колебалась от 16 до 20 градусов) с 11:00 до 17:00. В прогулочном интервью приняли участие 11 информантов.

До начала прогулки информанты делились своими ожиданиями от атмосферы Калитниковского кладбища и своих эмоций. Семь информантов ответили, что атмосфера представляется им спокойной, при этом у каждого было свое представление о том, каким будет само пространство эмоционально. Кто-то выделил фокус на меланхоличное настроение кладбища, кто-то — на его уютность за счет озелененности и нахождения возле сквера, кто-то представил насыщенную и интересную атмосферу за счет расположения кладбища в центральном округе: «Ну, мне кажется, достаточно симпатичное будет кладбище. Такое цивилизованное, скорее всего, такое обустроенное. Приятно должно быть. Тут местность такая интересная, много леса — короче, должно быть симпатично» (информант №8). Ожидания от атмосферы кладбища во многом связаны с первым визуальным опытом, то есть сквером, в котором происходила встреча, а также с расположением кладбища в центральной части города.

Для четверых информантов атмосфера представилась негативной за счет предыдущего опыта посещения других кладбищ — скучной, неухоженной и плохо благоустроенной: «Наверное, это обычное такое российское кладбище. Немножко мрачно, хаотично, грустно. Возможно, будет немного грязно, мусорно» (информант №10). Важно и то, что ожидания от атмосферы связаны с состоянием самих информантов и их вовлеченности в пространство: «Главное — не читать эти таблички на могилах, потому что тогда ты начинаешь вообще в экзистенциальную пропасть проваливаться» (информант №6).

Перед прогулкой по самому кладбищу маршрут пролегал через сквер, чтобы настроиться на созерцательный и рефлексивный подход к пространству и своим ощущениям. Атмосфера сквера половиной информантов описывалась как умиротворяющая и расслабленная, предрасполагающая к отдыху. Двое ощутили атмосферу благополучия за счет благоустроенности и оживленности места, четверо — как «стандартную» для районного сквера. Интенсивность ощущения атмосферы зависела от конкретного расположения внутри него: ближе к дороге, на окраине сквера атмосфера ощущалась слабее, а ближе

к центральной части, зелени и «беседке» — сильнее.

Фактическая атмосфера. Информанты описали атмосферу Калитниковского кладбища в двух подходах. Для 8 информантов атмосфера воспринималась как давящая, депрессивная: «Атмосфера гнетущая такая, нагнетающая, приземляющая, грустная» (информант №2), а для троих — как спокойная, уединенная: «Ну, атмосфера такая неторопливая, тихая. Когда проводишь время на кладбище, есть ощущение, что оно здесь немножко приостанавливается, не торопится. И ты можешь быть здесь, подумать о каких-то других мыслях, ну, возможно, что-то в голове там пересобрать или что-то вспомнить, что возможно» (информант №11). Итоговое определение атмосферы дается через эмоциональное состояние, которое информант испытывает во время прогулки по кладбищу.

Интересно, что первое впечатление влияет на первичную эмоциональную реакцию при входе на кладбище, но во время прогулки она может изменяться. Следовательно, первое впечатление не определяет полностью атмосферу, но влияет на нее. Среди часто упоминаемых эмоций от первого впечатления — испуг и дискомфорт от резкого появления надгробий, черных цветов, изменения визуального ландшафта.

Что негативно влияет на атмосферу. Среди факторов, которые оказывают влияние на атмосферу, — планировка и элементы пространства, сенсорные ощущения, посетители и их эмоции, личные переживания информантов, а также погодные условия. Все эти факторы можно разделить на негативные и позитивные. Так, неухоженность пространства, его перенасыщенность и плотность расположения объектов (надгробия, заборы, искусственные цветы) создают обилие визуального шума, давящего на информантов (рис. 3). Одновременно с этим пространство кладбища однообразно, не имеет визуальных доминант, за которые глаз мог бы зацепиться, что только усиливает ощущение давления (рис. 4). Узкие тропинки окружены заборами, а сверху нависают ветви деревьев, из-за чего часть респондентов ощутила давление в том числе на физическом уровне — от тесноты. Неухоженные могилы вызывают чувство печали. Усиливает негативную атмосферу кладбища вид горюющих посетителей, что вызывает у эмпатичных информантов эмоции сочувствия и воспоминания о собственном опыте

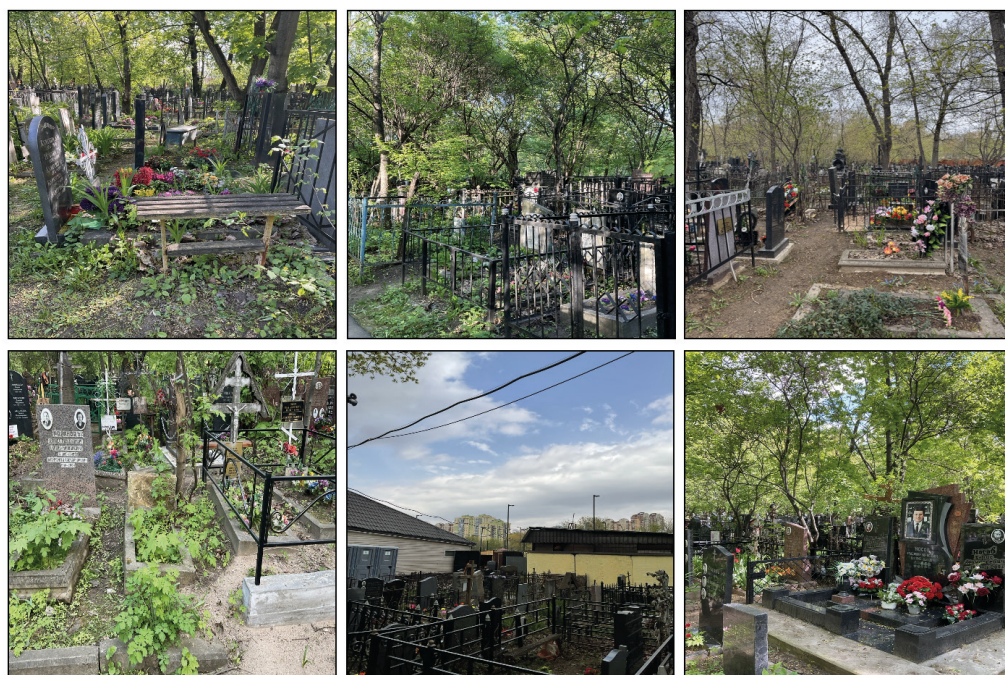
Рис. 3. Плотность и перенасыщенность пространства

Источник: данные автора.

Рис. 4. Однообразность и скученность пространства

Источник: данные автора.

утраты. Также негативно воспринимается вид городских объектов с территории кладбища, мусор, улыбки на выгравированных портретах, неухоженные могилы, чрезмерно пестрые искусственные цветы, деревья с низкой кроной, неупорядоченность захоронений, неухоженные дорожки, коммерция (рис. 5). Все эти элементы либо портят атмосферу Калитниковского кладбища, либо отвлекают от нее, кажутся неуместными. Низкое качество благоустроенности территории, монотонность и перенасыщенность пространства созда-

ют давящее ощущение у информантов, тем самым формируя тяжелую атмосферу кладбища.

Что позитивно влияет на атмосферу. Атмосфера кладбища была давящей для 8 информантов, но не для всех. Трое информантов описали ее как спокойную, уединенную и даже умиротворенную: «Атмосфера спокойная, умиротворенная. Ничто не беспокоит. Не мрачная атмосфера <...>. Как будто бы эта атмосфера немножко тебя вытягивает из твоего привычного, ну, самоощущения, которое было весь день.

Рис. 5. Негативно воспринимаемые объекты

Источник: данные автора.

Рис. 6. Положительно воспринимаемые объекты

Источник: данные автора.

И ты ощущаешь себя спокойнее немножко и замедленнее. И более приземленным, что ли» (интервью №10). Среди факторов, создающих такую атмосферу, — озелененность пространства, наличие интересных надгробий и тишина: «Здесь, наверное, даже немножко уютно из-за того, что очень много деревьев, они как будто бы выстилают такую зеленую шапку над кладбищем. Да, здесь даже немного приятно» (интервью №10). Совокупность этих элементов создает среду, способствующую философским размышлениям о жизни и смерти, истории и ценностях во время прогулки. Ключевая особенность атмосферы кладбища — его оторванность от города за счет другого и визуального, и сенсорного опыта. Информанты отмечали, что они тоже ощущают себя так, словно находятся за пределами города: «Ну, атмосфера деревенского, даже не районного, а либо деревенского, либо малонаселенного

пункта. То есть зеленая и влажная, если по таким ощущениям» (интервью №3). Свою роль играет и приятный внешний облик кладбища: аккуратно расположенные и ухоженные могилы, отсутствие мусора, вид на церковь. Упорядоченность и предсказуемость пространства дает возможность сместить фокус на внутреннее состояние и погрузиться в свои мысли.

Есть и факторы пространства, которые создают положительный опыт прогулки, но не влияют напрямую на саму атмосферу Калитниковского кладбища — это элементы благоустройства (информационные таблички, скамейки, фонтаны), необычные и красивые надгробия, которые привлекают внимание и вызывают интерес (рис. 6).

Фактическое восприятие атмосферы Калитниковского кладбища часто не совпадает

ло с ожиданиями участников прогулочного интервью. Те, кто предполагал встретить спокойное и загадочное место, почувствовали тяжелую атмосферу, в то время как опасавшиеся сильного эмоционального воздействия, напротив, отметили умиротворенность пространства. Такое несоответствие связано с теми представлениями о московском кладбище, которые были у информантов, — высокий уровень благоустроенности, наличие интересных захоронений или же, наоборот, отождествление московских кладбищ с прошлым опытом посещения неухаженных полузаброшенных кладбищ в других городах и регионах.

Предварительные интервью показали, что восприятие атмосферы кладбищ во многом формируется не через личный опыт их посещения, а через призму массовой культуры, социальных стереотипов и устоявшихся образов, в основном негативных. Это приводит к тому, что кладбище воспринимается несколько искаженно и ассоциативно вызывает негативные эмоции у большинства информантов. Отдельные элементы среды действительно могут оказывать влияние на состояние посетителей, вызывая как позитивные, так и негативные эмоции. При этом сама атмосфера и образ кладбища в большей степени определяются представлением о нем. Именно поэтому кажется, что значительная часть работы с кладбищами находится за его пределами и заключается в анализе и пересборке образов и убеждений о кладбищах, которые сохраняются у горожан до сих пор.

Заключение

Данное исследование стало первым подходом к исследованию атмосферы кладбищ. В результате мы увидели, что такое явление, как атмосфера места, действительно существует и ощущается посетителями кладбищ на уровне эмоционального состояния. Более того, в рамках исследования удалось выделить факторы среды, формирующие атмосферу, — элементы пространства и его планировка, сенсорные ощущения, наличие других людей и их эмоции, погода и время суток, а также личные переживания и изначальное состояние самих информантов. Для участников исследования атмосфера кладбища могла восприниматься по-разному — от тяжелой и давящей до спокойной и задумчивой. Получается, что одно и то же пространство может считываться

по-разному и вызывать различный эмоциональный отклик. Следовательно, пространство влияет на формирование атмосферы лишь частично, а значит, есть и другие факторы, которые определяют эмоциональное восприятие атмосферы, и они находятся уже за пределами пространства, то есть внутри человека. Это задает направление для возможных будущих исследований атмосферы, с фокусом не на пространство, а на убеждения и состояние участников.

Тем не менее были выявлены факторы, создающие положительный и негативный опыт прогулки по кладбищу, которые связаны напрямую с пространством, его оформлением и благоустройством. Эти результаты могут быть ценны для городских планировщиков и других специалистов, работающих с городскими территориями, поскольку они подсвечивают взаимосвязь сенсорного и эмоционального восприятия пространства с его элементами. Используемая методология может применяться не только в контексте кладбищ, но и других мест в городе.

Текущее исследование обладает ограничениями, среди которых ограничения выборки: изначально в прогулке согласились принять участие не все информанты, а только те, для кого подобный опыт интересен или хотя бы не вызывает негатива, следовательно, именно открытые к новому опыту информанты делились своим восприятием. Часть участников отказались от прогулки, а это значит, что их предубеждения относительно кладбищ достаточно сильны. В дальнейших исследованиях было бы интересно рассмотреть эти убеждения детальнее. Несмотря на то что гайд прогулочных интервью был достаточно свободным, маршрут и вопросы о том, на что следует обращать внимание, были заданы исследователем и могли смещать фокус информантов. Одно из направлений развития исследования — использование новых исследовательских методов.

Подводя итог, хочется сказать, что концепт атмосферы достаточно ценен с точки зрения комплексного изучения сенсорного, эмоционального и пространственного опыта пребывания человека в общественном пространстве. Это позволяет нам смотреть на него не только через призму функционального использования, но и через призму пропускания пространства через себя, что открывает новые возможности для исследования и осмысления мест.

Источники

- Бредникова О., Запорожец О. (2016) Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов)//Laboratorium: Журнал социальных исследований. Т. 8. № 2. С. 103–119.
- Лебедева Н. (2016) От феноменологии тела к изучению форм взаимодействия: социологическое прочтение Германа Шмитца//Социология власти. Т. 28. № 1. С. 14–34.
- Мазаева М. (2022) Феномен атмосферы как объект междисциплинарного исследования//Социологическое обозрение. Т. 21. № 1. С. 131–152.
- Практики и смыслы посещения кладбищ (2014)//Фонд общественного мнения. Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/11810> (дата обращения 13.09.2024).
- Соколова А. (2021) Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение.
- Тихие соседи (2023)//Институт Генплана Москвы. Режим доступа: <https://genplanmos.ru/tihie-sosedii/> (дата обращения: 19.02.2024).
- Чеснокова Е. (2018) Городское кладбище: «другое пространство» современного города//Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием/отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. С. 112–115.
- Böhme G. (1993) Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics//Thesis Eleven. Vol. 36. № 1. P. 113–126.
- Böhme G., Thibaud J.P. (2016) The Aesthetics of Atmospheres. L.: Routledge.
- Degen M.M., Rose G. (2012). The Sensory Experiencing of Urban Design: The Role of Walking and Perceptual Memory//Urban studies. Vol. 49. № 15. P. 3271–3287.
- Duff C. (2010) On the Role of Affect and Practice in the Production of Place//Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 28. № 5. P. 881–895.
- Edensor T. (2015) Producing Atmospheres at the Match: Fan Cultures, Commercialisation and Mood Management in English Football//Emotion, Space and Society. № 15. P. 82–89.
- Griffero T. (2019) Pathicity: Experiencing the World in an Atmospheric Way//Open philosophy. Vol. 2. № 1. P. 414–427.
- Jones P., Isakjee A., Jam C., Lorne C., Warren S. (2017) Urban Landscapes and the Atmosphere of Place: Exploring Subjective Experience in the Study of Urban Form//Urban Morphology. Vol. 21. № 1. P. 29–40.
- Nordh H., Evensen K.H., Skår M. (2017) A Peaceful Place in the City – a Qualitative Study of Restorative Components of the Cemetery//Landscape and Urban Planning. Vol. 167. P. 108–117.
- Pallasmaa J. (2016) The Sixth Sense: The Meaning of Atmosphere and Mood//Architectural Design. Vol. 86. № 6. P. 126–133.
- Schmitz H., Müllan R.O., Slaby J. (2011) Emotions Outside the Box – the New Phenomenology of Feeling and Corporeality//Phenomenology and the Cognitive Sciences. Vol. 10. № 2. P. 241–259.
- Zhou Y., Dai P., Zhao Z., Hao C., Wen Y. (2022) The Influence of Urban Green Space Soundscape on the Changes of Citizens' Emotion: A Case Study of Beijing Urban Parks//Forests. Vol. 13. № 11. P. 1928.
- Zumthor P. (2006) Atmospheres: Architectural Environments. Surrounding Object. B.: Birkhäuser.

PLACE ATMOSPHERE: A NEW APPROACH TO CEMETERY RESEARCH (A CASE STUDY OF KALITNIKOVSKOE CEMETERY)

Alisa A. Storchak, Independent Researcher.
E-mail: alisaastorchak@gmail.com

This article explores the concept of place atmosphere in relation to urban cemeteries, using Moscow's Kalitnikovskoe Cemetery as a case study. Despite frequent mentions of "cemetery atmosphere" in everyday and literary discourse, there is little scientific research on this phenomenon. In the Russian context, the perception of cemetery atmosphere often carries negative connotations, influenced by both infrastructural issues and cultural specificities. Based on 16 preliminary interviews and 11 walking interviews with visitors to Kalitnikovskoe Cemetery, the author identifies key factors that shape its atmosphere and analyzes their impact on spatial perception. The study presents a typology of elements that positively and negatively affect visitor experience, and proposes a model for describing the collective atmosphere of a cemetery as an urban object.

Keywords: place atmosphere; spatial perception; urban cemetery; urban space; Kalitnikovskoe Cemetery; walking interview; emotional experience

Citation: Storchak A.A. (2025) Place Atmosphere: A New Approach to Cemetery Research (A Case Study of Kalitnikovskoe Cemetery). *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 87-98. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202587-98>

References

- Böhme G. (1993) Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. *Thesis Eleven*, vol. 36, no 1, pp. 113-126.
- Böhme G., Thibaud J.P. (2016) The Aesthetics of Atmospheres. London: Routledge.
- Brednikova O., Zaporozhets O. (2016) Veter, ustalost' i romantika noch'i (ob osobennostyakh novykh zhilykh massivov) [Wind, Fatigue and Romance of the Night (on Features of New Residential Areas)]. *Laboratorium: Zhurnal social'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], vol. 8, no 2, pp. 103-119. (in Russian)
- Chesnokova E. (2018) Gorodskoe kladbishche: "drugoe prostranstvo" sovremennogo goroda [Urban Cemetery: "Other Space" of Modern City]. *Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sociologicheskikh izmereniy (VIII Ryazanskie sociologicheskie chteniya)* [Society and State in the Mirror of Sociological Measurements (VIII Ryazan Sociological Readings)] / R.E. Markin, A.V. Pronoza (eds.), pp. 112-115. (in Russian)
- Degen M.M., Rose G. (2012) The Sensory Experiencing of Urban Design: The Role of Walking and Perceptual Memory. *Urban Studies*, vol. 49, no 15, pp. 3271-3287.
- Duff C. (2010) On the Role of Affect and Practice in the Production of Place. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 28, no 5, pp. 881-895.
- Edensor T. (2015) Producing Atmospheres at the Match: Fan Cultures, Commercialisation and Mood Management in English Football. *Emotion, Space and Society*, no 15, pp. 82-89.
- Griffero T. (2019) Pathicity: Experiencing the World in an Atmospheric Way. *Open Philosophy*, vol. 2, no 1, pp. 414-427.
- Jones P., Isakjee A., Jam C., Lorne C., Warren S. (2017) Urban Landscapes and the Atmosphere of Place: Exploring Subjective Experience in the Study of Urban Form. *Urban Morphology*, vol. 21, no 1, pp. 29-40.
- Lebedeva N. (2016) Ot fenomenologii tela k izucheniyu form vzaimodejstviya: sociologicheskoe prochnenie Germana Shmica [From Body Phenomenology to the Study of Forms of Interaction: A Sociological Reading of Hermann Schmitz]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], vol. 28, no 1, pp. 14-34. (in Russian)
- Mazaeva M. (2022) Fenomen atmosfery kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya [The Phenomenon of Atmosphere as an Object of Interdisciplinary Research]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 21, no 1, pp. 131-152. (in Russian)
- Nordh H., Evensen K.H., Skår M. (2017) A Peaceful Place in the City – a Qualitative Study of Restorative Components of the Cemetery. *Landscape and Urban Planning*, vol. 167, pp. 108-117.
- Pallasmaa J. (2016) The Sixth Sense: The Meaning of Atmosphere and Mood. *Architectural Design*, vol. 86, no 6, pp. 126-133.
- Praktiki i smysly poseshcheniya kladbishch [Practices and Meanings of Cemetery Visits] (2014) *Fond obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Foundation]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/11810> (accessed 13 September 2024). (in Russian)
- Schmitz H., Müllan R.O., Slaby J. (2011) Emotions Outside the Box – the New Phenomenology of Feeling and Corporeality. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 10, no 2, pp. 241-259.
- Sokolova A. (2021) Novomu cheloveku – novaya smert'? Pohoronnaya kul'tura rannego SSSR [New Man – New Death? Funeral Culture of Early USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Tihie sosed'i [Quiet Neighbors]. *Institut Genplana Moskvy* [Moscow General Plan Institute]. Available at: <https://genplanmos.ru/tihie-sosed'i/> (accessed:19.02.2024). (in Russian)
- Zhou Y., Dai P., Zhao Z., Hao C., Wen Y. (2022) The Influence of Urban Green Space Soundscape on the Changes of Citizens' Emotion: A Case Study of Beijing Urban Parks. *Forests*, vol. 13, no 11, pp. 1928.
- Zumthor P. (2006) Atmospheres: Architectural Environments. Surrounding Object. Basel: Birkhäuser.

Приложение 1. Примерные вопросы предварительного интервью

1. Как вы относитесь к кладбищам? Какие ассоциации они вызывают у вас?
2. Какой образ возникает относительно московских кладбищ?
3. Был ли у вас опыт посещения кладбищ? Какими были цели посещения?
4. Посещали ли вы кладбища в Москве?
5. Есть ли у вас страхи или убеждения относительно посещения кладбищ?
6. Были ли в вашей жизни события, повлиявшие на отношение к кладбищам?
7. Что такое атмосфера места?
8. Какая атмосфера у кладбищ?
9. Готовы ли вы посетить Калитниковское кладбище Москвы в рамках продолжения исследования?

Приложение 2. Примерные вопросы прогулочного интервью

До прогулки:

Можете описать ожидаемую атмосферу кладбища? Какие эмоции представляете? Поделитесь своими ожиданиями от прогулки на кладбище.

Прогулка по скверу:

Что вы сейчас испытываете, какие эмоции, какие сенсорные ощущения? Как ощущается место, как бы вы его описали?

Есть ли у сквера атмосфера? Опишите ее. Она сильная или слабая? Что влияет на атмосферу сквера?

Прогулка по кладбищу:

Какое у вас возникло первое впечатление при входе на кладбище? Что повлияло на него?

Что вы сейчас испытываете, какие эмоции, какие сенсорные ощущения? Поменялись ли они? Если да, то из-за чего?

Как ощущается кладбище? Как вы можете описать его?

Есть ли у кладбища атмосфера? Какая она? Отличается ли она от атмосферы сквера? Что влияет на атмосферу кладбища? Она сильная или слабая?

Есть ли какие-то мысли и переживания, которые появились у вас во время прогулки по кладбищу? Поделитесь, если вам комфортно. Как вам кажется, почему они возникли?

Вам комфортно или дискомфортно находиться на кладбище? Почему?

Возвращение в сквер:

Какие у вас общие впечатления от атмосферы кладбища? Что запомнилось в большей степени?

Как вы ощущаете себя после возвращения в сквер? Изменилось ли ваше состояние после прогулки по кладбищу?

Поделитесь своими общими впечатлениями от кладбища и его атмосферы. Какой сейчас ощущается атмосфера сквера?

Завершение:

Подтвердились ли ваши ожидания от атмосферы кладбища?

Как вам кажется, Калитниковское кладбище может стать прогулочным местом для горожан?

Страх перед преступностью в городской среде: систематический обзор актуальных исследований

Игорь Пахомов

Городские пространства с особенностями их дизайна и планировки оказывают значительное воздействие на самоощущение человека в городе, его переживания и ментальное состояние. Среда может выступать как катализатор переживаний, негативно влияющих на опыт пребывания в городе. Воспринимаемая (не)безопасность городской среды предопределяет паттерны ее использования и оказывает значимое влияние на общий уровень тревожности и индивидуальное состояние здоровья. При этом именно в городах фиксируется наибольшее число преступлений, и, несмотря на общий спад преступной активности и риска виктимизации в развитых странах, индивидуальный страх перед преступностью не снижается и остается существенной проблемой современных городских сообществ. Если связь между самой преступностью и средовыми характеристиками давно доказана и разработана в научной литературе, то исследования страха перед преступностью начали публиковаться только в последние несколько лет, что подтверждает актуальность изучения этой проблемы. Основная цель работы – систематизировать данные наиболее релевантных исследований и определить, какие именно пространственные и социальные характеристики городской среды оказывают влияние на страх перед преступностью, а также обозначить возможные пробелы в исследовательском поле. Потенциально можно выделить несколько групп пространственных индикаторов, которые могут как снижать, так и, наоборот, провоцировать страх. Современные исследователи в целом не сходятся в том, насколько значимое влияние пространство города оказывает на страх преступности, и поэтому список этих индикаторов – «предикторов» страха – нуждается в анализе и верификации.

Пахомов Игорь Сергеевич, студент, бакалаврская программа «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: pakhomovofficial@gmail.com

В настоящей работе представлен систематический обзор литературы по теме страха преступности и связанных с ним особенностей застроенной среды. Растущий научный интерес к исследованиям эмоционального восприятия городской среды и нейрорбанистике приводит к большому количеству публикаций, нуждающихся в систематизации. Современные исследования страха перед преступностью характеризуются особой неоднородностью и противоречивостью их результатов, поэтому важно применять структурированные подходы к их анализу и интерпретации. Данное исследование дополняет существующие в научном сообществе представления о пространственных индикаторах, влияющих на переживание страха преступности, а также определяет пробелы в существующих исследованиях. Обзор литературы проведен в соответствии с рекомендациями стандарта PRISMA-2020. Для подбора исследований в обзоре применялся сервис *Research Rabbit*, функционирующий на базе ИИ. Всего в обзор было включено 23 публикации, наиболее соответствующие выделенным критериям отбора. Результаты анализа подтверждают значительную зависимость страха преступности от характеристик городской среды, хотя влияние некоторых из них нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: страх перед преступностью; систематический обзор; городские исследования; библиометрия; PRISMA-2020

Цитирование: Пахомов И.С. (2025) Страх перед преступностью в городской среде: систематический обзор актуальных исследований // Городские исследования и практики. Т. 10. № 1. С. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202599-115>

1. Что такое страх?

Для начала важно определить страх преступности и его контекстуальную природу. В современной литературе можно найти несколько вариативных подходов к концептуализации страха. Наиболее распространенным является классическое системное определение американского социолога Кеннета Ферраро, который описывает страх преступности как «тревожную эмоциональную реакцию на преступность или символы, ассоциирующиеся с преступностью» [Ferraro, 1995]. В данной статье также применяется это определение с некоторыми дополнениями. Страх является психоэмоциональным ответом не только на преступления, но и на социальный и средовой контекст. Особенности застроенной городской среды сами по себе могут в значительной степени предсказывать возникновение как самой преступности, так и индивидуального страха [Ratnayake, 2013; Valera, 2014].

При этом страх преступности сложно разделять от воспринимаемой (не)безопасности и риска виктимизации. Большинство современных исследователей используют эти понятия как синонимичные, хотя они отражают концептуально разные проблемы [Rader, 2004; Valera, 2014]. Отсутствие четких определений и формулировок – не ошибка отдельных исследователей, а скорее общая проблема исследовательского поля. Страх конструируется из множественных факторов индивидуального восприятия, реакции и уязвимости и является в корне субъективным переживанием [Jackson & Gray, 2010; Skogan, 2012]. Заявляя о страхе перед преступностью, люди обычно не рефлексируют и не дифференцируют собственное переживание страха и мыслят сразу несколькими общими категориями [Lindgren, 2010; Pain, 2001; Valera, 2014]. Подобное обобщение приводит к множеству разногласий между исследователями. По мнению ряда современных авторов, проблеме страха преступности определенно недостает терминологической ясности и четкости методов оценки (напр., [Jackson, 2010; Warr, 2000]). Противоречивые результаты некоторых исследований объясняются тем, что их авторы не разделяют субъективное восприятие страха и объективный риск виктимизации и в итоге описывают концептуально различающиеся явления [Valera, 2014; Warr, 2000].

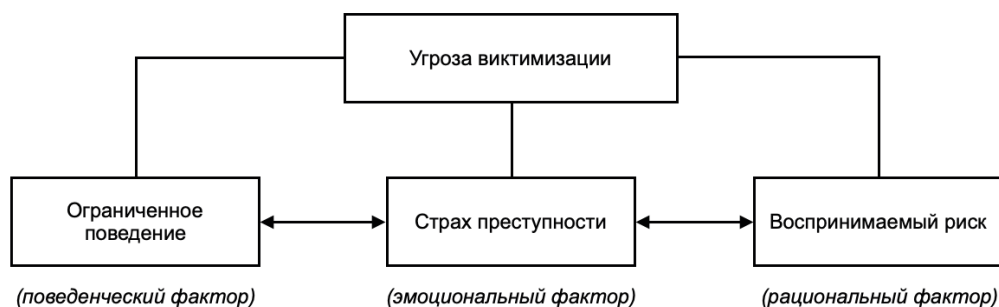
2. Реконцептуализация страха

Американский социолог Николь Рейдер предлагает наиболее детальную на сегодняшний день теоретическую реконцептуализацию понятия страха преступности и вводит более широкий конструкт «угрозы виктимизации» [Rader, 2004]. По сути, страх не всегда является зависимой переменной, а его переживание во многом иррационально и необязательно должно объясняться какими-либо детерминирующими факторами. К примеру, страх преступности одновременно оказывает ограничивающий эффект на осторожное поведение переживающих его людей и их восприятие безопасности, а переживание небезопасности и поведенческие ограничения в свою очередь также провоцируют страх [Rader, 2004; Liska, 1998]. Рейдер дополняет существующие представления о страхе и предлагает рассматривать его в контексте общей угрозы виктимизации, состоящей из трех индикаторов: эмоционального (*страх преступности*), когнитивного или рационального (*воспринимаемый риск виктимизации*) и поведенческого (*ограничения поведения*) [Rader, 2004]. Эти индикаторы самостоятельны, но они имеют взаимодополняющий эффект на угрозу виктимизации. В обзорных теоретических работах некоторые другие исследователи также призывают ограничивать понятие страха преступности исключительно эмоциональным восприятием из-за его отличий от рационального и поведенческого [Ferraro, 1968].

Подобная рамка практически не встречается в современных исследованиях из-за сложности ее применения и разграничения этих трех факторов. Все распространенные на данный момент методы количественной оценки страха не позволяют с точностью дифференцировать страх преступности от прочих переживаний [Rader, 2004; Valera, 2014; Warr, 2000]. Каким бы ни было актуальное определение страха, для респондентов термины «страх», «угроза», «риск», «беспокойство» и пр. синонимичны и взаимозаменяемы. Концептуальные различия между формами и причинами тревожного восприятия небезопасности и страха преступности являются значимым напоминанием о многоуровневой сложности этой проблемы.

Рис. 1. Реконцептуализация страха преступности по Николь Рейдер

Источник:
составлено автором
на основе [Rader, 2004].

3. Проблемы изучения страха

Также не менее важно, что индивидуальный страх потенциально может различаться относительно конкретных преступлений. В криминологии давно доказано, что не все категории преступлений одинаково влияют на представления о небезопасности (напр., [Garofalo, 1981]). Хотя страх преступности обычно оказывается не связан с объективным уровнем преступности и реальными показателями виктимизации, часть исследователей находит подтверждение тому, что негативный индивидуальный опыт виктимизации может коррелировать с воспринимаемой небезопасностью и страхом [Brunton-Smith, 2011; Garland, 2001; Valera, 2014]. Жертвы преступлений могут чаще воспринимать городские пространства как небезопасные. Современные города характеризуются сравнительно низким уровнем криминальной активности и особыми категориями наиболее распространенных преступлений (в основном экономических), которые потенциально не создают угрозу виктимизации и, соответственно, не оказывают значимого влияния на формирование негативного образа враждебной городской среды [Garland, 2001; Valera, 2014]. К примеру, мошенничество и нарушения налогового или миграционного законодательства, которые в Москве составляют значительную долю от общего числа преступлений¹, с большой вероятностью могут не ассоциироваться со страхом или небезопасностью. Страх преступности значительно превосходит саму преступность, а реальный объективный риск стать жертвой преступления обычно существенно ниже, чем индивидуальный страх [Koskela, 2000; Ratnayake, 2013].

Отдельного внимания заслуживают исследования страха преступности у женщин. С начала 2010-х годов появляется множе-

ство работ, написанных в рамках феминистских исследований и посвященных городским практикам женщин (напр., [Johansson, 2021; Pucci, 2021; Pain, 2016; Varona, 2015]). В целом женщины значительно чаще заявляют о страхе перед преступностью [Lorenc, 2013; Valera, 2014]. Если мужчины склонны бояться насильственных физических столкновений с другими мужчинами, то страх женщин часто оказывается вызван риском сексуального насилия [Pain, 2016]. При этом мужчины, по мнению некоторых исследователей, склонны занижать собственный страх [Lorenc, 2013; Pain, 2016]. Страх преступности часто рассматривается именно как проблема женщин, хотя структура страха у мужчин существенно не отличается [Там же]. Исследования страха наполнены подобными противоречиями [Valera, 2014].

4. Систематический обзор литературы

Предварительный поиск показал, что данные о контекстуальных факторах страха преступности достаточно непостоянны и неоднозначны. Это часто узконаправленные локализованные исследования, результаты которых могут противоречить друг другу. Часть современных исследователей не находят подтверждение ассоциации страха преступности с особенностями городского пространства и связывают его возникновение и переживание преимущественно с опытом виктимизации и индивидуальными демографическими характеристиками (пол, возрастом и пр.) (напр., [Brownlow, 2005; Parker, 1992]). В то же время в других подобных исследованиях эти параметры не показывают существенной корреляции со страхом (напр., [Blöbaum, 2005; Liu, 2021; Stamps, 2005]). Поэтому далее был проведен систематический обзор литературы, который в том числе призван оценить эту

1. Ведомственная статистика // Прокуратура Москвы. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/activity/statistics/result?item=92781901 (дата обращения: 9.02.2024).

взаимосвязь и установить особенности городской среды (если такие имеются), коррелирующие с большей воспринимаемой небезопасностью и страхом преступности.

Систематический обзор литературы (*systematic literature review*, или *SLR*) – это обзор, в котором используются четкие, систематизированные методы для отбора, анализа и синтеза результатов исследований, подходящих для решения сформулированного исследовательского вопроса [Page, 2021]. Наиболее актуальный систематический обзор, анализирующий ассоциацию страха преступности и застроенной городской среды, был опубликован в 2013 году в рецензируемом научном журнале *BMC Public Health* (см. [Lorenc, 2013]). В статье исследуются и обобщаются статистические данные 40 исследований из Великобритании, оценивающих взаимосвязь между страхом перед преступностью и окружающей средой. При этом для обзоров стандартно используется временная рамка в 20 лет², а значительная доля научной литературы была написана и опубликована уже после 2013 года. Если 20 лет назад подобных публикаций было около 200, то сейчас их число превышает 10 000, что создает необходимость в проведении нового систематического обзора, включающего в себя более актуальные исследования и данные [Rader, 2004].

4.1. Проведение обзора

Обзор литературы был проведен в соответствии с рекомендациями по предпочтительным статьям отчетности для систематических обзоров и метаанализов *PRISMA-2020*³. Методические рекомендации *PRISMA-statement* содержат унифицированный контрольный перечень этапов отбора академических статей и способов оценки их релевантности и качества, которые снижают риск предвзятости в анализе и гарантируют его репрезентативность и репликативность [Page, 2021].

4.2. Источники данных

PRISMA-2020 предполагает отбор публикаций с помощью поиска в наукометрических

базах данных по заранее отобранному списку ключевых слов, отражающих тему исследования. На данном этапе в работе применялся сервис *Research Rabbit*⁴, работающий на базе искусственного интеллекта и в том числе предоставляющий возможность осуществлять поиск в недоступных для российских пользователей базах *Scopus* и *Web of Science*. Сервис помогает сократить время на поиск и автоматически подбирает релевантные исследования (в основном на основе цитирований), наиболее соответствующие указанному набору ключевых слов, одновременно в *Google Scholar*, *Scopus* и *WoS*, что значительно повышает качество обзора, помогает исключить «серую» литературу и снижает существующие ограничения по свободному поиску текстов статей. На официальном сайте *Research Rabbit*⁵ представлены независимые обзоры использования сервиса, подтверждающие точность и репрезентативность алгоритмов его работы (напр., [Sharma, 2022; Lewis, 2022]).

4.3. Ключевые слова

Список ключевых слов для поиска публикаций частично повторяет набор, использованный в наиболее актуальном систематическом обзоре британского исследователя Тео Лоренка, ключевые слова из схожей работы Гаятри Каушалы, а также включает в себя слова (теги), определенные с помощью визуализации библиометрических сетей в *VOSviewer*⁶ [Lorenc, 2013; Kawshalya, 2022]. Набор ключевых слов одновременно отражает вариации формулировок страха перед преступностью и застроенной городской среды. В анализ в связи с мультидисциплинарностью изучаемой проблемы включались статьи из разных научных областей. Помимо исследований страха преступности в обзор также могли входить исследования, оценивающие воспринимаемую (не)безопасность и риск виктимизации, так как в контексте большинства работ эти понятия считаются синонимичными. Изначально было подобрано два набора ключевых слов – на русском и английском языках, но в финальную подборку обзора не вошла ни одна русскоязычная статья.

2. PRISMA statement Explanation and Elaboration paper. Режим доступа: <https://www.prisma-statement.org> (дата обращения: 09.05.2024).

3. PRISMA statement PRISMA-2020 checklist. Режим доступа: <https://www.prisma-statement.org> (дата обращения: 09.05.2024).

4. Research Rabbit. Режим доступа: <https://www.researchrabbit.ai> (дата обращения: 10.05.2024).

5. Research Rabbit Reviews. Режим доступа: <https://www.researchrabbit.ai/reviews> (дата обращения: 10.05.2024).

6. *VOSviewer* – программный инструмент для построения, кластеризации и визуализации библиометрических сетей. – Прим. авт. См.: *VosViewer*. Режим доступа: <https://www.vosviewer.com> (дата обращения: 10.05.2024).

Таблица 1. Ключевые слова

Источник: составлено автором на основе [Lorenc, 2013; Kawshalya, 2022].

I. Страх преступности	II. Городская среда
"fear of crime", "perceived danger", "perceived risk", "perceived safety", "fear of violence", "sense of safety", "risk perception", "fear", "victimization"	"built environment", "urban environment", "urban public", "urban", "urban green", "street", "out-door urban", "urban landscape", "city", "neighbourhood"

4.4. Стратегия поиска

Работа над систематическим обзором литературы проходила с марта по апрель 2024 года. Поиск ограничивался статьями из рецензируемых русскоязычных и англоязычных журналов. Всего с помощью *Research Rabbit* было идентифицировано 318 публикаций, уже отобранных автоматически из общего числа в 10 245 статей, найденных по ключевым словам. Дополнительно использовался ручной поиск через библиографические ссылки для добавления литературы, не представленной в подборке *Research Rabbit* (1 статья). В обзоре рассматриваются только исследования, опубликованные за последние 20 лет, поэтому далее из подборки были исключены дубликаты и тексты, опубликованные до 2004 года (55 статей). Семь полных текстов статей не были опубликованы в свободном доступе, поэтому они также были исключены из обзора. После проверки аннотаций (абстрактов) полные тексты всех отобранных публикаций проверялись на соответствие выделенным в работе методологическим критериям.

4.5. Отбор исследований, критерии включения

Все отобранные статьи поочередно сортировались по трем критериям. Для начала нам важно исключить обзорные статьи, которые не содержат собственного эмпирического исследования, так как они не представляют существенного значения для работы (95 статей). Поэтому все исследования проверялись на предмет использования какой-либо меры оценки страха преступности и городской среды. В данном случае неважно, какими именно методами пользовались авторы, количественными или качественными. Более половины отобранных на этом этапе текстов не содержали оценки одного или обоих аспектов (116 статей). Далее к оставшимся работам был применен анализ качества (*quality assessment*) по рекомендациям *PRISMA-2020*, в котором оценивались основные характеристики статей, описание

условий и факторов проведения исследования, достоверность измерений, описание используемых методов, параметры выборки, риск предвзятости, измеримые и фактически подтвержденные результаты. Каждой публикации присваивались буквенные индексы A, B, C, D в зависимости от количества набранных баллов. Тексты статей с низким индексом качества D исключались из финальной подборки обзора (1 статья). В обзор преимущественно вошли статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах с высокими квартилями (Q1, Q2), – соответственно, их качество ожидаемо было высоким (75% имели индексы A, B), хотя это не являлось обязательным критерием для их отбора.

4.6. Финальная подборка статей

В финальном варианте систематического обзора представлено и проанализировано 23 оригинальных исследования, проведенных с 2005 по 2023 год. Наибольшее количество статей было опубликовано в журнале *Environment and Behavior* (13%). Две публикации являются самостоятельными главами из сборников статей (8,6%). В большинстве случаев для оценки страха и воспринимаемой безопасности использовались количественные данные опросов или метод оценки изображений (так называемый визуальный опрос). При этом исследования ассоциации страха преступности с застроенной городской средой ограничены в географическом распределении. Среди рассмотренных исследований 5 проведены в городах США (21,7%), остальные преимущественно в странах Европы (47,8%) и Восточной Азии (13%).

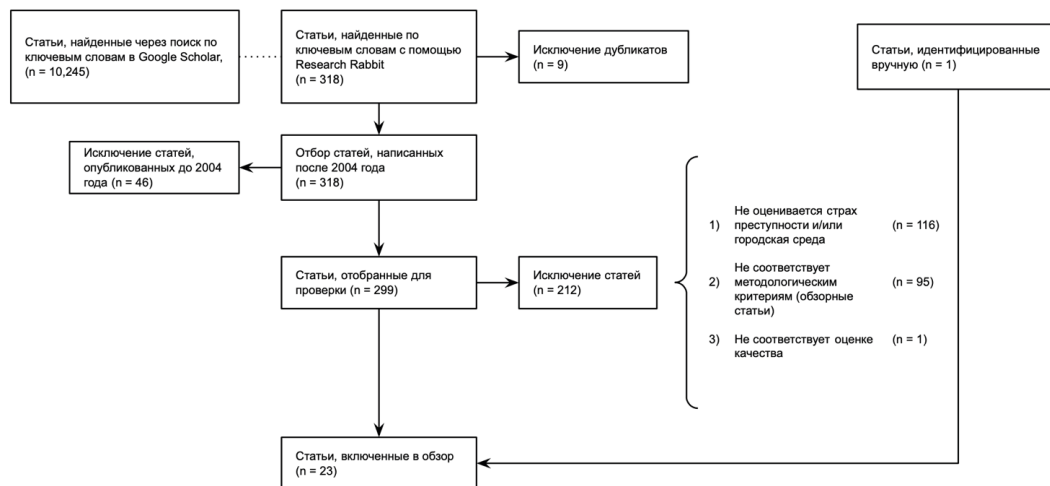
4.7. Визуализация библиографических сетей

Метаданные итоговой подборки из 23 оригинальных публикаций проанализированы с помощью сетевой визуализации в *VOSviewer*. На карте библиометрических сетей отчетливо выделяются несколько тематических кластеров ключевых слов (тегов), которые условно обозначают группы параметров, связанных исследователями со страхом преступности. На представленном варианте визуализации цвет соединяющих линий и узлов указывает на временной период публикации статей. Большинство отобранных работ написано и опубликовано после 2014 года. В наиболее актуальных статьях авторы концентрируются на связи страха преступности с со-

Рис. 2. Отбор исследований

Источник:

составлено автором на основе PRISMA-2020.

циальными особенностями района проживания и планировочными аспектами общественных пространств и признаками социального или физического беспорядка ('public space', 'urban green space', 'landscape', 'planning', 'disorder'). Особенно интересно, что группа тегов, отражающих неоднородное гендерное распределение воспринимаемого страха преступности ('gender', 'female', 'man', 'woman'), встречается только среди более ранних статей, опубликованных до 2012 года, и практически не появляется в современных работах. Это объясняется критериями отбора статей, из-за которых в обзоре в меньшей степени представлены исследования безопасности, которые обычно публикуются в рамках гендерных и феминистских исследований.

4.7. Результаты

Индивидуальные (демографические) факторы. В 15 работах авторы помимо средовых параметров также анализировали количественные демографические данные об участниках исследований. Среди них в пяти исследованиях какая-либо значимая взаимосвязь между персональными характеристиками респондентов и воспринимаемым страхом преступности не была обнаружена [Blöbaum, 2005; Bolger, 2019; Brunton-Smith, 2011; Liu, 2021; Stamps, 2005].

В исследовательском поле значительная доля авторов связывает страх преступности и воспринимаемую небезопасность преимущественно с возрастом и полом. Пожилые люди и женщины статистически чаще заявляют о страхе преступности [Foster, 2010; Lorenc, 2013; Johansson, 2021]. Результаты каждого из 15 исследований показали, что мужчины существенно реже

женщины склонны заявлять о воспринимаемом страхе или небезопасности. На страх женщин и мужчин по-разному влияют индивидуальные и контекстуальные факторы, хотя мнение респондентов (участников исследований) обоих полов совпадает в том, какие локации они считают небезопасными [Evensen, 2021; Johansson, 2021; Navarrete-Hernandez, 2023]. Это может объясняться распространенными стигматизированными представлениями о маскулинности, влияющими на предвзятость в ответах мужчин [Brownlow, 2005; Navarrete-Hernandez, 2023; Rader, 2004; Ratnayake, 2017]. Женщины, сообщаящие о высоком страхе преступности, по результатам исследований оказываются склонны приспосабливаться и ограничивать свою мобильность в общественных местах, выстраивая свои повседневные маршруты таким образом, чтобы избежать небезопасных локаций и «очагов страха» [Jiang, 2017; Yates, 2020].

Помимо этого, ряд современных исследователей выделяет существенное значение негативного опыта виктимизации как наиболее взаимосвязанного с переживаемым страхом. Примечательно, что данным систематическим обзором литературы этот тезис не подтверждается. В двух анализируемых работах доказывалось обратное, исследования в Нидерландах и Китае не показали значимой корреляции переменной страха перед преступностью с индивидуальной виктимизацией, и только в одном рассмотренном исследовании авторы обозначали виктимизацию как существенный предсказывающий индикатор воспринимаемого страха [Brunton-Smith, 2011; Jianhong, 2013; Liu, 2021]. В остальных исследованиях какая-либо значимая корреляция между виктимизацией и страхом преступности не была обнаружена (напр.,

Таблица 2. Финальная подборка статей

Источник: составлено автором.

№	Автор	Год	Название	Журнал
1	Blöbaum	2005	Perceived danger in urban public space: The impacts of physical features and personal factors	Environment and Behavior (Q1)
2	Bolger	2019	Predicting fear of crime: Results from a community survey of a small city	American Journal of Criminal Justice (Q1)
3	Brunton-Smith	2011	Urban fear and its roots in place	Глава из книги «The Urban Fabric of Crime and Fear»
4	Evensen	2021	Testing the effect of hedge height on perceived safety: A landscape design intervention	Sustainability (Q1)
5	Foster	2010	Neighbourhood design and fear of crime: A social-ecological examination of the correlates of residents' fear in new suburban housing developments	Health and place
6	Groshong	2020	Attitudes about perceived park safety among residents in low-income and high minority Kansas City, Missouri, neighborhoods	Environment and Behavior (Q1)
7	Iqbal	2022	Morphological characteristics and fear of crime: A case of public spaces in the global North and South	Built Environment (Q2)
8	Jiang	2017	Minimizing the gender difference in perceived safety: Comparing the effects of urban back alley interventions	Journal of Environmental Psychology (Q1)
9	Jianhong	2013	Neighborhood structure and fear of crime in urban China: Disorder as a neighborhood process	International Annals of Criminology (Q2)
10	Johansson	2021	Gendered fear of crime in the urban context: A comparative multilevel study of women's and men's fear of crime	Journal of Urban Affairs (Q1)
11	Kawshalya	2022	The impact of visual complexity on perceived safety and comfort of the users: A study on urban streetscape of Sri Lanka	PLOS ONE (Q1)
12	Kyttä	2014	Perceived safety of the retrofit neighborhood: A location-based approach	Urban Design International
13	Lindgren	2012	Safety in residential areas	Tijdschrift voor economische en sociale geografie (Q1)
14	Liu	2021	Assessing the impact of street-view greenery on fear of neighborhood crime in Guangzhou, China	International Journal of Environmental Research and Public Health (Q2)
15	Navarrete-Hernandez	2023	Planning for fear of crime reduction: Assessing the impact of public space regeneration on safety perceptions in deprived neighborhoods	Landscape and Urban Planning (Q1)
16	Ratnayake	2017	Sense of safety in urban public spaces: University student safety experiences in an Australian regional city	Rural Society (Q3)
17	Rijswijk	2018	Illuminating for safety: Investigating the role of lighting appraisals on the perception of safety in the urban environment	Environment and Behavior (Q1)
18	Scarborough	2010	Assessing the relationship between individual characteristics, neighborhood context, and fear of crime	Journal of Criminal Justice (Q1)
19	Šimáček	2020	To fear or not to fear? Exploring the temporality of topophobia in urban environments	Moravian Geographical Reports (Q2)
20	Stamps	2005	Enclosure and safety in urbanscapes	Environment and Behavior (Q1)
21	Svensdotter	2018	Dangerous safety or safely dangerous: Perception of safety and self-awareness in public space	The Journal of Public Space (Q2)
22	Yates	2020	Individual and spatial dimensions of women's fear of crime	Глава из книги «Crime and Fear in Public Places»
23	Zarafonitou	2020	Environmental degradation and fear of crime: The research evidence in the center of Athens	Urban Crime. An International Journal

[Foster, 2010; Kytä, 2014]). В целом опыт виктимизации имеет косвенное влияние на страх преступности и отражает, скорее, показатели общего уровня криминальной активности в исследуемых городах или районах, а не субъективное восприятие страха.

Индивидуальный уровень образования и социально-экономический статус не показали существенной взаимосвязи со страхом преступности, хотя в большей части исследований эти переменные не анализировались (или не описывались). Только в четырех работах уровень доходов домохозяйств имел значимую корреляцию с воспринимаемой небезопасностью и страхом. В этих исследованиях респонденты с большим доходом домохозяйств заявляли о меньшем страхе перед преступностью [Foster, 2010; Iqbal, 2022; Jianhong, 2013; Johansson, 2021]. Влияние ступеней образования на восприятие безопасности и страх преступности подтверждалось только в двух исследованиях из США и Австралии. Наличие высшего образования ассоциировалось с меньшим страхом перед преступностью и значительно снижало вероятность его возникновения в обеих выборках, однако этот факт нуждается в дальнейшем изучении [Bolger, 2019; Foster, 2010].

Социальные факторы. В 11 исследованиях заявлялось о взаимосвязи между социальными аспектами района проживания и частотой заявлений о страхе преступности. В остальных работах социальные параметры не оценивались. Основными индикаторами страха во всех обозначенных исследованиях стали признаки социального беспорядка (*social disorder*) и отсутствие социального контроля. Недостаток социальной сплоченности (*social cohesion*) в районе проживания в шести работах был назван существенным индикатором, предсказывающим большой страх преступности. Неустойчивые социальные связи и слабая сплоченность потенциально могут приводить к осторожному поведению и создавать неблагоприятный аффективный образ района, тесно связанный с субъективным восприятием небезопасности [Lindgren, 2012; Scarborough, 2010; Yates, 2020]. Большой социальный беспорядок соответственно приводит к большему уровню заявленного страха [Bolger, 2019; Jianhong, 2013]. Особенно часто высокие значения этой переменной встречались в ответах женщин. Женщины в целом чаще сталкиваются с проблемами социальной дезорганизации, и в нескольких иссле-

дованиях женщины отдельно сообщали о необходимости социальной поддержки и сплоченности для преодоления индивидуального страха преступности [Jiang, 2017; Johansson, 2021].

Несколько исследователей оценивали проявление страха перед преступностью в контексте репрезентации образа городских районов и локальной криминальной активности в медиа. Предварительная аффективная информация о потенциальной угрозе в значительной степени предсказывает возможное возникновение большего страха преступности и ограничивает вероятность посещения городских общественных пространств [Lorenc, 2013; Jianhong, 2013; Liu, 2021; Zarafonitou, 2020]. Однако ни в одной из выделенных работ репрезентация образа района в СМИ как преступного или небезопасного детально не анализировалась.

Ожидалось, что массовая представленность в составе населения района групп расовых и этнических меньшинств, а также трудовых мигрантов будет значительно сказываться на воспринимаемой небезопасности. Этот индикатор оценивался в пяти исследованиях, и их результаты были различны. К примеру, исследование в Китае доказало обратную взаимосвязь, его данные показывают, что большая численность мигрантов статистически коррелирует с меньшим уровнем страха преступности [Liu, 2021]. В целом влияние этнического разнообразия в районе проживания, вероятно, имеет косвенную связь с воспринимаемой безопасностью. Несмотря на то что некоторые исследователи (и респонденты) считают присутствие мигрантов признаком воспринимаемого социального беспорядка и индикатором криминальной активности в районе, именно мигранты и этнические меньшинства склонны заявлять о большем страхе перед преступностью [Brunton-Smith, 2011; Groshong, 2020]. Поэтому влияние этой характеристики социального состава населения на страх нуждается в дополнительной верификации.

Важным социальным фактором страха преступности по результатам анализа также стали «неблагоприятные» личности на улицах (*unfavorable strangers*). В пяти исследованиях присутствие в общественных пространствах и на улицах отдельных лиц и групп, связанных с употреблением алкоголя или наркотических веществ, шумных компаний молодых людей, бездомных и попрошаек ассоциировалось с большим беспорядком (*neighbourhood disorder*) и,

соответственно, с более частыми заявлениями о страхе преступности [Lindgren, 2012; Liu, 2021; Scarborough, 2010; Šimáček, 2020; Zafonitou, 2020]. Неблагоприятные незнакомцы в этом смысле являются индикатором недостатка общественного контроля и естественного наблюдения (*natural surveillance*), оказывающих влияние на формирование социального беспорядка.

Средовые факторы. Наибольший интерес для данной работы представляют связанные со страхом особенности застроенной среды. В каждом из 23 проанализированных исследований была выявлена подобная корреляция между индивидуальным страхом преступности и физическими характеристиками городской среды. Во многом это обусловлено тем, что исследования намеренно отбирались по критерию наличия в них мер оценки городской среды. Некоторые авторы не уточняли конкретные средовые характеристики и ограничивались понятием пространственных характеристик в целом (напр., [Bolger, 2019; Brunton-Smith, 2011]). Набор исследуемых факторов также частично отличался.

Недавнее исследование, сравнивающее контекстуальные индикаторы страха преступности в Швеции и Пакистане, показало, что пространственные характеристики оказывают существенное влияние на страх преступности вне зависимости от показателей реальной преступности в районе или городе, хотя в разных страновых контекстах доминирующие характеристики отличаются [Iqbal, 2022]. Это объясняет, почему в современных городах, где уровень преступности и индивидуальной виктимизации сравнительно низкий, жители продолжают заявлять о воспринимаемом страхе и небезопасности.

Большинство исследователей рассматривают страх преступности в рамках теории перспективы-убежища Джея Эпплтона и концепта физического беспорядка (*physical disorder*), основанного на теории разбитых окон Уилсона и Келлинга (см.: [Appleton, 1975; Wilson & Kelling, 1982]). Понятия перспективы и убежища встречаются в более ранних работах и используются в основном для описания ассоциации воспринимаемой безопасности и чувства защищенности с обозримостью, возможностью укрытия и «побега» в тех или иных средовых обстоятельствах. Во всех исследованиях, использовавших подобную рамку, подтверждалась прямая зависимость страха преступности от воспринимаемой

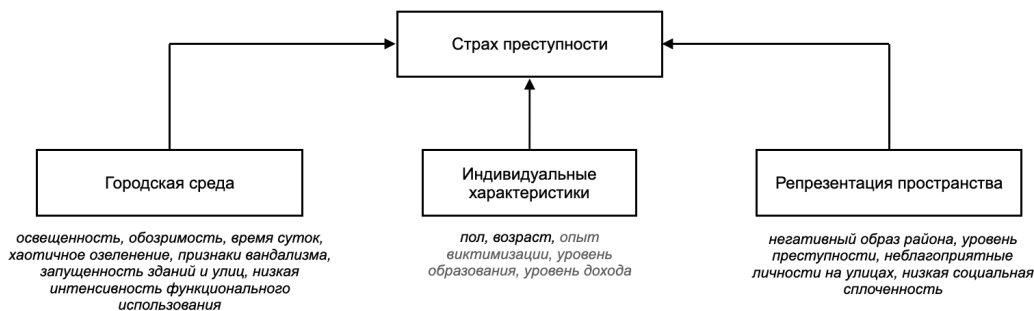
физической замкнутости и обозримости городского пространства [Blöbaum, 2005; Stamps, 2005; Svensdotter, 2018].

Присутствие визуальных символов деградации городской среды или так называемого «беспорядка» (граффити, вандализм, заброшенные здания, запущенность зданий/улиц, закрытые магазины, беспорядочная реклама, мусор) в 18 статьях существенно предсказывало страх преступности. Во всех исследованиях больший беспорядок приводил к большему риску возникновения страха. Присутствие неорганизованных рекламных щитов, граффити и признаков вандализма усиливает беспорядок, который, в свою очередь, повышает риск страха преступности [Kawshalya, 2022]. Восприятие физического беспорядка в ряде исследований имело даже более значимую ассоциацию со страхом перед преступностью, чем индивидуальные или социальные факторы (напр., [Rijswijk, 2018; Scarborough, 2010; Zafonitou, 2020]), хотя в целом социальные и средовые характеристики в большинстве работ имели сравнительно равный эффект на страх преступности и воспринимаемую безопасность. Обзор литературы показывает, что на страх влияют не отдельные параметры, а совокупный эффект социальных факторов и элементов городского планирования и землепользования [Foster, 2010; Iqbal, 2022]. При этом пространственное распределение страха очень неоднородно, в одном и том же районе у разных респондентов очаги наивысшего страха преступности были разными [Iqbal, 2022; Kytä, 2014; Zafonitou, 2020]. Особенно интересным является тот факт, что очаги страха в городе разнятся во времени. Страх преступности ожидаемо возрастает в ночное время, и в некоторых случаях в одних и тех же локациях он может быть совсем незначительным днем. При этом в городах с изначально высокими показателями преступности эта разница незначительна [Ratnayake, 2017; Šimáček, 2020].

В наиболее актуальных исследованиях описывалась взаимосвязь страха преступности с более конкретизированными средовыми параметрами. Чаще всего среди подобных характеристик встречалось состояние озеленения и освещения. Высота и благоустроенность объектов озеленения имеет существенное влияние на страх, так как озеленение напрямую связано с обозримостью и укрытием [Evensen, 2021; Jiang, 2017]. Большее количество благоустроенного низкорослого озеленения и водных объектов оказывает положитель-

Рис. 4. Факторы страха преступности

Источник: составлено автором.

ный эффект на чувство защищенности и воспринимаемую безопасность [Kawshalya, 2022]. В свою очередь освещение имеет более заметную связь со страхом преступности. Восприятие безопасности существенно разнится во времени суток (день/ночь) [Stamps, 2005; Kytä, 2014]. Практически во всех исследованиях недостаток освещения был прямым индикатором потенциального возникновения страха. Воспринимаемое качество освещения в значительной степени предсказывает страх перед преступностью, при этом индивидуальная оценка качества освещения напрямую подчиняется положениям теории обозримости-убежища [Rijswijk, 2018]. Плохое освещение или его недостаток повышают страх даже в тех локациях, которые характеризуются низким уровнем реальной преступности [Šimáček, 2020; Stamps, 2005].

Интенсивное смешанное функциональное использование территории (*mixed land-use*) также оказывает положительное влияние на снижение заявленного страха. Пребывание в многофункциональной городской среде повышает субъективное ощущение воспринимаемой безопасности и снижает страх преступности [Kytä, 2014; Navarrete-Hernandez, 2023]. В рассмотренных работах архитектура (морфотип застройки) и сочетание функций землепользования, усиливающих интенсивность пешеходных потоков и присутствие людей на улицах, способствовали тому, что группы участников исследований чувствовали себя в большей безопасности даже в ночное время суток [Kawshalya, 2022; Navarrete-Hernandez, 2023; Ratnayake, 2017]. В целом исследования показали, что люди воспринимают среду более комфортной и безопасной, когда вдоль тротуаров располагаются активно эксплуатируемые фасады зданий, а не свободные пространства вроде парковок или пустырей [Groshong, 2020; Kawshalya, 2022]. Соответственно, больший уровень воспринимаемой безопасности в некоторых случаях

ассоциировался с современной застройкой в высокоурбанизированных городских районах [Kytä, 2014; Navarrete-Hernandez, 2023].

В анализе также отсутствуют исследования, изучающие влияние систем камер видеонаблюдения (CCTV) на воспринимаемую безопасность. Хотя подобные работы публикуются, ни одна из них по результатам отбора не вошла в систематический обзор из-за несоответствия заданным критериям (напр., [Ceccato, 2020; Cho, 2017; Williams, 2009]). Взаимосвязь систем видеонаблюдения со страхом преступности неоднозначна. Несмотря на то что камеры в общественных местах являются одной из возможных мер по сдерживанию преступности, они также потенциально могут усиливать негативные представления о небезопасности, повышать недоверие, подозрительность и, соответственно, страх преступности [Williams, 2009].

4.8. Выводы

Данный систематический обзор литературы дополняет существующие в современном научном сообществе гипотезы относительно пространственных индикаторов, ассоциирующихся со страхом преступности, хотя его результаты частично опровергают несколько устоявшихся предположений относительно контекстуальной природы страха перед преступностью и его зависимости от факторов городской среды. Влияние некоторых установленных социальных и средовых характеристик на страх преступности (например, опыта виктимизации, этнического состава населения, среднего уровня дохода домохозяйств, характера озеленения и др.) нуждается в дальнейшем доказательстве и подтверждении.

Результаты систематического обзора актуальных исследований страха преступности в городском контексте подтверждают влияние характеристик застроенной среды на страх преступности и воспринимаемую

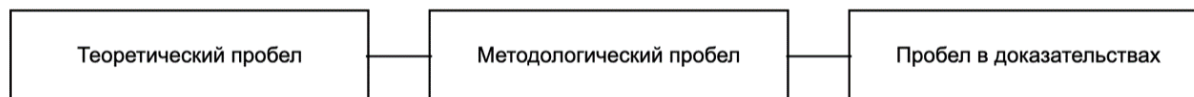

Рис. 3. Сетевая визуализация библиографических данных публикаций

Источник: Составлено автором с использованием VOSviewer.

безопасность. Ожидается в обзоре преобладают исследования из США. В работе практически отсутствуют исследования из развивающихся стран или Глобального Юга.

Независимо от конкретной локации или метода проведения исследований, общие результаты показывают, что на страх преступности и воспринимаемую (не)безопасность влияет кумулятивный эффект нескольких групп факторов, а не отдельных независимых особенностей городской среды. Индикаторами страха одновременно могут быть индивидуальные, социальные или пространственные характеристики, и их эффект на воспринимаемую (не)безопасность и страх в разных комбинациях может отличаться. Интересно, что ожидаемая противоречивость результатов некоторых исследований касалась в основном роли социальных и (или) индивидуальных факторов, тогда как совокупный эффект физических характеристик городской среды на страх преступности последовательно подтверждался во всех исследованиях.

4.9. Пробелы в исследованиях страха преступности

Критика неопределенного состояния области исследований страха преступности впервые появляется во влиятельных статьях К. Ферраро и Р. Ла Гранжа и позднее в обзоре К. Хейла (см.: [Ferraro, 1987; Ferraro, 1995; Hale, 1996]). Их замечания в дальнейшем развиваются в уже упомянутой статье Н. Рейдер, в которой она детально описывает проблемы концептуализации и подходов к измерению страха. Рейдер приходит к выводу, что активные попытки определить страх преступности, начатые в 1980-х, остановились, так и не оформившись в единый общепризнанный подход, а авторы стали больше внимания уделять поиску дефинитивных коррелятов страха, а не его концептуализации [Rader, 2004]. Несмотря на то что критический текст Рейдер был опубликован 20 лет назад, для современных исследований также характерны выделенные ею ограничения.

Данный систематический обзор литературы указывает на существенные пробелы в исследованиях.

Во-первых, их результаты в значительной степени зависят от использованной теоретической рамки. В современном исследовательском поле отсутствует какая-либо общепринятая концептуализация страха, существенная доля авторов основывает свои работы на популярных теориях конца XX века, игнорируя при этом более актуальные свидетельства взаимосвязи страха и городской среды (*theoretical gap*). В зависимости от выбранной рамки авторы определяют перечень факторов (пространственных индикаторов), которые затем тестируются в исследованиях, и при этом не оценивают остальные возможные переменные.

Во-вторых, как уже ранее упоминалось, доказательства ассоциации страха преступности со средовыми характеристиками могут быть неоднородны и противоречивы (*evidence gap*). Помимо того, что в ряде работ встречаются неочевидные и неоднозначные метрики измерения страха и оценки застроенной городской среды, современному исследовательскому полю недостает работ, основанных на качественной методологии (об этом далее).

В-третьих, в каком-то смысле результаты исследований предсказываются примененной методологией. Современные работы методологически достаточно гомогенны, чаще всего в них ожидаемо используются количественные методы и практически не используются качественные (*methodological gap*). Несмотря на то что риск виктимизации, небезопасность и страх созависимы и их сложно оценивать по отдельности, количественные методы сбора данных в большей степени отражают именно когнитивную оценку воспринимаемого риска [Rader, 2004]. Это особенно заметно на примере более ранних исследований, в которых авторы не разделяли объективную небезопасность и эмоциональное беспокойство, то есть страх перед преступностью [Ferraro, 1987]. Подобные исследования опираются на количественную оценку общего уровня страха как сингулярного показателя, отражающего «беспокойство по поводу безопасности» [Ferraro, 1987; Rader, 2004]. Проблема количественных исследований страха состоит в том, что они не дают возможность выстраивать причинно-следственные связи и определять истинные

триггеры страха [Gray, 2010; Rader, 2004]. Опросы и анкеты предполагают ретроспективную оценку прошлого опыта переживания страха перед преступностью. Даже когда авторы изначально различают страх и риск, сам формат сбора данных через структурированные опросы не позволяет респондентам переживать эмоциональную реакцию на средовой контекст и стимулирует их к излишней рационализации. Респонденты, возможно, в меньшей степени думают о прошлом эмоциональном опыте переживания страха и больше о том, беспокоит ли их мысль о риске стать жертвами преступлений в целом [Gray, 2010; Rader, 2004]. Иначе говоря, исследования страха преступности нуждаются в дальнейшей теоретической реконцептуализации и развитии, и на данный момент в них присутствуют значительные пробелы, ограничивающие их репрезентативность и возможности более подробного изучения.

Выводы, противоречащие наиболее распространенным в исследовательском поле представлениям о факторах, связанных со страхом преступности, получали авторы, использующие в своих исследованиях метод оценки изображений (напр., [Liu, 2021, Stamps, 2005]). Несмотря на широкую распространенность (только в обзоре им пользовались в 10 работах), метод имеет ряд ограничений, значительно снижающих его репрезентативность [Lorenc, 2013; Sreetheran, 2014]. Во-первых, изображения сами по себе ограничивают возможность эмоционального восприятия пространства, а страх преступности во многом связан с индивидуальным сенсорным опытом (например, шумом, обзорностью, освещенностью). Поэтому практически во всех подобных исследованиях респонденты заявляли об относительно низком уровне страха. Во-вторых, применение метода не позволяет дифференцировать страх, респонденты самостоятельно не разделяют и не рефлексируют объективный риск виктимизации и их субъективные представления о безопасности того или иного сценария, представленного на изображении [Rader, 2004]. Их ответы строятся на рационализации и когнитивном моделировании возможных рисков стать жертвой преступления. Отвечая на вопросы о страхе, ассоциированном со средовым контекстом на изображении, они заявляют, скорее, об относительно объективной продуманной оценке потенциального риска виктимизации, а не об эмоциональном переживании

страха преступности. Иными словами, метод оценки изображений (или так называемый визуальный опрос) позволяет отслеживать не индивидуальный страх, а стереотипизированные представления о возможных местах совершения преступлений. Описанные ограничения метода дополнительно подтверждают существующий методологический пробел в области исследований страха преступности.

4.10. Ограничения исследования и направления для будущих исследований

Несмотря на то что систематический обзор литературы подразумевает лишенный предвзятости анализ исследовательского поля, метод имеет ряд ограничений. Во-первых, использование Research Rabbit частично ограничивает возможности подбора статей, так как алгоритмы сервиса преимущественно выделяют работы, опубликованные в высокоцитируемых рецензируемых научных журналах высокого качества. Потенциально в журналах I и II квартиля публикуются «безопасные» исследования, использующие широко распространенные проверенные методы, поэтому в анализе так много похожих работ, основывающихся на сборе количественных данных с помощью структурированных опросов. Во-вторых, анализ в том числе включает в себя исследования, использующие качественные или смешанные социологические методы, поэтому синтез их результатов проводился вручную, без использования статистических аналитических инструментов, что также повышает риск предвзятости.

Систематический обзор литературы подтверждает недостаточное использование качественных данных в исследованиях страха преступности. В существующих работах преимущественно используются количественные методы для оценки страха и поиска коррелирующих с ним средовых факторов. Очень часто они базируются на государственных статистических данных, собранных на больших контролируемых или рандомизированных выборках респондентов (напр., [Brunton-Smith, 2012; Yates, 2020]). Подобный подход ограничивает возможность изучения множества переменных параметров городской среды, потенциально связанных со страхом и воспринимаемой небезопасностью. Методологический пробел в современных исследованиях страха указывает на острую необходимость в использовании каче-

ственных подходов к изучению пространственных факторов страха преступности.

Существует несколько популярных методов, позволяющих «переложить» субъективные переживания вроде страха преступности на городское пространство. К примеру, эту задачу можно решать с помощью структурированных интервью, мобильных (*go-along*) интервью, фокус-групп или социологических экспериментов. При этом важно помнить, что страх является индивидуальным эмоциональным переживанием, которое не всегда рефлексировается респондентами. Участники исследований могут ретроспективно не рефлексировать собственный страх и его контекстуальные причины [Jakson, Gray, 2010; Lindgren, 2010]. К тому же некоторым людям свойственно скрывать собственные переживания от интервьюеров в связи с существующими в обществе стереотипами и возможной стигматизацией страха [Valera, 2014; Brownlow, 2005]. Например, значительным преимуществом дневниковых методов является то, что респонденты делают записи о событиях в момент их совершения. Дневники позволяют фиксировать индивидуальный опыт участников в естественных обстоятельствах их спонтанных переживаний и дают возможность наиболее детально анализировать контекстуальные аспекты индивидуального субъективного восприятия [Bolger, 2003]. Дневниковые записи решают проблему многих других исследований страха преступности, в которых сообщения о переживании страха преступности подразумевали ретроспективную фиксацию средовых характеристик [Bolger, 2003; Valera, 2014].

Заключение

Страх преступности оказывается даже в большей степени связан с городской средой, чем социальные или индивидуальные характеристики, эта ассоциация основывается преимущественно на концепте физического беспорядка. При этом страх преступности может предопределяться не столько отдельными средовыми особенностями, сколько совокупным эффектом пространственных и социальных параметров. Иными словами, особенности застроенной среды могут в значительной степени предсказывать возникновение страха и являться ключом к его преодолению. Благодаря систематизированной оценке результатов предшествующих исследований страха появляется возможность определить те факторы, которые

имеют уже доказанную ассоциацию со страхом и воспринимаемой небезопасностью. В результате систематического обзора литературы удалось установить и описать пробелы в современных исследованиях преступности, которые помогают разобраться с неопределенностью существующих свидетельств и данных и указывают на перспективные направления будущих исследований.

Источники

- Appleton J. (1975) Landscape Evaluation: The Theoretical Vacuum//Transactions of the Institute of British Geographers. P. 120-123.
- Blöbaum A., Hunecke M. (2005) Perceived Danger in Urban Public Space: The Impacts of Physical Features and Personal Factors//Environment and Behavior. Vol. 37. № 4. P. 465-486.
- Bolger M.A., Bolger P.C. (2019) Predicting Fear of Crime: Results from a Community Survey of a Small City//American Journal of Criminal Justice. Vol. 44. P. 334-351.
- Bolger N., Davis A., Rafaeli E. (2003) Diary Methods: Capturing Life as It Is Lived//Annual Review of Psychology. Vol. 54. № 1. P. 579-616.
- Brownlow A. (2005) A Geography of Men's Fear//Geoforum. Vol. 36. № 5. P. 581-592.
- Brunton-Smith I., Jackson J. (2012) Urban Fear and Its Roots in Place//The Urban Fabric of Crime and Fear. Dordrecht: Springer Netherlands. P. 55-82.
- Ceccato V. (2020) The Architecture of Crime and Fear of Crime: Research Evidence on Lighting, CCTV and CPTED Features//Crime and Fear in Public Places. N.Y.: Routledge. P. 38-72.
- Cho J.T., Park J. (2017) Exploring the Effects of CCTV Upon Fear of Crime: A Multi-Level Approach in Seoul//International Journal of Law, Crime and Justice. Vol. 49. P. 35-45.
- Evensen K.H. et al. (2021) Testing the effect of hedge height on perceived safety – A Landscape design intervention//Sustainability. Vol. 13. № 9.
- Ferraro K.F. (1995) Fear of Crime: Interpreting Victimization Risk. N.Y.: SUNY Press.
- Ferraro K.F., LaGrange R. (1987) The Measurement of Fear of Crime//The Fear of Crime. N.Y.: Routledge. P. 277-308.
- Foster S., Giles-Corti B., Knuiman M. (2010) Neighbourhood Design and Fear of Crime: A Social-Ecological Examination of the Correlates of Residents' Fear in New Suburban Housing Developments//Health & place. Vol. 16. № 6. P. 1156-1165.
- Garland D. (2001) The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Garofalo J. (1981) The Fear of Crime: Causes and Consequences//Journal of Criminal Law & Criminology. Vol. 72. № 2. P. 839-857.

- Gray E., Jackson J., Farrall S. (2011) Feelings and Functions in the Fear of Crime: Applying a New Approach to Victimisation Insecurity//The British Journal of Criminology. Vol. 51. № 1. P. 75-94.
- Groshong L. et al. (2020) Attitudes About Perceived Park Safety Among Residents in Low-Income and High Minority Kansas City, Missouri, Neighborhoods//Environment and Behavior. Vol. 52. № 6. P. 639-665.
- Haider M.A., Iamtrakul P. (2018) Theoretical Concepts of Crime and Practices in Urban Planning and Design Process for Safe Urban Life//International Journal of Building, Urban, Interior and Landscape Technology (BUILT). Vol. 12. P. 7-24.
- Hale C. (1996) Fear of Crime: A Review of the Literature//International Review of Victimology. 1996. Vol. 4. № 2. P. 79-150.
- Iliyasu I.I., Abdullah A., Marzbali M.H. (2022) Urban Morphology and Crime Patterns in Urban areas: A review of the Literature//Malaysian Journal of Sustainable Environment (MySE). Vol. 9. № 1. P. 213-242.
- Iqbal A., Midhat M. (2022) Morphological Characteristics and Fear of Crime: A Case of Public Spaces in the Global North and South//Built Environment. Vol. 48. № 2. P. 206-221.
- Jackson J., Gray E. (2010) Functional Fear and Public Insecurities About Crime//The British Journal of Criminology. Vol. 50. № 1. P. 1-22.
- Jiang B. et al. (2017) Minimizing the Gender Difference in Perceived Safety: Comparing the Effects of Urban Back Alley In-Terventions//Journal of Environmental Psychology. Vol. 51. P. 117-131.
- Jing F. et al. (2021) Assessing the Impact of Street-View Greenery on Fear of Neighborhood Crime in Guangzhou, China//International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 18. № 1.
- Johansson S., Haandrikman K. (2023) Gendered Fear of Crime in the Urban Context: A Comparative Multilevel Study of Women's and Men's Fear of Crime//Journal of Urban Affairs. P. 1238-1264.
- Kawshalya L.W.G., Weerasinghe U.G.D., Chandrasekara D.P. (2022) The Impact of Visual Complexity on Perceived Safety and Comfort of the Users: A Study on Urban Streetscape of Sri Lanka//PLOS ONE. Vol. 17. № 8.
- Koskela H., Pain R. (2000) Revisiting Fear and Place: Women's Fear of Attack and the Built Environment //Geoforum. Vol. 31. № 2. P. 269-280.
- Kyttä M. et al. (2014) Perceived Safety of the Retrofit Neighborhood: A Location-Based Approach//Urban Design International. Vol. 19. P. 311-328.
- Lewis J.D. (2022) Introducing scite.ai, Inciteful.xyz, and Research Rabbit//Research and Instruction Librarian for Engineering and Science. ZSR Library, Wake Forest University.
- Lindgren T., Nilssen M.R. (2012) Safety in Residential Areas//Tijdschrift voor economische en sociale geografie. Vol. 103. № 2. P. 196-208.
- Liska A.E., Sanchirico A., Reed M.D. (1988) Fear of Crime and Constrained Behavior Specifying and Estimating a Reciprocal Effects Model //Social Forces. Vol. 66. № 3. P. 827-837.
- Liu J. (2013) Neighborhood Structure and Fear of Crime in Urban China: Disorder as a Neighborhood Process//International Annals of Criminology. Vol. 51. № 1-2. P. 57-84.
- Lorenc T. et al. (2013) Fear of Crime and the Environment: Systematic Review of UK Qualitative Evidence//BMC public health. Vol. 13. P. 1-8.
- Navarrete-Hernandez P. et al. (2023) Planning for Fear of Crime Reduction: Assessing the Impact of Public Space Regeneration on Safety Perceptions in Deprived Neighborhoods//Landscape and Urban Planning. Vol. 237. P. 104809.
- Page M.J. et al. (2021) The PRISMA 2020 Statement: An Updated Guideline for Reporting Systematic Reviews//Bmj. Vol. 372.
- Pain R. (2001) Gender, Race, Age and Fear in the City//Urban studies. Vol. 38. № 5-6. P. 899-913.
- Pain R.H. (1997) Social Geographies of Women's Fear of Crime//Transactions of the Institute of British Geographers. P. 231-244.
- Parker K.D., Onyekwuluje A.B. (1992) The Influence of Demographic and Economic Factors on Fear of Crime Among African Americans//The Western Journal of Black Studies. Vol. 16. № 3.
- Rader N.E. (2004) The Threat of Victimization: A Theoretical Reconceptualization of Fear of Crime//Sociological Spectrum. Vol. 24. № 6. P. 689-704.
- Ratnayake R. (2017) Sense of Safety in Public Spaces: University Student Safety Experiences in an Australian Regional City//Rural society. Vol. 26. № 1. P. 69-84.
- Rijswijk L. van, Haans A. (2018) Illuminating for Safety: Investigating the Role of Lighting Appraisals on the Perception of Safety in the Urban Environment//Environment and Behavior. Vol. 50. № 8. P. 889-912.
- Scarborough B.K. et al. (2010) Assessing the Relationship Between Individual Characteristics, Neighborhood Context, and Fear of Crime//Journal of Criminal Justice. Vol. 38. № 4. P. 819-826.
- Sharma R. et al. (2022) Research Discovery and Visualization Using ResearchRabbit: A Use Case of AI in Libraries//COLLNET Journal of Scientometrics and Information Management. Vol. 16. № 2. P. 215-237.
- Šimáček P. et al. (2020) To Fear or Not to Fear? Exploring the Temporality of Topophobia in Urban Environments//Moravian Geographical Reports. Vol. 28. № 4. P. 308-321.
- Skogan W.G. (2012) Disorder and Crime//The Oxford Handbook of Crime Prevention. Oxford: Oxford University Press. P. 173-188.
- Sreetheran M., Van Den Bosch C.C.K. (2014) A Socio-Ecological Exploration of Fear of Crime in Urban Green Spaces - A Systematic

- Review//Urban Forestry & Urban Greening. Vol. 13. № 1. P. 1–18.
- Stamps III A.E. (2005) Enclosure and Safety in Urban Scapes//Environment and Behavior. Vol. 37. № 1. P. 102–133.
- Svensdotter A.O. N., Guaralda M. (2018) Dangerous Safety or Safely Dangerous: Perception of Safety and Self-Awareness in Public Space//The Journal of Public Space. Vol. 3. № 1. P. 75–92.
- Valera S., Guàrdia J. (2014) Perceived Insecurity and Fear of Crime in a City with Low-Crime Rates//Journal of Environmental Psychology. Vol. 38. P. 195–205.
- Warr M. (2000) Fear of Crime in the United States: Avenues for Research and Policy//Criminal Justice. Vol. 4. № 4. P. 451–489.
- Williams D., Ahmed J. (2009) The Relationship Between Antisocial Stereotypes and Public CCEM Systems: Exploring Fear of Crime in the Modern Surveillance Society//Psychology, Crime & Law. Vol. 15. № 8. P. 743–758.
- Wilson J.Q., Kelling G.L. (1982) Broken Windows. Critical Issues in Policing: Contemporary Reading//The Atlantic Monthly. P. 395–407.
- Yates A., Ceccato V. (2020) Individual and Spatial Dimensions of Women's Fear of Crime//Crime and Fear in Public Places. Vol. 44. № 2. P. 1–16.
- Zarafonitou C., Kontopoulou E. (2020) Environmental Degradation and Fear of Crime: The Research Evidence in the Center of Athens//Urban Crime. An international Journal. P. 3–33.

FEAR OF CRIME IN URBAN ENVIRONMENTS: A SYSTEMATIC REVIEW OF CURRENT RESEARCH

Igor S. Pakhomov, Bachelor's Student,
Vysokovsky Graduate School of Urbanism,
Faculty of Urban and Regional Development, HSE
University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: pakhomovofficial@gmail.com

This paper presents a systematic literature review on the fear of crime and related features of urban environments. The growing interest in research on the emotional perception of this environment and neourbanism has led to a large amount of research in need of systematization. Recent studies on the fear of crime are characterized by heterogeneity and the inconsistency of their results, so it is important to apply structured approaches to their analysis and interpretation. This study complements existing research about the spatial indicators which influence the fear of crime, and identifies gaps in the literature. The review was conducted following the PRISMA-2020 guidelines. Papers were selected and identified through AI-based Research Rabbit. 23 publications, which most correspond to the inclusion criteria, were included in the review. The results of the analysis confirm a significant dependence of the fear of crime on certain characteristics of the urban environment, although the influence of some of them needs further investigation.

Keywords: fear of crime; systematic review; urban studies; bibliometrics; PRISMA-2020

Citation: Pakhomov I.S. (2025) Fear of Crime in Urban Environments: A Systematic Review of Current Research. *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no 1, pp. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202599-115> (in Russian)

References

- Appleton J. (1975) Landscape Evaluation: The Theoretical Vacuum. *Transactions of the Institute of British Geographers*, pp. 120–123.
- Blöbaum A., Hunecke M. (2005) Perceived Danger in Urban Public Space: The Impacts of Physical Features and Personal Factors. *Environment and Behavior*, vol. 37, no 4, pp. 465–486.
- Bolger M.A., Bolger P.C. (2019) Predicting Fear of Crime: Results from a Community Survey of a Small City. *American Journal of Criminal Justice*, vol. 44, pp. 334–351.
- Bolger N., Davis A., Rafaeli E. (2003) Diary Methods: Capturing Life as It Is Lived. *Annual Review of Psychology*, vol. 54, no 1, pp. 579–616.
- Brownlow A. (2005) A Geography of Men's Fear. *Geoforum*, vol. 36, no 5, pp. 581–592.
- Brunton-Smith I., Jackson J. (2012) Urban Fear and Its Roots in Place. In: *The Urban Fabric of Crime and Fear*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 55–82.

- Ceccato V. (2020) The Architecture of Crime and Fear of Crime: Research Evidence on Lighting, CCTV and CPTED Features. In: *Crime and Fear in Public Places*. New York: Routledge, pp. 38–72.
- Cho J.T., Park J. (2017) Exploring the Effects of CCTV Upon Fear of Crime: A Multi-Level Approach in Seoul. *International Journal of Law, Crime and Justice*, vol. 49, pp. 35–45.
- Evensen K.H. et al. (2021) Testing the Effect of Hedge Height on Perceived Safety – A Landscape Design Intervention. *Sustainability*, vol. 13, no 9.
- Ferraro K.F. (1995) Fear of Crime: Interpreting Victimization Risk. New York: SUNY Press.
- Ferraro K.F., LaGrange R. (1987) The Measurement of Fear of Crime. In: *The Fear of Crime*. New York: Routledge, pp. 277–308.
- Foster S., Giles-Corti B., Knuiman M. (2010) Neighbourhood Design and Fear of Crime: A Social-Ecological Examination of the Correlates of Residents' Fear in New Suburban Housing Developments. *Health & Place*, vol. 16, no 6, pp. 1156–1165.
- Garland D. (2001) The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Garofalo J. (1981) The Fear of Crime: Causes and Consequences. *Journal of Criminal Law & Criminology*, vol. 72, no 2, pp. 839–857.
- Gray E., Jackson J., Farrall S. (2011) Feelings and Functions in the Fear of Crime: Applying a New Approach to Victimisation Insecurity. *The British Journal of Criminology*, vol. 51, no 1, pp. 75–94.
- Groshong L. et al. (2020) Attitudes About Perceived Park Safety Among Residents in Low-Income and High Minority Kansas City, Missouri, Neighborhoods. *Environment and Behavior*, vol. 52, no 6, pp. 639–665.
- Haider M.A., Iamtrakul P. (2018) Theoretical Concepts of Crime and Practices in Urban Planning and Design Process for Safe Urban Life. *International Journal of Building, Urban, Interior and Landscape Technology (BUILT)*, vol. 12, pp. 7–24.
- Hale C. (1996) Fear of Crime: A Review of the Literature. *International Review of Victimology*, vol. 4, no 2, pp. 79–150.
- Iliyasa I.I., Abdullah A., Marzbali M.H. (2022) Urban Morphology and Crime Patterns in Urban Areas: A Review of the Literature. *Malaysian Journal of Sustainable Environment (MySE)*, vol. 9, no 1, pp. 213–242.
- Iqbal A., Midhat M. (2022) Morphological Characteristics and Fear of Crime: A Case of Public Spaces in the Global North and South. *Built Environment*, vol. 48, no 2, pp. 206–221.
- Jackson J., Gray E. (2010) Functional Fear and Public Insecurities About Crime. *The British Journal of Criminology*, vol. 50, no 1, pp. 1–22.
- Jiang B. et al. (2017) Minimizing the Gender Difference in Perceived Safety: Comparing the Effects of Urban Back Alley Interventions. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 51, pp. 117–131.
- Jing F. et al. (2021) Assessing the Impact of Street-View Greenery on Fear of Neighborhood Crime in Guangzhou, China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no 1.
- Johansson S., Haandrikman K. (2023) Gendered Fear of Crime in the Urban Context: A Comparative Multilevel Study of Women's and Men's Fear of Crime. *Journal of Urban Affairs*, pp. 1238–1264.
- Kawshalya L.W.G., Weerasinghe U.G.D., Chandrasekara D.P. (2022) The Impact of Visual Complexity on Perceived Safety and Comfort of the Users: A Study on Urban Streetscape of Sri Lanka. *PLOS ONE*, vol. 17, no 8.
- Koskela H., Pain R. (2000) Revisiting Fear and Place: Women's Fear of Attack and the Built Environment. *Geoforum*, vol. 31, no 2, pp. 269–280.
- Kyttä M. et al. (2014) Perceived Safety of the Retrofit Neighborhood: A Location-Based Approach. *Urban Design International*, vol. 19, pp. 311–328.
- Lewis J.D. (2022) Introducing scite.ai, Inciteful.xyz, and Research Rabbit. *Research and Instruction Librarian for Engineering and Science*. ZSR Library, Wake Forest University.
- Lindgren T., Nilsen M.R. (2012) Safety in Residential Areas. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 103, no 2, pp. 196–208.
- Liska A.E., Sanchirico A., Reed M.D. (1988) Fear of Crime and Constrained Behavior Specifying and Estimating a Reciprocal Effects Model. *Social Forces*, vol. 66, no 3, pp. 827–837.
- Liu J. (2013) Neighborhood Structure and Fear of Crime in Urban China: Disorder as a Neighborhood Process. *International Annals of Criminology*, vol. 51, no 1–2, pp. 57–84.
- Lorenc T. et al. (2013) Fear of Crime and the Environment: Systematic Review of UK Qualitative Evidence. *BMC Public Health*, vol. 13, pp. 1–8.
- Navarrete-Hernandez P. et al. (2023) Planning for Fear of Crime Reduction: Assessing the Impact of Public Space Regeneration on Safety Perceptions in Deprived Neighborhoods. *Landscape and Urban Planning*, vol. 237, p. 104809.
- Page M.J. et al. (2021) The PRISMA 2020 Statement: An Updated Guideline for Reporting Systematic Reviews. *BMJ*, vol. 372.
- Pain R. (2001) Gender, Race, Age and Fear in the City. *Urban Studies*, vol. 38, no 5–6, pp. 899–913.
- Pain R.H. (1997) Social Geographies of Women's Fear of Crime. *Transactions of the Institute of British Geographers*, pp. 231–244.
- Parker K.D., Onyekwuluje A.B. (1992) The Influence of Demographic and Economic Factors on Fear of Crime Among African Americans. *The Western Journal of Black Studies*, vol. 16, no 3.
- Rader N.E. (2004) The Threat of Victimization: A Theoretical Reconceptualization of Fear of Crime. *Sociological Spectrum*, vol. 24, no 6, pp. 689–704.
- Ratnayake R. (2017) Sense of Safety in Public Spaces: University Student Safety Experiences in an Australian Regional City. *Rural Society*, vol. 26, no 1, pp. 69–84.
- Rijswijk L. van, Haans A. (2018) Illuminating for Safety: Investigating the Role of Lighting Appraisals on the Perception of Safety in the Urban Environment. *Environment and Behavior*, vol. 50, no 8, pp. 889–912.
- Scarborough B.K. et al. (2010) Assessing the Relationship Between Individual Characteristics, Neighborhood Context, and Fear of Crime. *Journal of Criminal Justice*, vol. 38, no 4, pp. 819–826.
- Sharma R. et al. (2022) Research Discovery and Visualization Using Researchrabbit: A Use Case of AI in Libraries. *COLLNET Journal of Scientometrics and Information Management*, vol. 16, no 2, pp. 215–237.
- Šimáček P. et al. (2020) To Fear or Not to Fear? Exploring the Temporality of Topophobia in Urban

- Environments. *Moravian Geographical Reports*, vol. 28, no 4, pp. 308-321.
- Skogan W.G. (2012) Disorder and Crime. In: *The Oxford Handbook of Crime Prevention*. Oxford: Oxford University Press, pp. 173-188.
- Sreetheran M., Van Den Bosch C.C.K. (2014) A Socio-Ecological Exploration of Fear of Crime in Urban Green Spaces – A Systematic Review. *Urban Forestry & Urban Greening*, vol. 13, no 1, pp. 1-18.
- Stamps III A.E. (2005) Enclosure and Safety in Urbanscapes. *Environment and Behavior*, vol. 37, no 1, pp. 102-133.
- Svensdotter A.O.N., Guaralda M. (2018) Dangerous Safety or Safely Dangerous: Perception of Safety and Self-Awareness in Public Space. *The Journal of Public Space*, vol. 3, no 1, pp. 75-92.
- Valera S., Guàrdia J. (2014) Perceived Insecurity and Fear of Crime in a City with Low-Crime Rates. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 38, pp. 195-205.
- Warr M. (2000) Fear of Crime in the United States: Avenues for Research and Policy. *Criminal Justice*, vol. 4, no 4, pp. 451-489.
- Williams D., Ahmed J. (2009) The Relationship Between Antisocial Stereotypes and Public CCTV Systems: Exploring Fear of Crime in the Modern Surveillance Society. *Psychology, Crime & Law*, vol. 15, no 8, pp. 743-758.
- Wilson J.Q., Kelling G.L. (1982) Broken Windows. Critical Issues in Policing: Contemporary Reading. *The Atlantic Monthly*, pp. 395-407.
- Yates A., Ceccato V. (2020) Individual and Spatial Dimensions of Women's Fear of Crime. *Crime and Fear in Public Places*, vol. 44, no 2, pp. 1-16.
- Zarafonitou C., Kontopoulou E. (2020) Environmental Degradation and Fear of Crime: The Research Evidence in the Center of Athens. *Urban Crime. An International Journal*, pp. 3-33.

Спиддейтинг с дисциплинами: рецензия на книгу The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies

Тарасов Иван Анатольевич, независимый
исследователь.
E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Иван Тарасов

Prell U. (2022) *The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies* / Translated from the German by Laura Radosh. Edited by Ute Reusch. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich, 144 p.

Кто такой Уве Прелл? Информации о нем и его академической активности не очень много, о большинстве сотрудников, скажем, ВШЭ или МГУ можно найти значимо больше сведений. Он — доктор политических наук, диссертацию прошел по исторической тематике. В 1980-х годах учился в Свободном университете Берлина — одном из лучших немецких университетов в сфере гуманитарных наук. Мои начальные знания о системе немецкого образования позволяют предположить, что, раз у автора есть и степень, и диссертация, он должен был обучаться где-то за пределами одного университета. Количество публикаций у Уве Прелла сравнительно невелико (а по меркам отечественных передовиков и вовсе несерьезное), и это преимущественно книги или главы в монографии, а не статьи. Кроме того, Уве публикуется только на немецком, а единственная переведенная его работа — причина этой рецензии: «Город: Междисциплинарное введение в городские исследования», изданная в 2020 году на немецком и переведенная в 2022-м на английский. Остальные работы посвящены близкой тематике — теория города, теория города в социальных науках, теория города в модерности. Это книга, которую сложно назвать входящей в интеллектуальный мейнстрим, написанная исследователем-теорети-

ком из немецкой академической среды. Поэтому она представляет собой интересный материал, позволяющий заглянуть в один из слоев, в один из способов мышления германской академии.

Из чего состоит эта книга? Перед нами чуть менее 130 страниц, разделенных на более чем 50 разделов-подглав. С одной стороны, удобно — каждый раздел можно прочесть почти мимоходом: в метро, за завтраком, пока ждешь, когда начнется созвон с коллегами. С другой стороны, сразу становится понятно, что особенной глубины от каждого раздела и книги в целом ожидать не стоит — ни ее объем, ни размер ее разделов не позволят раскрыться чему-то очень существенному.

Но выдержанная структура книги (введение, теоретическая часть, состоящая из разделов «Наука о городах», «Большие нарративы» и определения города в 12 языках, и практическая часть) позволяет предположить, что это самостоятельное теоретическое исследование, а не переложение/пересказ курса, как нередко бывает.

О чем эта книга? В разделе, который можно было бы назвать введением, изложена следующая цепочка рассуждений: города — это инструмент, который дает ответы на определенный тип вопросов. Если это так, то можно сделать реконструкцию: если город — это ответ, то каким был вопрос? На какой вопрос они позволяют ответить? Такое рассуждение можно понять так, что каждый конкретный город является специфическим локальным ответом на местные вызовы. Ход же мыслей автора подразумевает, что города вообще являются вариациями ответа на одни и те же вопросы, которые неоднократно и в разных формах возникали и возникают у сообществ людей. Поэтому кажется, что предметом исследования являются общие условия жизни, а не конкретный город и не города как феномен вообще. Город как ответ на незаданный вопрос — очень красивая риторическая фигура, которая не до конца раскрывается в следующих главах. Фокус интереса Уве Прелла — не город как феномен и не города как сущности. Скорее, его интересует определение города, то, что в городе способны зафиксировать разные дисциплины, языки, нарративы.

Автор не пытается переизобрести или представить дисциплину «Городские исследования», он немного в стороне от дискуссий, которые описывает Игорь Стась в вводной статье к выпуску «Множественная урбанистика» данного журнала, вышедшего под номером 4 за 2024 год, получившей название «Множественная урбанистика и ее языки описания». Задача Уве Прелла скромнее — показать разнообразие междисциплинарных перспектив. И тут важно, зачем, по его мнению, вообще необходима междисциплинарная перспектива, зачем географу или историку знать происхождение и контекст употребления слова «город»: это обогащает его как исследователя. И это отчасти удовлетворительный ответ — и сам Уве, и Игорь Стась [Стась, 2024] указывают, что одна из проблем междисциплинарного поля исследова-

ний заключается в том, что и карьеры, и статьи готовятся внутри дисциплинарных границ, социологу или историку мало прока от публикации в лингвистическом журнале. Поэтому единственная польза от междисциплинарности — создание *republic of conversation* — напоминание, что можно увидеть в городах и что-то еще.

Первый раздел третьей главы книги — теоретический и посвящен демонстрации многообразия дисциплинарных подходов. Начинает Уве Прелл с наук, которые касаются города: всего их выделяет 21: от археологии до архитектуры и от политологии до экологии. Понятно, что рассмотрение специфики каждой из них займет увесистый том, поэтому он объединяет их в 9 блоков, близких по сфере. Так, например, история и археология объединяются в одну группу, а юриспруденция выделяется в отдельный блок. В каждом из 9 блоков-метадисциплин он выделяет несколько ключевых концептов или исследователей для городской перспективы и делает краткую, почти энциклопедическую выжимку о них. В разделе о социологии такой чести удостоены Вебер и Чикагская школа, причем основным вопросом раздела можно было бы назвать соотношение города как пространственной структуры и сообщества-общества-государства. При этом каждый раздел — не просто сжатый пересказ, он содержит в себе попытку выделить главное, ключевое. Насколько я могу судить, не всегда это выходит конвенциональным способом, но почти всегда это оригинальная авторская мысль.

Следующий раздел посвящен тому, что он называет «большими нарративами», хотя их, скорее, правильнее было бы назвать опорными концептами или принятыми способами говорения о городе. Сюда входит также 9 подглавок: от «хорошего города» Аристотеля до «глобального города» Сассен, включая немного нетипичные «не город» Юргена Фридрихса или «открытый город» Сеннета. Каждую подглавку он, как и в предыдущем разделе, пересказывает и анализирует. Так, подглавка про типы городов Вебера действительно указывает на ключевое — что это часть большой методологии и имеет первичное отношение к специфике политики и рынков в Европе эпох Средневековья и Нового времени. Самый интригующий, на мой взгляд, раздел — «Не-город». В нем содержится следующая позиция: раз город является лишь отражением социальных процессов, пространственным отражением социальных сущностей, то и смысла выделять его в отдельную категорию нет. Разумно говорить лишь о пространственных проявлениях общественных явлений. Контраргумент Уве Прелла приблизительно следующий: мы не можем поставить знак равенства между городом и обществом, так как есть ряд феноменов, которые не объясняются только социальными характеристиками, но требуют независимых пространственных переменных — например, миграция населения в города.

Третий раздел этой главы — анализ определения города в 12 языках. Выбор языков, в отличие от «больших нарративов» и дисциплин, не случаен, он берет 12 наиболее распространенных мировых языков — от английского и немецкого до хинди и японского. В каждом из них он выделяет ключевые характеристики города в этой культуре: плотность, центральное положение, легальный статус. Сила этого раздела в том, что выделяются повторяющиеся, типичные характеристики, но присутствует и акцент на уникальном, характерном только для этой культуры. Так, для русского языка он указывает, что наибольшую значимость имеют характеристики размера и центрального положения, в то время как для немецкого акцент смещен на правовой статус территории (а не на горожанина), а в греческом-античном определении именно на статус горожанина и общины горожан.

Каждый раздел и глава в целом заканчиваются обобщением, выделением повторяющегося и, возможно, основного в том или ином взгляде на города. Вообще эта глава очень богата на интересную, нетипичную и запоминающуюся фактуру. Например:

— В немецком праве, по сути, нет такой сущности, как город — он полностью и до сих пор сливается с сообществом, является его синонимом (в отличие от, например, земель-регионов, которые обладают самостоятельным и прописанным статусом).

— Несмотря на кажущуюся (для нулевых) актуальность концепта «глобальный город» Саскии Сассен, он оказывается удивительно немодерным. Ядро этого концепта — «концентрация командных центров глобальной экономики» — может быть применено и к Флоренции времен власти Медичи, и к Риму времен его расцвета. Различия между Нью-Йорком 2000-х и Римом 100 года н.э. лишь в скорости, с которой они концентрируют в себе все возможные ресурсы, оставляя вокруг «зоны пониженного давления».

— На хинди слово «город» (*nagar* или *shahar*) означает поселение не только крупное и плотное, но и подразумевающее обогащение (процветание) его жителей. Это может означать, что города воспринимаются как области растущего благополучия (на контрасте со стабилизированной деревней). И тогда может возникнуть вопрос: как индусы будут воспринимать города вроде Великого Устюга или Мурманска? Как стагнирующие, сжимающиеся или стабильные?

Рассмотрев город сквозь призму 9 наук, 9 «больших нарративов» и 12 наиболее распространенных языков, Уве Прелл переходит к практической части (глава 4). В ней он выбирает 8 типов городов — от очевидного *megacity* и *smart city* до непривычных в нашей среде *capital city* и *virus city*. Каждый из этих типов он подвергает трехступенчатому анализу:

1. Степень проявленности функций. Функции были выделены в главе 3 через анализ 9 наук, 9 нар-

ративов и 12 определений. Функций всего 8: диагностическая, критическая, прогностическая, модельная и т.д. Например, глобальный город как определение обладает выраженной функцией ранжирования (Лондон — глобальный, Нарьян-Мар — нет), диагностической функцией, но не обладает критической функцией.

2. Второй шаг анализа — выявление выраженности или преобладания определенных характеристик города в этом конкретном типе города. Характеристики города — плотность, разнообразие, инфраструктура, единство и креативность — он также взял из анализа, проведенного в первой главе. Так, для мегагорода принципиально важны высокая плотность, разнообразие и креативность и не важно единство (*unity*).
3. Третий шаг — спекулятивные рассуждения относительно главного вопроса книги: ответом на какой вопрос является тот или иной тип города?

Последний раздел главы 4 посвящен связи городских проблем и типов городов. Автор выбирает 9 городских проблем, наиболее актуальных для современной ситуации, — от миграции до взаимодействия с окружающей средой, — и раскрывает их сущность и актуальность. Раздел опирается на следующую мысль: логики, стоящие за различными концепциями, проявляют или отдают приоритет разным городским проблемам. Их нельзя ранжировать или свести в единую структуру. Но при этом вполне возможно, по мысли Уве, раскрыть их шире, описать их важность или обнаружить ядро городской проблемы.

Теперь попробуем понять, для чего все это нужно, как-то определить этот текст. Если бы мне пришлось переводить эту книгу, я бы попытался сделать подзаголовок: «Слишком много всего: города в междисциплинарном контексте». Проблема заключается в следующем: автор владеет хорошей фактурой, которая показывает в нем сильного историка, владеющего подходами других социогуманитарных дисциплин, но он не может ни за что зацепиться.

Я предполагаю, что основная задача исследования — поработать с контекстами слова «город», найти точку, где сходятся больше всего дисциплин, обрывается междисциплинарность, и объявить: «Отсюда видно лучше! Здесь — перспектива!» Но сделать это не получается. Не потому, что Уве Прелл плохо сработал или чего-то не учел, а потому, что это странная задача. Например, потому, что не совсем понятно, на каком «поле» играет автор. Его, повторюсь, не интересует город как феномен вообще, как у Мамфорда в работе «Город в истории», или отдельные города, как в «Истории городов будущего» Брука. Он не использует эмпирические свидетельства, чтобы попытаться найти закономерности метауровня, которые определяли бы города, как исследователи естественно-научного профиля из института Санта-Фе. Это и не история понятий — тогда мы бы смогли прочитать о том, как

в одном или нескольких близких культурных контекстах развивалась идея города, что под ней подразумевалось в разных случаях и разных эпохах. Он не пытается разобраться в понятиях, контексте их формирования или употребления. Он просто сводит их в таблицы, выбирает наиболее интересные или объясняющие, с его точки зрения, раскрывает и идет дальше к следующим пересечениям. Продуктивный ли это метод? Не уверен, но я думаю, читатели могут оценить это сами.

Отчасти «Город» похож на компендиумы по городским исследованиям. Как и в подобных сборниках, здесь через структуру небольших разделов, посвященных отдельным проблемам или способам рассмотрения города, раскрывается простор дисциплинарного поля. В таком ракурсе книга справляется с задачей лучше многих подобных изданий — Уве Прелл дает вводный концепт или тип города и затем с разной степенью успешности использует его. Проблема возникает только в том случае, если мы ищем в этой книге ответ на поставленный автором вопрос, а именно: «Ответом на какой вопрос (или вопросы?) являются города?».

Вероятно, меня можно обвинить в излишней строгости по отношению к книге. И это так, потому что она затрагивает несколько вопросов, которые я сам хотел бы обсудить и которые Уве Прелл так и не раскрыл. И основной из них — проблема рассмотрения городов как некой единой сущности, как если бы мы говорили о конкретном виде бабочек или папоротников. Нам нужно определиться с тем, что мы имеем в виду под «городом». И этому посвящена вся третья глава. Благодаря ей мы видим, что в разных культурах, языках, эпохах определения города, его функции, его характеристики варьируются значительно. Общие черты встречаются, но я боюсь, что здесь автор где-то специально, а где-то ненамеренно отсекает лишнее, не подходящее для его целей. Пример такой обрезки — рассуждение о том, почему Чатал-Гюк или Культурный комплекс залива Ххамбат (ГКСС) являются не городами, а всего лишь крупными постоянными поселениями. По мнению Уве, такие находки нельзя называть городами, так как модель общежития, распространенная в них, не является городской, городским образом жизни в нашем представлении. Этот способ совместного проживания был единичным экспериментом, не дал «потомства», не стал моделью для будущих поселений и современного образа жизни. Прообразом городов можно, по мнению Уве, назвать первые города Междуречья. Его логика приводит к следующему: все города современности и прошлого — это одна генетическая линия, вариация на тему, или развитие городов долины Тигра и Евфрата. На следующей странице, после этих объяснений, можно найти такую мысль: можно себе представить, как в расчищенные от завалов развалины Помпей снова входит современная жизнь с фастфудом и Wi-Fi.

И это не совсем убедительный ход. Между смертью Чатал-Гюка и смертью Помпей больше 5,5 тыс.

лет, что в два с лишним раза больше, чем между гибелью Помпей и нашим временем. Даже если представить, что в планировочную и архитектурно-инженерную инфраструктуру Помпей можно вселить современную жизнь (что тоже сомнительно), то это будет скорее косплей или, наоборот, историческая реконструкция. Аргумент об общем «образе» городов успешно разбивается и об относительность определений города даже в современных культурах, о чем он сам же дальше и пишет.

Проблема с рассмотрением города как единого феномена, как биологического вида (или инструмента, как настаивает автор) в том, что, фокусируясь на сходствах, он пропускает различия. Различия между древнеегипетским городом и средневековой крепостью феодала. Между современным Самаркандом и городами инков. Между городами промышленного освоения Севера СССР и «глобальным» Токио. Эти различия ощущаются и не дают подходить к анализу и исследованию городов с одним шаблоном. По этой причине мы можем найти сотни определений городов, не ограничивающихся характеристиками, знакомыми из школьной программы по географии («численность и несельскохозяйственная занятость»). По этой же причине появляется столько «больших нарративов» и «дисциплинарных взглядов» на города. Мы не просто смотрим на одну вещь с разных точек зрения. Мы смотрим с разных точек зрения на разные вещи.

Как свести эти точки зрения и вещи в одну дискуссию? Как выйти на метауровень и договориться, о чем разговор? Нас учили, что для этого науке нужна философия; обратимся к ней. Можно пойти по пути, который недавно можно было назвать модным, — обратиться к Делезу через посредничество более читабельного и понятного Деланды [Деланда, 2018]. Он скажет нам, что города — это ассамбляжи. Такие ассамбляжи существуют в популяциях, созданных рекуррентными процессами. Что технологические новшества изменяют свойства ассамбляжей. Отсюда будет следовать, что существует несколько различных популяций городов, включающих разные технологии. Например, до сих пор актуальным будет различие популяций городов морской торговли и городов, подчиняющихся правилам «решетки Кристаллера». Популяции городов, завязанных на нефтедобычу, и городов, включенных в международные академические сети. Тогда Чатал-Гюк окажется артефактом уже несуществующей популяции ассамбляжей. Но это не делает его не-городом. Наоборот, он представляет из себя интересный источник того, каким еще может быть / как иначе может быть устроено человеческое (и нечеловеческое) общежитие в городе. Анализ и выделение таких популяций и условий их возникновения представляется мне более продуктивным, чем поиск общих мест в разнородной подборке концептов городов. Можно пойти и другим способом — минуя Деланду, сразу к Делезу. Это повысит сложность, хотя работы в таком направлении уже есть.

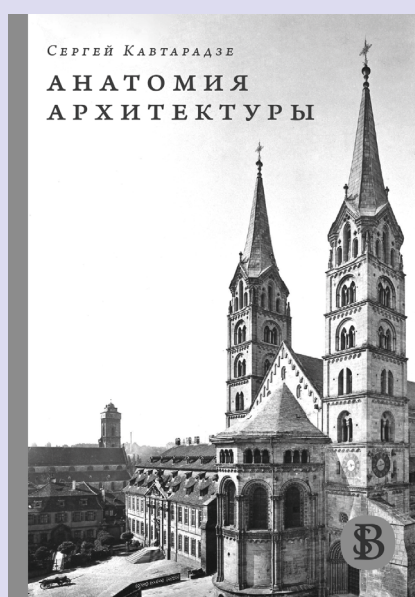
Иначе говоря, подступиться к этой проблеме можно с разных сторон. Важно при этом понимать, что, называя что-то городом, мы имеем в виду не вид, а скорее род, семейство или отдел. Причем вполне может быть, что метафора биологической систематики будет вообще неуместна и следует обратиться к иным способам различения индивидуальностей. Под словом «город» скрываются очень разные сущности, с которыми мы, по невежеству, обращаемся одинаково.

Итог: эта книга — хороший способ бегло ознакомиться с множеством концепций города. Ее вполне стоит почитать специалисту, чтобы восстановить выпавшие «пазлы» в памяти или найти несколько забытых интуиций. Студентам она может дать общее представление о способах анализа города, но важно не останавливаться только на этой книге, потому что она ограничивается только введением в городские исследования с междисциплинарных позиций. Хотя ничего другого название и не обещало. Приятное дополнение к книге — несколько авторских подборок музыки, книг о городах; сами они и авторские комментарии к ним позволяют как-то ближе позна-

комиться с автором как с человеком. И было бы неплохо, если бы подобные книги с подобными вставками издавались и в России.

Источники

- Piell U. (2022) *The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies*/Translated from the German by Laura Radosh. Edited by Ute Reusch. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich. 144 p.
- Деланда М. (2018) *Новая онтология общества*. Пермь: Гиле Пресс.
- Стась И.Н. (2024) Множественная урбанистика и ее языки описания // *Городские исследования и практики*. Т. 9. № 4. С. 6–21.

Сергей Кавтарадзе
АНАТОМИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2025

Количество страниц: 496

ISBN 978-5-7598-2550-0

ISBN электронной версии 978-5- 7598-4063-3

Книга призвана научить читателя понимать архитектуру прежде всего как вид искусства. В семи главах, которые, в соответствии с давней традицией архитектурных трактатов, автор назвал «книгами», рассказано об основных конструктивных решениях, о том, что творческая воля архитектора направлена не только на стены и перекрытия, но и на пространства между ними, о том, как отражаются в зодчестве представления об устройстве внешнего мира и о лабиринтах внутренних миров. Наконец, издание поможет познакомиться с основными этапами всеобщей истории архитектуры, с тем, какой стиль за каким следует и почему. Важная часть издания — иллюстративная составляющая. Это более 380 иллюстраций — фотографий, гравюр, картин, на которых представлены шедевры Микеланджело, Ле Корбюзье, Алексея Щусева, Константина Мельникова и других выдающихся зодчих.

Александр Рыжков

ГОРОД И ПЕРЕВОЗЧИКИ. ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТНЫХ РЕФОРМ

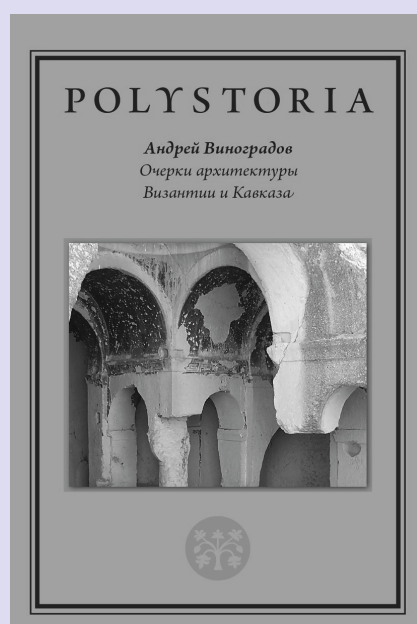
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 464

ISBN 978-5-7598-2932-4

ISBN электронной версии 978-5-7598-4040-4

Книга раскрывает тему взаимодействия государства и бизнеса в сфере городского пассажирского транспорта. На примере знаковых организационных реформ прошлого, которые то усиливали роль государства, то открывали отрасль для рыночных сил, рассказывается, как сформировались современные представления о регулировании пассажирских перевозок. Подробно рассматриваются различные кейсы: от XVII до XXI века, от Лондона и Стокгольма до Сантьяго и Найроби, от решений барона Османа и Маргарет Тэтчер до инициатив членов московского правительства. Книга построена на обширной базе литературных источников и профессиональном опыте. Она будет интересна специалистам и студентам в сферах городского транспорта, урбанистики и государственного и муниципального управления.

Андрей Виноградов
ОЧЕРКИ АРХИТЕКТУРЫ ВИЗАНТИИ И КАВКАЗА

Издательский дом Высшей школы экономики, 2023

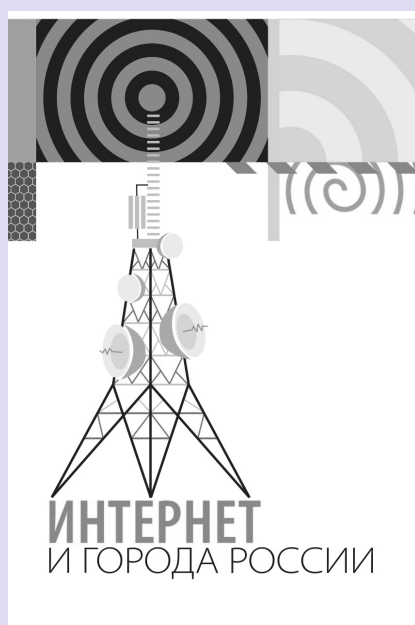
Количество страниц: 488

ISBN 978-5-7598-2372-8

ISBN электронной версии 978-5-7598-2408-4

В книге исследованы актуальные и недостаточно изученные проблемы средневековой архитектуры Византии и Кавказа. Первый раздел посвящен Византии. В нем рассматриваются сложные темы происхождения и ранней эволюции типа вписанного креста, генезис типа купольного зала, возникновение крестово-купольного триконха и др. Впервые дается обзор надвратных храмов, апсидиолы и полукруглой ниши. Большое внимание уделяется взаимоотношениям архитектуры Константинополя и провинций средневизантийского Востока, а также его региональным традициям.

Второй раздел книги посвящен архитектуре средневекового Кавказа. В нем рассматриваются парадигмы и передатировки в истории кавказской архитектуры и история купольной базилики. Дается обзор формирования послеарабской архитектуры в картвельских, абхазских и армянских землях. Освещаются и частные вопросы кавказской архитектуры: кирпичное зодчество Васпуракана, постройки Давида Курупалата, храмы Варзахана и др.

ИНТЕРНЕТ И ГОРОДА РОССИИ

Под ред. Полины Колозарики, Ольги Довбыш

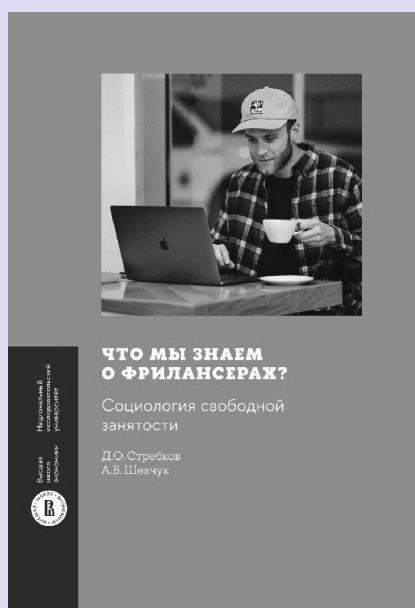
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 200

ISBN 978-5-7598-2669-9

ISBN электронной версии: 978-5-7598-4044-2

Написанная с целью критического осмысления интернета как одновременно технологии и социокультурного пространства, эта книга рассказывает об истории развития интернета в российских городах. Авторы, побывавшие в исследовательских экспедициях в нескольких крупных и малых городах, обсуждают значение интернета для локальной культуры, бизнеса, управления, анализируют изменения локальных медиа в цифровой среде и роль интернета для поддержания местной истории и идентичности. Также в книге представлен метод качественного полевого изучения многосоставного феномена локального интернета, предложены методологические подходы и приемы, которые могут быть использованы в будущих исследованиях.

Стребков Д.О., Шевчук А.В.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФРИЛАНСЕРАХ? СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2022

Количество страниц: 528

ISBN 978-5-7598-2722-1

ISBN электронной версии 978-5-7598-2804-4

В монографии рассматривается новое явление на российском рынке труда – самостоятельная занятость независимых профессионалов (фрилансеров), работающих удалённо с помощью Интернета. Сколько фрилансеров в России? Как они живут и работают? Каковы трудовые ценности и мотивация фрилансеров? В чём состоят возможности и риски свободной занятости? Каковы дальнейшие перспективы развития фриланса в России? Авторы дают ответы на эти и другие вопросы, опираясь на уникальные эмпирические данные – четыре волны масштабного мониторингового исследования «Перепись фрилансеров», охватывающего период с 2009 по 2019 год. За последнее десятилетие зафиксированы значимые изменения в социально-демографическом и профессиональном составе фрилансеров, а также формальных и неформальных принципах функционирования рынка удалённой работы, демонстрирующие активное освоение инновационной трудовой практики все более широкими слоями российских работников и высвечивающие острые проблемы на этом пути.

Ю.М. Плюснин

ПРОМЫСЛЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ

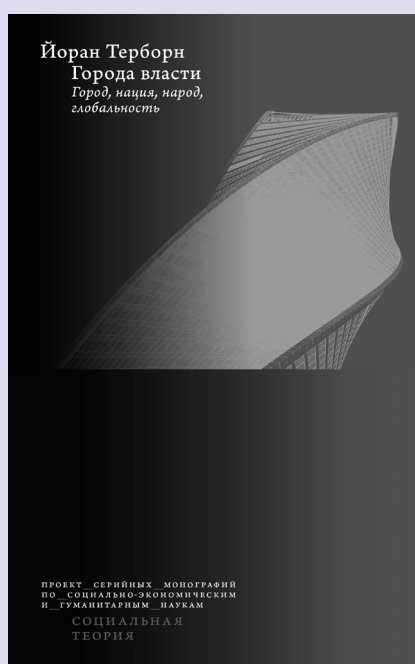
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 264

ISBN 978-5-7598-2931-7

ISBN электронной версии 978-5-7598-4058-9

Эмпирическое социологическое исследование неформальных хозяйственно-экономических практик (промыслов) провинциальных российских домохозяйств охватывает около четверти регионов страны. Выявлены и описаны виды промысловых практик и основные ресурсы, привлекаемые для осуществления экономической деятельности населения. Специальное внимание уделено древним (архаическим) промыслам и их сопоставлению с современными промыслами, базирующимися на разных источниках ресурсов. Соотношение разных видов промыслов определено как основное условие устойчивости местных обществ. Описаны тенденции как селитебной специализации промыслов, так и промысловой специализации отдельных общин и населенных пунктов в составе местных обществ. Разработана типология промыслов.

Йоран Терборн
ГОРОДА ВЛАСТИ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Количество страниц: 472

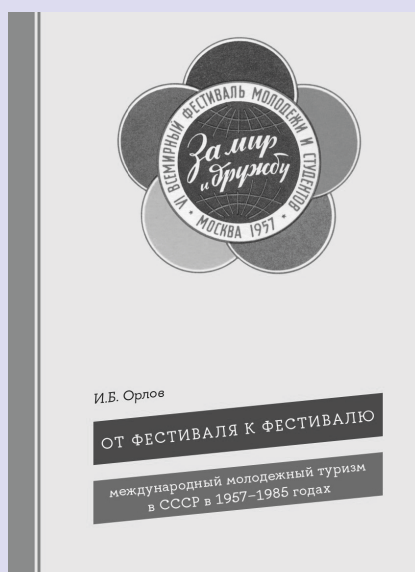
ISBN 978-5-7598-2521-0

ISBN электронной версии 978-5-7598-2293-6

В этом блестящем и оригинальном исследовании политики и значений городских ландшафтов ведущий социолог Йоран Терборн проводит тур по важнейшим столицам мира, показывая, как они оформлялись национальной, народной и глобальной силами. Он анализирует глобальные моменты формирования городов, исторический глобализированный национализм и города современного глобального капитализма образов с их всевозможными небоскребами, закрытыми сообществами и показной новизной.

Разбирая темы, варьирующие от эволюции модернистской архитектуры до возвращения городских революций, и сочетая рассмотрение политики, социологии, городского планирования, архитектуры и городской иконографии, Терборн ставит под сомнение устоявшиеся представления об источниках, проявлениях и объеме власти городов. Он отстаивает идею, что между городом и государством сохраняются сильные связи именно в тот момент, когда кажется, что они отделились друг от друга, и сегодняшняя глобализация городов в значительной степени подгоняется глобальными устремлениями политиков, а также национального и местного капитала.

Благодаря богатству урбанистических наблюдений, собранных на всех обитаемых континентах, уникальному систематическому подходу, охватывающему как Вашингтон или революционный Париж, так и блистающую столицу Казахстана Астану, а также острому и многостороннему анализу «Города власти» заставляют нас переосмыслить наше городское будущее, а также исторически сложившееся настоящее.

И.Б. Орлов

**ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖ-
НЫЙ ТУРИЗМ В СССР В 1957-1985 ГОДАХ**

Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 239

ISBN 978-5-7598-4124-1

ISBN электронной версии 978-5-7598-4214-9

В монографии на основе документов центральных и региональных архивов, материалов периодической печати и комплекса научной литературы реконструируется история Бюро международного молодежного туризма «Спутник» 1957–1991 гг. На страницах книги оживают люди, устраивающие систему молодежного туризма в СССР, а также молодые советские путешественники, открывающие для себя окружающий мир, и прежде всего за пределами советской ойкумены. Издание охватывает целый ряд вопросов: это проблемы институционализации, создания материально-технической и финансовой базы международного молодежного туризма; география и объемы въездного и выездного туризма; техники гостеприимства и объекты показа; открытие советской молодежью зарубежья и взгляд молодых иностранцев на советскую действительность; теневые аспекты молодежного туризма.